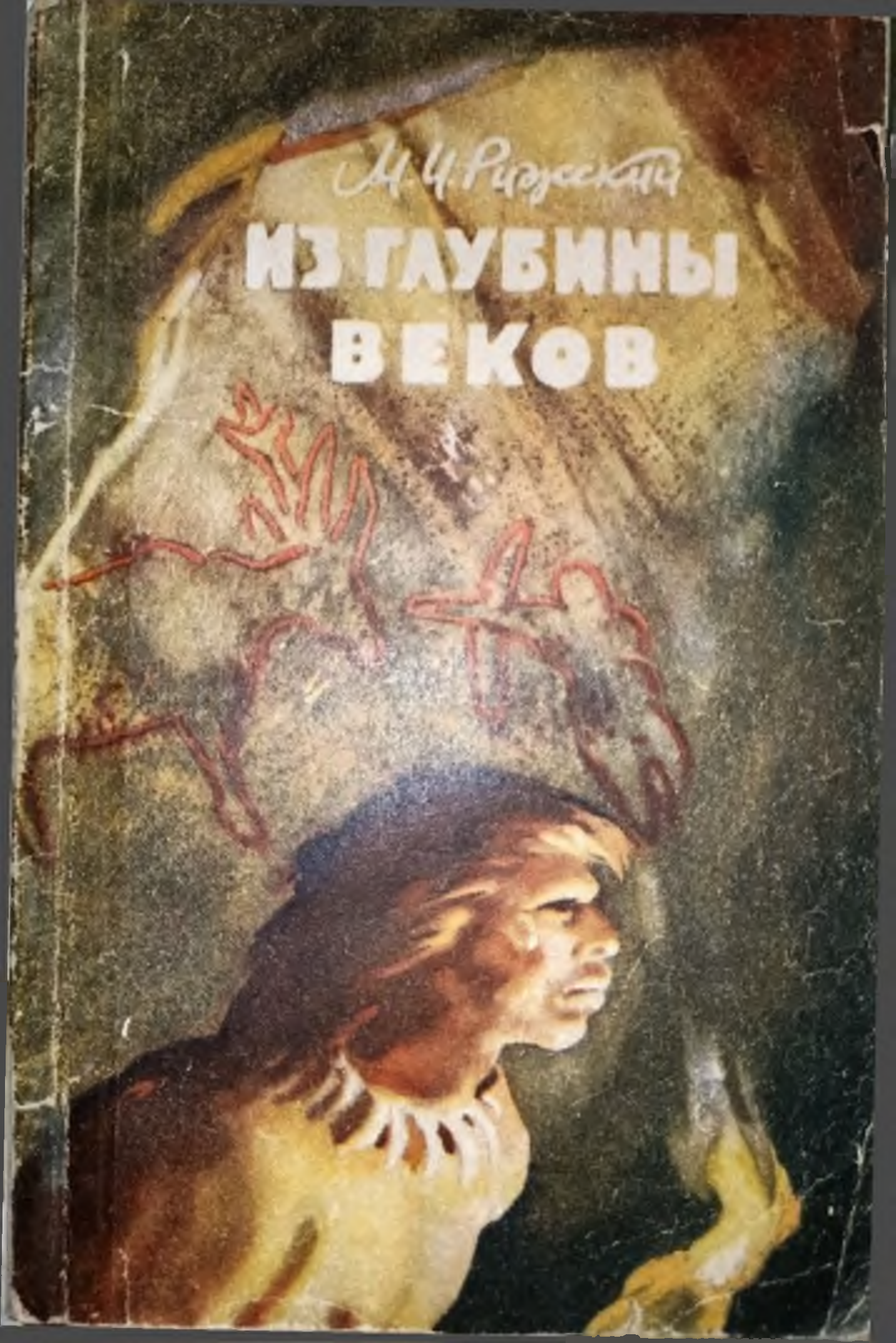

Д. Ц. Руджескати

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

*Дополнение
к списку
1971 г. 66. 2-е изд.*

М. Ч. Рижский

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

РАССКАЗЫ
АРХЕОЛОГА
О ДРЕВНЕМ
ЗАБАЙКАЛЬЕ

*Д
И
И
П*

*Восточно-Сибирское книжное издательство
1965*

М. И. Рижский — историк и археолог — в течение ряда лет участвовал в археологических раскопках в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В форме живых, увлекательных очерков он повествует о романтизме археологических поисков, восстанавливает картины жизни и быта древнейших обитателей Забайкалья. Книга рассчитана на старших школьников и студентов, а также на всех интересующихся историей родного края.

На обширных пространствах Забайкалья рассеяно множество археологических памятников: стоянки первобытных людей и их погребения, наскальные изображения, остатки городищ и развалины дворцов. Это немые свидетели интересного и богатого событиями прошлого края.

Природные условия Забайкалья в древности были вполне благоприятны для жизни людей. В дремучей тайге было множество зверей, полноводные реки и озера изобиловали рыбой, на степных просторах могли круглый год найти себе пропитание тысячные стада скота и табуны лошадей. Еще три тысячи лет тому назад Забайкалье славилось богатством своих недр: медью, оловом, золотом и серебром.

Неудивительно, что Забайкалье было заселено человеком еще в глубокой древности. Сотни племен и народов в разные времена проживали на территории края, и многие из них создали свою самобытную и во многих отношениях интересную культуру, которая заслуживает того, чтобы о ней знали наши современники.

М. И. Рижский поставил перед собой трудную, но увлекательную задачу — основываясь на данных археологии и немногочисленных свидетельствах письменных источников, написать серию популярных очерков о древностях Забайкалья, начиная с древнейших стоянок каменного века и вплоть до памятников монгольской эпохи. Он сделал даже и более того. То, что у него получилось, можно, пожалуй, назвать очерком древней истории Забайкалья. На мой взгляд, книга удалась. И это не случайная удача.

М. И. Рижский на протяжении ряда лет принимал непосредственное участие в археологических экспедициях по Восточной Сибири, Забайкалью, Дальнему Востоку.

Книга является в известном смысле результатом его долгих занятий по изучению забайкальских древностей, плодом его мыслей и раздумий. Автор собрал и обобщил в своей книге обширный фактический материал, что уже само по себе является большой заслугой, в особенности если учесть, что этот материал разбросан по различным специальным и труднодоступным изданиям, которые известны только узкому кругу специалистов. Но, пожалуй, не менее важно, что в книге М. И. Рижского научность содержания сочетается с пешаблонной, увлекательной манерой изложения. Книга доступна для самого широкого круга читателей. Она популярна в самом хорошем смысле этого слова.

Я уверен, что книгу М. И. Рижского используют в своей работе учителя школы. Они найдут в ней местный краеведческий материал, который необходим учителю для оживления уроков и для того, чтобы воспитать в учениках интерес и любовь к родному краю, стремление к борьбе за воплощение в жизнь ленинских идей — идей коммунизма.

А. П. Окладников, член-корреспондент АН СССР.

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЯ

Мне вспоминается такой случай.

Это было летом 1957 года. На окраине станции Оловинной Читинской области, на склоне сопки велись раскопки древнего могильника. День был жаркий. Археологи, обливаясь потом, орудуя ломами и лопатами, вытаскивали из захоронения огромные каменные плиты, выбирали землю, тщательно обметали щеточками древние кости, черепки глиняных сосудов. И как обычно бывает, когда раскопки ведутся поблизости от поселения, целый день около раскопок толпились любопытные местные жители, взрослые и дети, смотрели на нас и время от времени обменивались мнениями.

Вот, тяжело дыша от довольно крутого подъема на сопку, подошли к могильнику двое мужчин. Постояли несколько минут, поглядели и пошли прочь. А один из них, солидный пожилой человек с портфелем, вытирая платком пот с лысины, разочарованно и даже с раздражением сказал: «Смотреть не на что!.. Черт знает что... Геологи копают, так хоть пользу приносят. А эти — со старыми черепками да гнилыми костями возятся. Еще денги за это получают. Здоровые парни чепухой занимаются. Лучше бы на стройке поработали».

И вот я хотел бы сказать несколько слов о том, что такое археология и какое значение имеет эта наука.

«Археология» — слово греческое. Означает оно — «наука о древности». Но теперь этому слову придают несколько иной смысл. Археологией называют науку, которая изучает прошлое человечества по его вещественным памятникам.

Как известно, человек на земле уже существует около миллиона лет. А ведь письменность у людей появилась только каких-нибудь пять-шесть тысяч лет тому назад. И только с этого времени люди стали высекать на скалах, вырезать на каменных плитах или выдавливать на глиняных табличках какие-то надписи, например, о войнах, о подвигах царей и других важных с их точки зрения событиях. Откуда же мы знаем о том, что происходило в древнейший, дописьменный период?

Прежде всего от археологов.

Наши предшественники на земле, люди, жившие десятки и сотни тысяч лет тому назад, давным-давно умерли. И тела их истлели в земле. Но это не значит, что от них никакого следа не осталось.

И вот за работу берутся археологи. Они производят археологические разведки и раскопки. И под слоями земли (а иногда и на поверхности) обнаруживают вещественные памятники прошлого. Эти памятники различны: древние орудия труда и оружие, посуда и украшения, остатки древних жилищ и погребения, кости животных, на которых охотились древние люди, и останки самих этих людей.

Неспециалисту, пожалуй, и впрямь эти пожелтевшие кости, грубо оббитые камни и старые черепки от посуды могут показаться чепухой, не заслуживающей внимания. Но для археолога это подлинные свидетели седой старины. Нужно только понимать их язык, а рассказать они могут многое. О том, как жили наши далекие предки, какими способами они добывали средства к существованию: охотой, или скотоводством, или земледелием, каков был у них уровень производства и какой общественный строй, какая у них была религия и даже как они сами выглядели.

Нередко археолог прибегает к помощи других

наук. Например, геология может помочь ему по слоям земли определить возраст древней стоянки. А найдя череп древнего человека, археолог обратится к антропологии — науке, которая умеет по сохранившимся человеческим костям определить и возраст, и пол, и расу того, кому эти кости принадлежали, независимо от того, был ли умерший нашим современником или жил тысячи лет тому назад.

Очень охотно археолог использует также данные этнографии. Эта наука занимается изучением жизни и быта, нравов и обычаев ныне существующих народов и племен, в том числе так называемых «дикарских», то есть таких племен, которые по разным историческим причинам отстали в своем развитии от большинства других, цивилизованных народов. Как ни странно, но еще в наше время в некоторых глухих уголках земли существуют племена, стоящие на ступени каменного века, не знающие никакого металла.

Ученые-этнографы иногда по многу лет живут среди таких племен, тщательно изучают их жизнь и культуру, наблюдают за тем, как они изготавливают свои каменные орудия и какие способы они применяют для охоты, как строят жилища и как одеваются, какие у них общественные отношения, семейные обычаи и религиозные представления. А ведь нередко то, что сохранилось у этих отставших племен до настоящего времени, когда-то в такой же или иной, сходной форме было и у наших древних предков. Вот почему данные этнографии очень помогают археологу правильно понять и истолковать материалы своих раскопок.

В последние годы археологи все чаще используют достижения и таких наук, как физика и химия. Так, например, совсем недавно физики открыли ряд методов (например, так называемый метод радиоуглеродного анализа), при помощи которых удается довольно точно определить возраст найденных археологами древних костей, предметов из дерева, тканей, глиняной посуды и т. д.

Можно было бы перечислить десятки наук, к которым в нужную минуту обращается за справкой и помощью археолог. И в конце концов мертвые памятники древности для него точно оживают. Археолог

как бы заставляет их говорить, и они на своем языке рассказывают увлекательную повесть о седой старине человечества.

Выходит, что археология это никак не чепуха. Это наука важная, нужная и очень интересная.

Белое пятно на археологической карте

Знаете ли вы, что Забайкалье еще сравнительно недавно называли белым пятном на археологической карте нашей страны, настолько оно было слабо изучено археологами?

Чем это объяснить? Может быть, здесь мало было работы для археологов, мало вещественных памятников старины?

Нет. Совсем не так. Древних памятников, и притом интереснейших, в Забайкалье не меньше, чем в других краях и областях нашей страны, а то и побольше. Причина другая.

Как известно, в царское время Забайкалье было местом самой страшной в России каторги и ссылки. Коренные жители края, буряты и эвенки, по законам Российской империи считались не гражданами, а «инородцами», как бы людьми низшего сорта. И царское правительство вовсе не было заинтересовано в изучении истории «каторжного» края и древних племен и народов, населявших его в прошлом.

Однако образованные русские люди, побывавшие за Байкалом, уже давно с живым интересом отмечали многочисленные следы древней культуры этого края.

Так, почти 300 лет тому назад, в 1675 году, через Даурию и Нерчинск просажал вновь назначенный русский посол в Китай Николай Спафарий. Это был человек по тому времени высококультурный. В пути он вел путевой дневник. Позже этот дневник был опубликован. Вот, например, одна из записей в нем:

«...Ехали подле речки Шилки, лугами и степными местами. И переезжали речку Жорнокопку. А словёт та речка Жорнокопка для того, что подле ней лежат жорновы, большие каменные, выделанные».

Правильно отметив эти следы древнего земледелия в долине Шилки, Спафарий, однако, ошибочно

предположил, что оставили их жившие будто бы некогда в тех местах «китайские люди».

И многие другие путешественники и ученые, начиная с XVIII века, обращали внимание на развалины старинных городов, на остатки первобытных стоянок и захоронений и другие следы древней культуры в Забайкалье.

Со второй половины XVIII века русское правительство стало проявлять все больший интерес к природным богатствам Забайкалья, главным образом к рудным ископаемым. С Запада сюда едут горные инженеры, «рудознатцы», повсеместно ведутся разведки ценных руд: медных, оловянных, серебряных, роются шурфы, возникают рудники, плавильные заводы.

Разведчикам новых рудных месторождений то и дело попадались следы древних копей и плавильных печей и каменные орудия первобытных людей. В 1811 году великий революционер и демократ А. Н. Радищев, отбывавший ссылку в Восточной Сибири, писал о «древних рудниках, найденных в горах Алтайских и Аргунских». Он указывал также на то, как важно изучать историю коренных народностей Сибири, «раздвинуть непроницаемую завесу, за которой скрываются происшествия, касающиеся отдаленного прошлого различных сибирских племен».

И он понимал, какую неоценимую помощь могут при этом оказать археологические материалы, те «острые и твердые камни, которые близ рек находятся, служившие вместо топоров и ножей, могильные холмы и камни».

Некоторые сдвиги в изучении древностей Забайкалья и вообще Сибири происходят, начиная с середины девятнадцатого века. В это время в ряде городов Восточной Сибири и Забайкалья: Иркутске, Кяхте, Чите — возникают отделения Русского географического общества. Членами этого общества были местные краеведы-любители. Они усердно разыскивали, раскапывали и описывали древние памятники. Многие из них были настоящими энтузиастами, не жалевшими ни труда, ни здоровья, ни собственных денег. Добрым словом нужно помянуть кяхтинского учителя А. П. Мостица, который разведкал и описал большое количество памятников каменного века в За-

падном Забайкалье, в долинах рек Чикоя и Селенги; врача Ю. Д. Талько-Гринцевича, осуществившего в тех же местах ряд археологических и антропологических исследований, первого, кто обнаружил и описал гунгунские древности в Забайкалье. И особенно Алексея Кирилловича Кузнецова, бывшего политического ссыльного. Это был человек изумительной энергии и больших знаний. Отбыв шесть лет на самой страшной в России Карийской каторге, А. К. Кузнецов в 1879 году был оставлен в Забайкалье на положении ссыльного поселенца. Сперва он жил в Нерчинске, а позже в Чите. Умер уже при советской власти в 1928 году. А. К. Кузнецов сыграл главную роль в открытии двух музеев в Забайкалье: Нерчинского и Читинского.

В 1892 году А. К. Кузнецов объездил и обследовал юго-западные районы Агинской степи, низовья р. Или, долину Аги, окрестности оз. Бальзино. Только во время этой экспедиции он обнаружил следы не менее двадцати пяти стоянок каменного века. Позже им были разведаны стоянки в долинах рек Ингоды, Нерчи, Аргуни, Урлюгуня и в других местах. А. К. Кузнецов исследовал также ряд погребений бронзового века и пытался предпринять раскопки интереснейшего памятника монгольского времени в Забайкалье — Кондуйского городища. Но на это у него не хватило средств. В его распоряжении было только двое рабочих. И ему пришлось ограничиться лишь проведением двух небольших трапезей.

Усилиями дореволюционных исследователей Забайкалья был собран довольно значительный археологический материал, привлекая внимание ученого мира. Но все же работа их имела, в общем, случайный и бессистемный характер. Она состояла главным образом в сборе так называемого «подъемного материала», то есть — с поверхности земли. Масштабы их работ были очень ограничены. Царское правительство не оказывало им почти никакой поддержки.

В советское время изучение древностей в Забайкалье получило более широкий размах.

В 1927—1928 годах Академия наук СССР направляет в Забайкалье крупную археологическую экспедицию во главе с Г. П. Сосновским. Однако изыскания этой экспедиции ограничились только Западным За

байкальем. В 1934—1935 годах М. М. Герасимов раскопал крупный могильник у дер. Фофаново на левом берегу р. Селенги. На нем оказались погребения разных эпох — от неолита до бронзового века.

Снова, в гораздо больших масштабах, работы по археологическому изучению Забайкалья продолжались после Великой Отечественной войны.

В 1947 году Институт истории материальной культуры АН СССР совместно с Институтом культуры Бурятской АССР организовал новую археологическую экспедицию, руководителем которой стал крупный советский археолог Алексей Павлович Окладников. Работа этой экспедиции продолжалась в течение ряда лет.

Первоначально, до 1950 года, раскопки производились опять-таки только на территории Западного Забайкалья, в долинах рек Селенги, Уды и Джиды. Археологи обнаружили и раскопали целый ряд стоянок каменного и бронзового веков, из которых особенно интересный материал дали стоянки на берегу р. Нижней Березовки (приток Селенги), в восьми километрах ниже города Улан-Удэ. В конце 1950 года экспедиция под руководством А. П. Окладникова передвинулась на территорию Читинской области и произвела раскопки в Агинском национальном округе.

В 1952 году в работу экспедиции впервые включился небольшой читинский отряд в составе восьми студентов Читинского пединститута во главе с автором этой книги.

В последующие годы археологические раскопки производились уже регулярно как в Западном, так и Восточном Забайкалье. Были раскопаны такие замечательные памятники каменного века, как Ошурково, Санный мыс, стоянка Посольская на берегу Байкала у старинного русского села Посольского, Шилкинская пещера, мастерская каменного века на Титовской сопке, близ Читы. Производились раскопки гуннского городища на Нижней Иволге (в восьми километрах от Улан-Удэ).

С 1957 года под руководством известного археолога, члена-корреспондента Академии наук С. В. Киселева (ныне покойного) начались раскопки знаменитого Кондуйского городка около села Кондуя (в Бор-

линском районе Читинской области) и Хирхириинского городища (в Быркинском районе). Это — памятники монгольской эпохи. Раскопки этих памятников производились в течение трех лет и полностью еще не закончены.

Наконец, в 1960—1961 годах на реке Ононе близ села Будулан производил раскопки археологический отряд под руководством Ю. С. Гришина. А на Титовской сопке были возобновлены (А. П. Окладниковым) исследования мастерской каменного века. Причем в 1961 году здесь же были обнаружены и остатки древней стоянки.

Как видите, серьезно изучение древностей Забайкалья началось только в самые последние годы, 10—15 лет тому назад. Срок совсем небольшой. И все же за это время археологам удалось обнаружить такой обильный и интересный материал, что по нему, пожалуй, уже можно сделать попытку набросать хотя бы в общих чертах картину древнейшей истории нашего края. Конечно, не все в этой картине будет вполне ясным и до конца проверенным. Немало будет в ней и «белых пятен». Но общие контуры уже сейчас вырисовываются достаточно отчетливо. А «белые пятна»? Ну что ж! Работа археологов продолжается. Земля не сразу выдает свои тайны. Постепенно одно за другим исчезнут и «белые пятна».

Каменный век Забайкалья

Около миллиона лет тому назад...

Еще совсем недавно, каких-нибудь 15—20 лет тому назад, подавляющее большинство ученых считало бесспорным фактом, что заселение человеком Сибири произошло сравнительно поздно, когда уровень материальной и духовной культуры человечества достиг уже столь значительной высоты, которая позволила людям успешно справиться с суровостью климата и трудными условиями жизни на севере. По господствовавшему в науке мнению, это произошло в позднем палеолите, на конечном этапе древнекаменного века, приблизительно 15—20 тысяч лет тому назад. Это был конец ледникового периода. Но на большей части территории Европы и Азии царил суровый арктический климат. Именно в это время достигла высокого расцвета первобытная культура охотничьих племен Восточной Европы. Тогда-то они и перешли из Европы в Северную Азию и разожгли свои первые костры на берегах великих сибирских рек: Оби и Енисея, Лены и Ангары.

В пользу теории позднего появления человека в Сибири говорило как будто то, что все известные до последнего времени стоянки древнекаменного века Сибири: Афонтова гора у Красноярска, Мальта, Буреть у Иркутска, Санный мыс и Титовская сопка в Забайкалье — относились именно к позднему палеолиту. Ни одного археологического памятника более древнего не было известно. Еще в 1950 году

А. П. Окладников писал: «Возможность открытия в Сибири памятников предшествующих эпох палеолита маловероятна». И уже совсем невероятной казалась сама мысль о существовании человека в Сибири в доледниковый период, в эпоху нижнего палеолита.

А между тем еще в конце прошлого столетия возникла и другая теория.

Как известно, жизнь нашей Земли протекла не гладко (в буквальном смысле слова). Чудовищные катаклизмы неоднократно меняли ее облик. Возникали и исчезали моря и целые континенты. Поднимались и опускались горы. В истории Центральной и Северной Азии особенно важную роль сыграло поднятие Гималайских гор. Куэнь-луня и Тибетского плато. Это поднятие закончилось сравнительно недавно, менее 1 миллиона лет тому назад, и должно было привести к коренным изменениям природной обстановки на огромной территории.

Поднявшиеся к небу колоссальные горные хребты резко нарушили движение воздушных потоков. Они преградили путь с юга теплым испарениям Индийского океана, и в результате в северных районах начал постепенно меняться климат. Он стал более сухим и прохладным. Исчезла тропическая растительность. Сплошные дремучие леса стали редеть, перемежаться степными пространствами, и в конце концов здесь стали преобладать степные и пустынные ландшафты.

Но эти же изменения природной среды должны были стать мощным стимулом эволюции и животного мира. Несомненно, часть видов животных, не вынесшая суровой обстановки, вымерла или ушла на юг. Но другие остались и, вынужденные приспособиться к изменявшимся условиям природной среды, изменили свою собственную природу. Центральная и отчасти Северная Азия стала, по выражению одного ученого, «огромной биологической лабораторией», в которой возникли многочисленные новые виды, и притом наиболее приспособленные и прогрессивные. И в числе их оказалась какая-то разновидность высоко развитых обезьян, которая стала на путь очеловечения.

В безлесных местах эти древние обезьяны вынуждены были перейти к наземному образу жизни. Еще

Энгельс указывал, что это обстоятельство сыграло решающую роль — с ним был связан переход к прямохождению, а также к систематическому использованию при добывании пищи и для обороны от хищников палок, камней и т. д. (рис. 1).

Рис. 1.

Постепенно организм древних обезьян приспособивался к новой обстановке. Передние конечности укоротились, а кисти их необычайно усовершенствовались, так что они стали напоминать человеческие, в то время как задние конечности, наоборот, удлинились, стали более массивными и их кисти постепенно превратились в стопы. Изменение конечностей сопровождалось изменением и других частей тела.

Необычайно усложнившиеся условия жизни способствовали развитию мозга и мозговой деятельности древних предков людей. Из поколения в поколение они становились все более сметливыми, сообразительными. И в конце концов сделали величайшее открытие: от применения случайно найденных остроконечных камней они перешли к изготовлению искусственных каменных орудий труда (рис. 2). «Ни одна

Рис. 2 Древнейшие каменные орудия труда.

обезьянья руки не изготовили ни когда-либо котя бы с помощью грубого каменного ножа», — писал Энгельс. С изготовления и применения искусственных орудий труда начинается человеческий труд и вместе с тем история человечества.

Что собой представляли древнейшие орудия труда, мы знаем по археологическим находкам и ряде районов Азии, Африки и Европы. Такими, например, являются орудия так называемого раннесолянского типа (по реке Соли в Пакистане). Они отличаются очень характерными чертами: изготовлены, как правило, из крупных галек, оббитых несколькими сильными ударами только с одного конца и только с одной стороны, в то время как остальная часть поверхности гальки оставлена в естественном, необработанном виде.

Древнейшие орудия имели крайне примитивные и грубые формы (рис. 3). Но именно так, конечно, и должны были выглядеть первые изделия человека. Впоследствии в обработке каменных орудий появилась определенная система. Они стали симметрично обтесываться с обеих сторон, а еще позже — по всей поверхности изделия. Так, например, изготавливались «шелльские» и «ашелльские» орудия, которыми пользовались первобытные предки людей типа питекан-

тропа и синантропа, жившие на земле 500 — 200 тысяч лет тому назад.

Итак, согласно гипотезе, которая, как уже было сказано, появилась еще в конце XIX века, а впоследствии была поддержана некоторыми западными учеными (Г. Осборн, В. Д. Мэтью) и советскими (П. П. Сушкин, известный антрополог Г. Ф. Дебец), одним из районов земного шара, где появились древнейшие обезьяны-люди, была территория Центральной и Восточной Азии, включая и южные районы Сибири.

Рис. 3. Орудия раннего палеолита.
1 — ручное рубило, 2 — скребло.

Этой теории, однако, не хватало главного — фактов.

Правда, еще в конце двадцатых годов нашего века в Северном Китае, вблизи Пекина, были обнаружены костные останки и орудия труда одного из древнейших представителей человеческого рода — синантропа. Но основные районы Центральной Азии, вся Монголия и Сибирь по-прежнему оставались для археологов загадкой.

И только в самые последние годы старая гипотеза была подтверждена новыми открытиями советских ученых. Эти открытия были связаны с деятельностью группы археологов Сибирского отделения Академии наук СССР под руководством члена-корреспондента А. П. Окладникова.

В 1960—1962 годах археологическая экспедиция во главе с А. П. Окладниковым работала в Монгольской Народной Республике. В исследованиях принимали участие и монгольские ученые. И вот в разных местах великой пустыни Гоби археологи обнаружили следы значительного количества палеолитических поселений и множество каменных орудий. Причем некоторые из них скорее всего относились именно к раннему палеолиту, то есть ко времени существования неандертальского человека и даже еще более древнего — синантропа.

Но еще более замечательное открытие было сделано тем же А. П. Окладниковым на территории СССР, и притом в непосредственной близости к Забайкалью осенью 1961 года.

Неутомимого исследователя давно привлекал к себе район верховой р. Зеи, левого притока Амура. Этот район в археологическом отношении был до сих пор еще совершенно не изучен. И вот теперь обстоятельства сложились как нельзя более благоприятным образом.

Дело в том, что по решению правительства на верхней Зее должна быть в ближайшие годы построена новая мощная гидроэлектростанция. А это значит, что здесь будет возведена высокая плотина, построено большое водохранилище и какая-то часть долины реки выше районного города Зеи окажется под водой.

В таких случаях, по существующему в нашей стране положению, отпускаются специальные средства на археологические исследования в районе затопления. И это очень правильно. Ведь если здесь есть какие-нибудь ценные археологические памятники, то после того как они окажутся под водой, ученые к ним доступа уже иметь не будут.

Ранним сентябрьским утром А. П. Окладников с группой своих сотрудников обследовал высокий левый берег Зеи у села Филимошки. Берег спускался к реке двумя террасами высотой в 10 и 15 метров над уровнем реки. В обнажениях обрывов ясно выступали породы, из которых были сложены эти уступы. Сверху под тонким слоем дерна один за другим шли пласты желтых песков и сероватых супесей. А под ними

и основании нижней террасы залегал мощный слой галечника. Гальки были удивительно округлы и обкатаны до гладкости. Очевидно, в древности река была намного шире нынешней Зеи, ее мощное и быстрое течение обкатало гальки, а паводки, выбрасывая их далеко на берег, постепенно нарастили целый слой.

При осмотре верхней террасы археологи обнаружили в земле несколько каменных орудий довольно позднего времени и известных уже в Сибири типов. Ничего необычайного.

Но вот ученые спустились к подножию нижней террасы. Вот он, слой древнего галечника. Среди массы мелких кварцитовых галек попадаются более крупные и порою небольшие валуны. Но что это?

Внезапно Окладников наклоняется и вытаскивает из галечного слоя крупную гальку. Он внимательно, с каким-то странным волнением осматривает ее. Поразительно! Невероятно! Да ведь на ней явные следы обработки человеком. Галька намеренно расколота и оббита. Он не верит своим глазам.

Пригнувшись, он вновь проходит вдоль слоя галечника. С удвоенным вниманием приглядывается. Вот еще одна обработанная галька, и еще одна... Немного ниже, в осыпи, там, где берег подмыт весенними водами, он находит еще несколько оббитых галек. Теперь их у него в руках уже десять штук! Десять древних каменных орудий! Все они изготовлены примерно одинаковым способом из крупных кварцитовых галек. Большая часть поверхности гальки оставлена нетронутой. Только один конец и только с одной стороны подтесан несколькими сильными ударами так, что получилась острая рабочая часть. Но какой примитивный архаический облик у этих обработанных галек. Неожиданная мысль приходит ему в голову. Да ведь это же совершенно похоже на раннесоанские орудия!

Значение этого открытия трудно переоценить. По мнению Окладникова, «по-видимому, у села Филимошки на р. Зее обнаружены подлинно начальные следы человеческой культуры, древнейшие в Северной Азии остатки деятельности человека нижнечетвертичного периода».

Таким образом, можно считать доказанным, что в Северном Китае и в Монголии, то есть в тех районах Центральной Азии, которые находятся в непосредственной близости к Забайкалью, люди жили уже сотни тысяч лет тому назад. И на Зее, к востоку от Забайкалья, — тоже.

А если в соседних с Забайкальем районах Центральной Азии, а также в еще более близком Приамурье уже найдены прямые свидетельства существования там людей доледниковой и раннеледниковой эпохи, то есть все основания надеяться, что недалек тот день, когда и в Забайкалье лопата археолога откроет свету орудия или костные останки забайкальского неандертальца или даже еще более древнего человеческого предка, современника синантропа.

Во времена Великого оледенения

Около двухсот тысяч лет тому назад по каким-то причинам, которые еще до сих пор не вполне выяснены наукой, климат на земле стал значительно холоднее и в то же время влажнее. Летом бесконечно лили дожди, а зимой шел снег. И во многих местах за зиму выпадало такое количество снега, что он не успевал летом растаять. Год от года накапливался снеговой слой, и от собственной тяжести он спрессовывался и превращался в лед. Прошли тысячелетия, и большая часть земного шара оказалась покрытой мощным ледяным панцирем, толщина которого доходила местами до двух километров.

Это была пора Великого оледенения Земли — ледниковый период.

На огромной территории, там, где сейчас находятся государства Швеция, Норвегия, Финляндия, Англия, ГДР, ФРГ и ряд областей европейской части СССР, в ледниковом периоде простиралась мертвая ледяная пустыня. На сотни и тысячи километров кругом нельзя было встретить ни малейшего признака жизни, ни растений, ни животных, только ветер завывал над бескрайней равниной под холодным синим небом.

Но если на западе, в нынешней Европе, ледник опускался далеко на юг, доходя до тех мест, где сей-

час стоят города Киев и Воронеж, то в Азии границы ледника поворачивали круто на север. В Приуралье и Западной Сибири ледник был уже намного меньше и тоньше. А Восточная Сибирь и Забайкалье и вовсе не знали сплошного оледенения. Причина, по-видимому, заключалась в том, что хотя здесь холода были не слабее, а может быть, и сильнее, чем на западе, но зато осадков выпадало значительно меньше. Влажные ветры из Тихого океана сюда не долетали — им преграждали путь горные хребты Дальнего Востока. А холодные моря, омывавшие северные берега Сибири, всегда давали слишком мало испарений. И поэтому в Восточной Сибири и Забайкалье льда было мало, ледники образовались только на высоких горных хребтах. Оттуда они медленно сползали ледяными потоками в долину. Но так постепенно, что эти потоки по пути успевали растаять. Вода от них заполняла обширные впадины в земле. Таким образом возникли многие озера в Забайкалье. Например, некоторые геологи считают, что Беклемишевские озера и оз. Кенон в Читинской области имеют ледниковое происхождение.

Итак, даже в период наибольшего оледенения на Западе основная часть территории Забайкалья была свободна ото льда. И здесь сохранилась жизнь. Кое-где уцелели леса, хотя в них исчезли теплолюбивые широколиственные породы деревьев, а росли только наиболее приспособленные к холодам хвойные: ель, даурская лиственница, кедровый стланик и некоторые виды кустарников.

На большей же части Забайкалья леса исчезли. Они сменились в южных районах степями, а на севере — бескрайней унылой тундрой, на которой, однако, также росли всякие травы, злаки и осоки, мхи и лишайники, пригодные в пищу травоядным животным. А раз были травоядные, то были и охотившиеся на них хищники. Но и животные были уже не те, которые жили здесь в предыдущую теплую эпоху.

По костям, которые были найдены в разных местах Забайкалья, можно довольно хорошо представить себе, каким был животный мир в ледниковый период.

К этому времени давно уже вымерли более древние бесшерстные виды слонов и носорогов. Многие животные ушли от холода на далекий юг.

Рис. 4. Мамонт.

Из южных животных в Забайкалье лишь изредка попадались винторогая антилопа и страус, которые, оказываясь, могли выносить довольно низкую температуру. Зато по степям и по тундре бродили стада мамонтов и шерстистый сибирский носорог (рис. 4, 5).

Огромные трехметровые, загнутые кверху бивни мамонта и метровый рог на морде носорога служили этим животным не только в качестве боевого оружия. Зимой они ими, очевидно, разгребали снег, чтобы достать из-под него прошлогоднюю траву (рис. 5). Их толстая кожа была покрыта рыжевато-бурой или черной шерстью почти в метр длиной, под кожей залегал толстый слой жира. И мамонт и носорог были надежно защищены от стужи и пронизывающего ветра ледниковой поры. Но не хуже были приспособлены к новым условиям и такие животные, как грузный первобытный зубр, северный олень, испанский большерогий олень, у которого расстояние между концами рогов достигало почти четырех метров, дикая лошадь и многие другие (рис. 6). Как видите, и во времена Великого оледенения мир Забайкалья был достаточно богат и разнообразен.

Рис. 5. Шерстистый носорог.

А жил ли здесь в это время человек? Несомненно! В пятидесятых годах на территории Забайкалья

уже был открыт ряд палеолитических стоянок: Саянский Мыс и Ошурково в Западном Забайкалье, Титовская сопка и Атамановка в Читинской области. При раскопках стоянки на Санном Мысу, недалеко от города Хоринска, были обнаружены вместе с древними каменными орудиями кости шерстистого носорога и мамонта. Но, как доказали ученые, шерстистый носорог вымер еще задолго до окончания Ледниковой эпохи, а мамонты вскоре за ним.

Рис. 6. Большерогий олень.

Значит, во времена ледника человек в Забайкалье уже точно жил. Он не погиб от холода и не ушел на юг. Он выжил и приспособился к суровым условиям ледниковой эпохи. У него не было на коже такой густой шерсти, как у северного оленя или у дикой лошади, и не было согревающего слоя подкожного жира, как у носорога или пещерного медведя. Но он научился убивать этих животных. Добычей его становились даже такие гиганты животного мира, как мамонт и носорог. Человек питался их мясом и жиром. А из звериных шкур он стал изготавливать себе одежду. И он научился добывать разными способами огонь. Огонь стал его надежным защитником и другом — он согревал его жилище, отгонял страшных хищников и помогал ему жить.

Так древние забайкальцы перенесли ледниковую эпоху.

Мастера каменных орудий

Последний этап древнекаменного века археологи называют поздним или верхним палеолитом. По времени он совпадает с концом ледниковой эпохи — приблизительно сорок—пятнадцать тысяч лет тому назад.

В это время в Европе и Азии особенно усилились холода. Далеко на юг продвинулась тундра. Северный олень, песец и белая полярная куропатка, ныне обитатели далекого Севера, в то время жили на территории Северного Кавказа и Крыма, и там археологи обнаруживают их кости.

Но именно в этот период первобытное человечество сделало самый большой шаг вперед, поднялось на новую, несравненно более высокую ступень.

В музеях разных стран хранятся десятки тысяч орудий каменного века. Имеются они и в музеях Забайкалья. И вот, если сравнить орудия верхнего палеолита с более древними, то разница получается поразительная.

Первобытные предки людей, жившие до похолодания, изготовляли свои орудия самым простым способом. Найдя подходящий обломок камня или крупную гальку, они несколькими ударами оббивали ее с разных сторон, так что оставшаяся часть получалась приостренной формы. Этим они обычно и ограничивались. На рисунке 3 показано, как выглядели такие древнейшие орудия. То, которое изображено слева, археологи называют ручным рубилом, а правое — скреблом. Как видите, это были еще очень примитивные, грубые и массивные изделия, и они не отличались разнообразием форм. Но ведь тогда и труд человека был очень простым и однообразным. С помощью каменного рубила или заостренной палки можно было легче, чем голыми руками, выкопать из земли съедобный корень или клубень. Эти же орудия пускались в ход, когда нужно было отбиться от хищника или убить какое-нибудь мелкое животное, чтобы затем употребить его в пищу.

В суровых условиях конца ледниковой эпохи жизнь людей стала намного сложнее.

Главным занятием людей была теперь охота, дававшая такую высококалорийную пищу, как мясо и жир, и вдобавок шкуры — то, что было особенно необходимо в холодном климате. Стоянки верхнего палеолита иногда буквально завалены костями самых различных животных: мамонтов, носорогов, зубров, пещерных медведей, северных оленей и многих дру-

гих. Люди изобрели новые и разнообразные способы охоты. Усложнился труд человека, и теперь ему понадобились более совершенные и разнообразные орудия труда: наконечники копий и ножи, различные скребла и скребки для обработки дерева, кожи, резцы, чтобы резать кость, проколки, шилья, иглы для шитья одежды и много других. И вот наряду со старыми приемами обработки камня — оббивкой или обтесыванием — мастера верхнего палеолита стали применять ряд новых и значительно более сложных методов.

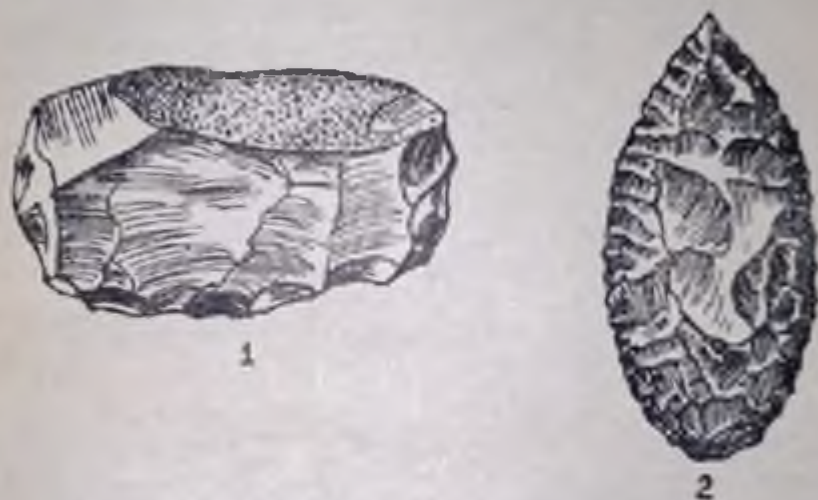

Рис. 7. Каменные орудия верхнего палеолита.

1 — скребло, 2 — наконечник копья.

Посмотрите на рисунок 7. На нем — крупное верхнепалеолитическое скребло. Как видите, это орудие изготовлено простой оббивкой. Оно имеет довольно грубый вид, но и применялось, наверное, для какой-нибудь простой черновой работы.

А рядом с этим скреблом нарисовано другое изделие верхнепалеолитического времени. Это наконечник копья. Обратите внимание на него. Какие точные и целесообразные формы, какая тонкая отделка! Это произведение мастера своего дела. Изготовить такое орудие было совсем не просто.

Представим себе, как это делалось.

Где-то в каменной осыпи у подножия скал древ-

ний человек нашел крупный кремневый желвак. Это была большая удача. Такие вещи встречаются не часто. А в каменном веке именно кремнь был излюбленным материалом для изготовления оружия.

И вот каменный обломок принесен на стоянку. Человек уселся поудобнее и внимательно осмотрел свою находку. Он зажал ее в левой руке (или закрепил каким-то другим образом). А в правой руке у него тяжелый каменный отбойник. Теперь он наносит отбойником несколько сильных ударов сбоку по одному из концов желвака. И в этом месте образуется почти ровная плоскость — «ударная площадка».

Затем первобытный мастер повернул заготовку ударной площадкой кверху. Он наносит удары отбойником по краям ударной площадки перпендикулярно к ее плоскости. Удар, еще удар... И каждый раз от желвака отскакивают плоские и довольно длинные пластины. Вот уже камень оббит со всех сторон. Он стал весь в ребрах и гранях — следы отколотых пластин. Такой оббитый желвак археологи называют нуклеусом-ядрищем (рис. 8).

Немного передохнув, мастер делает «второй заход». Он снова бьет отбойником по ударной площад-

Рис. 8. Верхний валюгит Забайкалья.
1 — нуклеус, 2 — пластина, 3 — пластина с ретулью по краям.

ке нуклеуса. Теперь откалывающиеся от нуклеуса пластины уже имеют с наружной стороны характерную ребристую форму. Наконец пластины достаточно.

Оставшуюся часть желвака иногда выбрасывали, а иногда путем подправки одной или двух граней превращали в скребок и тоже применяли как орудие.

Но главную ценность для древних мастеров представляли именно пластины. Из них-то и изготовлялись различные орудия.

Некоторые более мелкие или короткие шли в дело без дальнейшей обработки — в качестве пожиков. Такие ножевидные пластины — обычная и довольно частая находка на верхнепалеолитических стоянках.

Но чаще сколотые пластины подвергались еще дополнительной отделке. На рисунке 8 справа изображена пластина, найденная на Санном Мысу. Как видите, оба ее боковых ребра подправлены мелкими сколами — такая подправка у археологов называется ретушь. Может возникнуть естественный вопрос, зачем нужна была эта ретушь. Ведь первоначально ребро пластинки, наверное, было острее. Да! Но зато при работе оно могло бы сразу отколоться. Ретушь несколько притупляла край орудия, но и делала его более прочным.

Однако лучшие образцы орудий верхнего палеолита обработаны не только по краям. У того наконечника копья, о котором мы начали разговор, вся поверхность покрыта, точно рябью, фасетками — следами отделки.

Теперь мы познакомимся с одним удивительным способом обработки каменных орудий, способом, который был открыт, по-видимому, именно в верхнем палеолите, но продолжал применяться и позже в неолите и даже в бронзовом веке.

Это так называемый «метод отжима».

Вернемся к нашему первобытному мастеру.

Он все еще сидит на своем месте и разбирает лежащие перед ним кремневые пластины. Вот он выбрал одну, продолговатой формы и сравнительно правильных очертаний. Он берет ее в левую руку, а в правой руке у него небольшой роговой или костяной стержень — «отжимник». Теперь он приставляет край отжимника к поверхности пластины. Надавливая на

него, но не с постоянной силой, а как бы резкими прерывистыми нажимами. И с поверхности пластины начинают отделяться тонкие каменные чешуйки (рис. 9).

Рис. 9. Обработка каменного орудия «отжимом».

известна техника отжима, и она описана в литературе.

Но более того, всего каких-нибудь пятьдесят лет назад ученые получили возможность собственными глазами увидеть, как человек каменного века таким способом изготовлял орудия труда.

Этим человеком был североамериканский индеец по имени Иши.

Он был последним представителем вымершего племени яхи. Спасаясь от насилий белых колонизаторов, это небольшое племя еще в прошлом столетии ушло в покрытые лесом горные районы штата Калифорния. Яхи порвали все связи с окружающим миром. Они стали вести жизнь затравленных животных, постоянно переходя с места на место, тщательно скрывая свои следы, питаясь дичью, пойманной в горных ручьях рыбой и дикими плодами. Это была жизнь, полная страха и лишений.

И как их древние предки сотни и тысячи лет тому назад, яхи продолжали выделывать свои орудия из камня и кости. Они как бы застыли на ступени каменного века.

Постепенно от голода и болезней яхи стали вымирать. К 1906 году от всего племени в живых оста-

лось только четыре человека. А вскоре только один — Иши.

После этого еще в течение пяти лет одинокий индеец скитался в лесах. И наконец, дойдя до полного отчаяния, решил вернуться к людям, врагам своего племени. Это было в 1911 году.

Первая же его встреча с белыми людьми окончилась тем, что на него надели наручники и посадили в тюрьму.

Однако, к счастью для Иши, о необыкновенном происшествии узнали ученые. По их просьбе индейца освободили из заключения. Его привезли в город Сан-Франциско. А когда Иши научился немного говорить по-английски, его определили сторожем в этнографический музей.

Так в XX столетие пришел человек из каменного века. Понятно, что ученые постарались как можно лучше использовать этот редкий случай. Тем более что Иши охотно шел им навстречу. Он показывал ученым, как его соплеменники выслеживали добычу и охотились, как острой кололи рыбу, как посредством трения двух кусков дерева добывали огонь и как выделывали каменные орудия.

И тут-то ученые получили возможность своими глазами увидеть, что такое техника отжима. Иши владел ею в совершенстве. Казалось, без видимого усилия он мог за тридцать—сорок минут изготовить из твердешего камня обсидиана наконечник копья или пару наконечников для стрел или нож.

Этнограф Е. Нельсон попытался даже научиться у Иши искусству отжима. Увы, это оказалось для него непосильным делом. Позже Нельсон с огорчением писал, что когда он пробовал подражать Иши, то у него получалась только самая грубая, обрывисто уступчатая ретушь, в то время как изготовленные Иши предметы отличались изяществом отделки, строгой соразмеренностью форм и вполне напоминали лучшие археологические образцы верхнего палеолита.

После своего возвращения к людям Иши прожил недолго. Здоровье его было подорвано прежними лишениями. Вдобавок он заболел туберкулезом и в 1916 году умер в Сан-Франциско. По просьбе Иши его друзья-этнографы поступили с его телом по обычаям

племени яхи. Его сожгли на большом костре и вместе с ним его лук и стрелы и любимые украшения раковин и игол дикобраза.

Неудивительно, что ученому-этнографу так и не удалось овладеть техникой отжима. Судя по всему, в каменном веке она давалась далеко не всем в одной и той же степени. Но лучшие образцы ее, бесспорно, свидетельствуют о подлинном мастерстве, удивительном глазомере и художественном вкусе тех, кто их изготовил.

Тому, кто смотрит на эти орудия, не может не прийти в голову мысль, что грубая лапообразная кисть синантропа или неандертальца ни за что не смогла бы их сделать. И это совершенно правильная мысль.

Период верхнего палеолита как раз ознаменовался важнейшим событием в истории человечества. На смену древнейшим предкам людей типа синантропа и неандертальца на земле появился человек нового типа — «неоантроп» (с греч.—«новый человек»).

Судя по найденным археологами в разных местах костным останкам неоантропов, люди верхнего палеолита уже во всех своих основных чертах, строением тела и головы, развитием мозга и т. д. вполне напоминали современных людей. И умственные их способности, несомненно, также были намного выше, чем у синантропов или неандертальцев, в которых было еще много примитивного, звериного. Недаром в научной литературе человеку верхнего палеолита присвоено еще другое название — латинское: «хомо сапиенс», что значит — «человек разумный».

Кроме того, в период верхнего палеолита между людьми появились уже расовые различия. Некоторые из них были похожи на нынешних европейцев, вообще людей белой расы. Другие имели монголоидную внешность, третьи — негроидную.

К сожалению, в Забайкалье до сих пор ни одного палеолитического костяка не найдено. Но, судя по некоторым данным, древнейшие обитатели нашего края скорее всего отличались монголоидными чертами.

Ошурково—стоянка древнекаменного века в Забайкалье

Вряд ли кто-нибудь думал, что небольшая деревня Ошурково в 14 километрах к северо-западу от Улан-Удэ когда-нибудь получит мировую известность. Однако это произошло. И сейчас жители Ошурково могут встретить название своей деревни в солидных научных статьях и даже в толстом томе Всемирной истории.

Дело в том, что около Ошурково была обнаружена одна из древнейших в Забайкалье стоянок древнекаменного века. Открыл ее А. П. Окладников в 1951 году. Раскопки стоянки начались в этом же году и были продолжены в следующем, 1952.

И до этого в Забайкалье нередко находили орудия эпохи палеолита — древнекаменного века, и другие предметы, относящиеся к этому времени. Но все это были отдельные и разрозненные находки главным образом на поверхности почвы и в песчаных выдувах. Ошурковская же стоянка тем и была ценна, что в ней все предметы залежали на месте, в соответствующих слоях земли, кости рядом с орудиями. Значит, была возможность с большей уверенностью определить возраст этих находок и их взаимную связь. Вот почему так обрадовался А. П. Окладников открытию новой стоянки.

А в начале июля 1952 года в Читинский пединститут на мое имя пришла короткая телеграмма: «Выезжайте студентами участия раскопках палеолитической стоянки — Окладников».

Сборы были не долги. Через два дня небольшой отряд читинцев, состоявший из восьми студентов пединститута и одного школьника девятого класса, Коли Поволочко, уже был в Улан-Удэ. А еще через день, вооруженные лопатами, кирками, ножами, щетками и прочей археологической амуницией, мы прибыли на место раскопок.

В эти дни шоферы машин, то и дело пронесившихся по шоссе, должно быть, немало удивлялись: чем занимаются эти юноши и девушки, копающиеся в земле у самой обочины дороги? А наши студенты, если бы им задали этот вопрос, могли бы, пожалуй,

ответить: «Мы совершаем путешествие в глубь тысячелетий». И это было бы чистой правдой. Как показали данные раскопки, Ошурковская стоянка относится к позднеледниковому периоду, ко времени приблизительно 15—10 тысяч лет тому назад.

Как всегда, раскопки начались с «привязки» памятника к местности. С помощью землемерных инструментов было точно определено местоположение стоянки: ее расстояние от деревни, от шоссе, высота над уровнем реки Селенги, протекающей в полугора километрах отсюда. Был составлен план. Были сделаны фотографии. Затем стоянка была разбита на квадраты (2×2 м), по углам квадратов забиты колышки, а между ними натянули шнур. Каждый квадрат получил свой номер. И только после этого люди «стали на квадраты» и начали копать.

Но тут я хочу сделать небольшое отступление. Некоторые студенты, как они мне потом признались, представляли себя археолога кем-то вроде землекопа: лопата в руке, знай копай, выкидывай землю. В первый же день в Ошурково они убедились, насколько ошибочными были их представления.

Конечно, лопата — друг археолога (иногда археолог так называет себя: историк с лопатой в руках). Но лопата у него в ходу не все время.

Начало раскопок. Археологи снимают первый слой примерно на глубину лопаты (первый «штык»). Это обычно дерн. В нем вряд ли будет что-нибудь интересное. Тут в дело идут лопаты. Все стоят по своим квадратам, одни копают и выбрасывают лопатами землю, другие внимательно просматривают ее, разгребают, разминают комки, чтобы случайно не выбросить вместе с землей какой-нибудь древний предмет. А в это время художник делает зарисовки и наносит на листе миллиметровки план раскопок, тоже разбитый на квадраты. В дальнейшем все находки будут наноситься на этот план.

Вот уже снят второй штык по всему раскопу. Находок все еще нет, и вдруг раздается возглас: «Внимание, пошел культурный слой». Теперь-то и начинается самое главное.

Но что это такое «культурный слой»?

Предположим, что на каком-нибудь месте долго

жили первобытные люди. Они жгли здесь свои костры, изготавливали каменные и деревянные орудия, разделывали туши убитых ими диких животных и тут же пекли их на кострах и ели. А угли и зола от костра, кости животных, сломанные или утерянные орудия, «отщепы» — то есть осколки, которые получались при изготовлении каменных орудий, короче говоря, всякие отходы, отбросы попадали в почву. Они втапывались в нее и смешивались с землей, придавая ей более темный вид. Вот такой почвенный слой со следами жизни и деятельности людей и называется в археологии «культурным слоем».

А теперь предположим, что люди по какой-то причине ушли с этого места. Проходят годы, века, тысячелетия. Дует ветер, несет пыль. Постепенно на месте бывшей стоянки над культурным слоем нарастает слой пустой, не содержащий никаких «культурных остатков», как говорят археологи, — «стерильный».

Но могло случиться и так, что по прошествии многих веков на этом месте снова поселились люди. Тогда над стерильным слоем ложился второй культурный слой и т. д. Стоянка, на которой обнаружено несколько культурных слоев, называется многослойной.

Ошурковская стоянка оказалась многослойной. В ней было не менее трех культурных слоев. Самый нижний из них, и, значит, самый ранний, относился как раз к древнекаменному веку, к самому концу его.

Так вот, когда археологи доходят до культурного слоя, лопаты отступают на задний план. Ножи, ножички, шилья, кисти, щетки — вот что теперь в руках у археологов. Проворно и аккуратно с огромным терпением тонкими слоями убирается весь культурный слой. Вот попалась кость, вот сломанный наконечник копья... внимательней, еще внимательней! Каждая вещь должна пока оставаться на своем месте. Это очень важно. Ножи и кисточки проворно бегают вокруг находки, оскребая и обметая с нее и вокруг нее землю. Осторожно! Древняя кость может быть очень хрупкой. Лучше не дотрагиваться лишней раз. Лучше нагнуться и обдуть. А художник наносит все на план, в точности отмечая, в каком квадрате, где, на какой глубине, в каком положении лежала та или иная вещь. Затем все снова фотографируется. И только

после этого разрешается собрать весь найденный материал. Опять-таки по квадратам. Находки тщательно заворачивают в пакеты и на каждом пакете обязательно черным карандашом наносится надпись, например, такая: «Бурит-Монгольская экспедиция 1952 г. Раскоп первый, штык второй, квадрат Б5 Кости».

И так слой за слоем.

Далеко не всегда археологическую находку можно сразу заворачивать в бумагу. Иногда найденная кость или изделие настолько изъедены временем, настолько хрупки, что их нельзя даже с места стронуть — развалятся. И тогда археолог применяет ряд предохранительных мер. Например, на горе Тологой, недалеко от Улан-Удэ, археологи нашли целиком череп шерстистого носорога. Каким массивным и крепким выглядел этот огромный череп! Однако едва дотрагивались до кости, как она тут же рассыпалась на глазах. И череп пришлось сперва залить целиком особым клеем, затем завернуть во много слоев пропитанной гипсом марлей, пока не получился сплошной гипсовый блок, и только когда гипс затвердел, находку с большими предосторожностями уложили и запаковали в ящик. Все это поедет в Москву, а там специалисты осторожно снимут гипс и восстановят череп.

Как видите, археологические раскопки — не такое уж простое дело.

Что же нашли археологи при раскопках на Ошурковской стоянке?

Прежде всего орудия труда. Они были из камня и из кости и сравнительно хорошо сохранились. Посмотрите на рисунок 10. Там изображены некоторые из этих орудий. Часть из них сделана из галек. Вот, например, орудия 1—2. Такого рода орудия археологи называют скребками и скреблами. Для чего они применялись? Примерно для тех же целей, что и современные ножи. Ими можно было разрезать шкуру животного, освежевать зверя, срезать мясо с костей, соскрести с внутренней стороны шкуры жир и мездру, чтобы потом сшить из нее одежду или оскоблить древко для копыя и т. д.

Найдены были и другие виды орудий. Например, наконечники копий. Вы уже знаете, что наконечники

копий древнекаменного века часто имели форму лаврового листа. Но на Ошурковской стоянке были найдены наконечники копий другого вида, «вкладышевые». Они изготовлялись таким образом. Бралась длинная узкая костяная пластинка (например, выпрямленная реберная кость какого-нибудь животного). Вдоль ее длинных краев пропиливались или выскребались узким кремневым резцом довольно глубокие пазы и в эти пазы вставлялись острые режущие каменные пластинки — «вкладыши». На рисунке 10 изображен такой наконечник из Ошурково. А рядом с ним другое орудие оттуда же. Оно тоже вкладышевое, но паз у него только с одной стороны. Это был вкладышевый нож. Вкладышей от этих орудий не нашли. Но на рисунке художник нарисовал, как должен был выглядеть наконечник со вкладышами.

Кроме того, на Ошурковской стоянке было найдено большое количество пожевидных пластинок и великое множество «отщепов» — осколков кремния, которые получаются при изготовлении орудий. Должно быть, жители стоянки изготовляли орудия тут же в жилище.

Орудия 6—7 — не каменные, а костяные. Первое из них — костяной наконечник гарпуна (вы знаете, конечно, что гарпуны употребляются обычно для ловли рыбы). А рядом с ними — костяная же игла и проколки.

Как видите, у первобытных обитателей Ошурково был уже довольно богатый набор орудий.

Не менее интересными были находки другого рода — кости животных. Изучение этих костей позволило ученым сделать некоторые важные выводы.

Во-первых, о том, что к концу ледниковой эпохи климат и природные условия Забайкалья значительно изменились. На Ошурковской стоянке нашли кости таких животных: зубра (целый череп), благородного оленя и северного оленя, лося и кабана, зайца и некоторых других. Северный олень, как известно, — житель тундры, хотя он может жить и не только в условиях тундры. Дикая лошадь водится только там, где имеются открытые травянистые пространства. Но лошадь — это уже лесной зверь. Жизнь его немыслима

Рис. 10. Орудия из Ошурково

1, 2 — каменные скребла, 3, 4 — вкладышевый наконечник копья (4 — реконструкция), 5 — вкладышевый нож, 6 — костяной гарпун, 7 — обломок костяной иглы.

без леса и вне леса. Отсюда вытекает важный вывод: видимо, к этому времени климат Забайкалья стал влажнее, теплее, и там, где раньше простиралась бескрайняя тундра, теперь появились леса. Это было время, когда великая сибирская тайга начала свое наступление.

А второй вывод такой. На Ошурковской стоянке не было найдено ни одной кости домашнего животного. Только диких зверей и рыб. Значит, в то время люди еще не знали скотоводства. Характер находок ясно говорит о том, что основными занятиями древних обитателей этих мест были охота и рыбная ловля.

помощью примитивной остроги или гарпуна. И, конечно, — собирательство, то есть сбор дикорастущих клубней, корней, грибов, ягод и т. п.

Еще одну находку сделали археологи. На площадке раскопа были обнаружены остатки очагов. Они, конечно, вовсе не напоминали современные печи. Это были просто круги, выложенные из камней. Камни были потемневшие и закопченные. И земля под ними прогорела и была темной и смешанной с пеплом.

Нужно признаться, что для стороннего зрителя находки на Ошурковской стоянке выглядели бы довольно невзрачно. Но археолог, глядя на эти древние камни и кости, мог бы, точно по страницам забытой книги, прочесть рассказ о далеком прошлом нашего края. Хотя бы такой.

Сквозь туман тысячелетий

Когда-то там, где сейчас проходит, извиваясь, шоссе, был высокий крутой берег. Внизу величаво текла широкая и могучая река — древняя Селенга.

Осеннее утро... Редкий туман поднимается над водой, над молодой сосновой порослью в распадках между сопками. Трава и лишайники покрыты белым инеем. Красный шар солнца медленно поднимается из тумана.

К реке осторожно спустился могучий лось. Вот он подошел к воде. Наклонился и стал жадно пить. Временами он поднимал голову и прислушивался, чутко шевеля большими ушами, и тогда с его губ падали крупные капли и по спокойной воде разбегались круги.

Но вдруг лесной великан тревожно встрепелся. Еще мгновение — и он огромными скачками уходит в лес. Незнакомый, но опасный (он это чувствовал инстинктивно) запах донесся до него. Раньше в этих местах такого запаха не было. Пахло дымом и еще чем-то живым и невыразимо враждебным и угрожающим. Это был запах человека.

Только вчера в эти места откуда-то пришла небольшая группа людей. Впереди шли мужчины, вооруженные копьями и дубинами. Сзади женщины тащили нехитрый скарб и детей. Люди пришли сюда изда-

до
по
де
ра
ка
К
р
ш
с
л
к
с

дека, с востока. Там раньше жило все их племя. Но последние годы жить стало трудно. Слишком много людей охотилось в одном месте. Звери и птицы были распуганы. Все дальше приходилось уходить охотникам от становища в поисках добычи. Все труднее становилось добыть зверя и донести тушу до стоянки. И тогда старейшины племени, собравшись на совет, решили: нужно разбиться по родам и двинуться на новые места.

Люди проделали долгий и трудный путь, пока добрались сюда. Сперва они шли по бескрайней степи. Мимо них проносились табуны диких лошадей и диких ослов-куланов. Грузно передвигались зубры и дикие быки. Но люди шли дальше, и вот местность стала меняться. Появились перелески, сопки, покрытые лесом. А еще дальше стеной стал лес, могучие сосны и кедры. Здесь, на границе степи и тайги, зверя

было еще больше. С треском ломались сквозь кустар-
ник кабаны. Везде были видны следы оленей, лосей,
медведей. Зверь был испуганный, видимо, еще не ви-
девший человека.

Наконец они пришли к этой великой реке. И тут
остановились. В то время люди предпочитали селить-
ся по берегам рек, потому что здесь была вода, нуж-
ная для питья, и потому, что они знали — сюда по
таинным тропам выходит из водопой степное и лесное
зверье, значит, в таком месте можно всегда рассчиты-
вать на обильную добычу. И потому еще, что в реке
можно было ловить рыбу — важное подспорье в пи-
тании.

Но была еще одна важная причина. Шедший впе-
реди Старший охотник, могучий старик, весь покры-
тый шрамами — следами схватки с медведем, пер-
вый спустившись к реке, внезапно издал радостный
возглас. В этом месте береговая полоса была покры-
та крупной темного цвета галькой. Это был лучший
материал для изготовления каменных орудий.

Решено. Они здесь остаются!

Женщины во главе со Старшей матерью, обойдя
берег, скоро нашли удобное место для жилища — на
крутом уступе, защищенном с тыла от ветров. Немно-
го подкрепившись вяленным мясом, они принялись за
устройство жилища. А мужчины в это время отпра-
вились на охоту.

К вечеру примитивное жилье — землянка доволь-
но больших размеров — было готово. Сверху оно
было покрыто стволами молодых сосенок, а на них
брошены ветви и дерн. Внутри землянки из крупных
речных валунов выложены два больших очага — про-
сто два круга из камней. Дым должен был выходить
через отверстие, оставленное в крыше.

Радостные крики детей возвестили о возвращении
охотников с богатой добычей.

Им посчастливилось убить зубра. Совсем недале-
ко отсюда. И теперь они, оживленно перебывая друг
друга, рассказывали женщинам, как им удалось спра-
виться со свирепым животным. Двое самых ловких
молодых людей взяли на себя наиболее опасную за-
дачу — раздражить огромного зверя настолько, что,
гонимая за ними, он точно ослеп от ярости и ничего

больше не замечал. А в это время другие охотники подобрались к нему сбоку и воцпили в него свои копья. Огромный зубр глухо замычал и тяжело повалился.

Между тем вечер опустился на землю. С реки потянуло холодом. Все гуще становились тени. Где-то вдали затрубил лось, и могучий рев его перекатами пронесся над отрогами сопок. Точно в ответ из тайги донесся волчий вой.

Но во вновь выстроенном человеческом жилище было тепло и уютно. Весело пылал огонь в двух очагах. Люди уже поели. Вокруг в беспорядке валялись кости, остатки зубра. А череп животного тоже нашел применение: на нем сидел Старший охотник. Он был занят делом. Перед ним лежала груда галек. Из них нужно было изготовить разные орудия труда.

Охотник, выбрав крупную гальку продолговатой формы, сильным ударом каменного отбойника расколол ее вдоль пополам. Затем он взял одну половинку и бока ее подправил несколькими ударами наискосок. Он как бы затесал ее. Получилось дугообразное лезвие. И вот уже орудие готово. Это массивное скребло. Нам никогда не удалось бы так быстро и ловко обработать твердый камень. Но у первобытного мастера были многолетний опыт, точный глаз и мощная рука.

Через некоторое время было готово около двух десятков разных орудий: скребел, скребков, ножевидных пластин. Пол вокруг мастера был усыпан кремневыми отщепами.

Между тем и женщины не сидели без дела. Зима была не за горами, и нужно было постепенно запасать одежду. Старшая мать расстелила на полу мягкую выделанную шкуру оленя. Взяв в руки острую ножевидную кремневую пластинку, она сильным и уверенным движением раскроила шкуру на части. А другие женщины стали сшивать эти части. В их руках быстро мелькали костяные и кремневые проколки — шилья, костяные иглы. Вместо ниток они пользовались оленьими сухожилиями.

Наступила ночь. Дети уже давно уснули, кто на подстеленной звериной шкуре, а кто просто на земле, нагретой от очагов. Постепенно укладывались и

взрослые. Старший охотник, посоветовавшись со Старшей матерью, объявил, какие работы предстоят на следующей день. Мужчины все пойдут на охоту, а женщины и дети — собирать грибы и ягоды для сушки. Нужно как можно больше наготовить впрок разных съестных припасов. Кто знает, как пойдет на новом месте зимняя охота.

Лишь несколько человек должны были остаться дома: совсем маленькие дети, с ними Старшая мать и еще одна старуха и юноша, которому во время сегодняшней охоты зубр все-таки поранил ногу. Он не мог уйти с охотниками, но и не собирался остаться без дела. Весь вечер он налаживал гарпун. С помощью сухожилий и смолы закрепил в крепком древке небольшой костяной наконечник с зазубринами с обеих сторон. Он еще перед вечером приметил в яме под самым берегом огромного таймсея. Сквозь прозрачную толщу воды были хорошо видны его открытая пасть и светло-желтые бока. Верхние плавники с пятнышками чуть шевелились. Юноша сделал резкое движение гарпуном. Он представил себе, как нанесет удар могучей рыбе. У него азартно загорелись глаза: «Нужно будет пройти немного подалее вдоль берега. Неплохо будет загарпунить несколько таких рыб. Пусть Старший охотник увидит, на что он способен».

Постепенно догорал огонь в очагах. Все затихло. Люди спали.

Если вы вспомните то, что раньше сказано было об Ошурковской стоянке и о находках на ней, вы должны будете признать, что в этом выдуманном рассказе в сущности не много чистой выдумки. Все это, наверное, так и было. Так или почти так. Точно густой туман, закрывающий далекое прошлое, прорвался в одном месте, и мы заглянули в глубь времен и увидели яркую картину жизни древнейших обитателей нашего края. Вот они, будто живые, перед нами — первобытные охотники и рыболовы с их грубыми и примитивными орудиями труда. Они умели брать у природы только то, что она предлагала в готовом виде. Мясо диких зверей, рыба, дикорастущие растения были их пищей. Все трудились сообща — родом или племенем, — в одиночку человек не мог бы про-

жить. Они совместно ходили на охоту. Всем родом копали огромные ямы-ловушки для зверей. И добычу делили между собой поровну. Среди них еще не было ни богатых, ни бедных — то был первобытно-общинный строй на территории Забайкалья.

„Мастерская каменного века“ на Титовской сопке

Санный мыс и Ошурково — это Западное Забайкалье. В Восточном же Забайкалье до самого последнего времени не было ни одной исследованной стоянки древнекаменного века. Между тем в Читинской области тоже известно было немало следов пребывания палеолитического человека — в основном древние каменные орудия. Но все это был по большей части подъемный и случайный материал, найденный на поверхности земли или в песчаных выдувах, а не на месте, в древнем слое.

Тем больший интерес вызвало открытие А. П. Окладниковым в 1952 году «мастерской каменного века» на Титовской сопке вблизи города Читы.

Надо сказать, что такого рода археологические памятники встречаются чрезвычайно редко.

Наши далекие предки в каменном веке высоко ценили некоторые породы камня как материал для изготовления орудий труда. Далеко не всякий камень годился первобытному мастеру. С его точки зрения, песчаник или, например, гранит были из рук вон плохим сырьем. Ему требовалось, чтобы материал, из которого он делал свои скребки, ножи и наконечники, был очень твердым, и притом не крошился бы, а откалывался пластинками и давал при этом острые режущие грани. Такими свойствами обладают, например, кремнь, яшма и некоторые другие породы. И древние люди усердно отыскивали их месторождения, а когда находили, то из поколения в поколение приходили туда за камнем. Причем обычно тут же, на месте, производилась предварительная обработка. И это тоже вполне понятно. При изготовлении каменных орудий брака должно было получаться довольно много: какая-нибудь незамеченная трещина в камне, неточный или слишком слабый удар — и из-

дерево испорчено, негодно. Поэтому древние мастера старались увозить домой не просто каменные глыбы, а уже впервые отделанные заготовки, из которых уже наверняка должны были получиться годные изделия.

В таких местах, около месторождений ценного камня, иногда попадаются площадки, покрытые сплошным слоем отщепов, испорченных заготовок, полуготовых орудий. Подобные площадки у археологов и носят название «мастерских каменного века».

Именно такая мастерская была открыта на Титовской сопке. В этом месте из склона сопки выходила на поверхность жила особого минерала — андезита-базальта. Этот темно-серый или синевато-черный камень по своим качествам как раз очень пригоден для изготовления орудий (особенно крупных размеров).

Уже при первых сборах подъемного материала археологи обнаружили на сравнительно небольшой площади склона огромное количество, несколько тысяч, камней со следами обработки их человеком: отщепы, нуклеусы различной формы, пластины.

Было также найдено небольшое количество и готовых изделий, но обычно испорченных и очень своеобразных древних форм, например копытообразные скребла.

Несомненно, сюда, на это место, на протяжении ряда тысячелетий, и не только в палеолите, а также и неолите (новокаменном веке) приходили древние обитатели края, чтобы добыть высококачественный материал для изготовления своих орудий.

Еще в 1959 году на Титовской мастерской каменного века были заложены первые шурфы, и тогда обнаружился новый интересный факт. Оказалось, что когда исчерпались запасы ценного камня на поверхности, то древние забайкальцы углубились в землю, устроили нечто вроде примитивной шахты или каменного карьера, из которого и продолжали брать нужный им материал.

А в 1961 году отряд археологов под руководством А. П. Окладникова продолжал археологические исследования на Титовской сопке. И работа их дала новые, совершенно неожиданные и очень интересные результаты.

В этом году раскопки были углублены до двух метров. И вот на такой глубине в двух раскопках обнаружился культурный слой. В одном раскопе были обнаружены остатки двух или трех очагов, пепел, угли, кости животных, каменные и костяные орудия труда (каменные скребля и ножевидные пластины, кирки из оленьих рогов, костяной отжимник и т. д.). И опять-таки множество каменных отщепов и заготовок.

Итак, наконец-то в Восточном Забайкалье обнаружена первая стоянка древнекаменного века.

Мы можем легко представить себе, как много тысяч лет тому назад на склоне сопки, у выхода ценного камня, поселилась какая-то древняя родовая группа. Люди устроили здесь примитивные жилища, здесь они жгли свои костры, жарили на них оленьи туши и тут же выделывали из камня орудия труда.

А другие люди, наверное, приходили сюда издалека за камнем и, набрав сырья, уносили его домой на свои стоянки, которые тоже должны быть где-нибудь здесь, неподалеку. Только где они?

Раскопки на Титовской сопке будут продолжены. Культурный слой в раскопе уходит в сторону и вниз. По мнению А. П. Окладникова, здесь можно ожидать еще много интересных открытий.

Загадка Шилкинской пещеры

13 апреля 1952 года в газете «Забайкальский рабочий» появилась небольшая заметка следующего содержания:

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА

Усть-Карск. 12 апреля. (По телефону). Житель села Шилкинский Завод т. Шабалин обнаружил на склоне сопки вблизи берега Шилки пещеру, при раскопке которой на глубине 4 метров найдены остатки древнего стойбища людей — разрушенные человеческие скелеты, кости различных животных, каменный топор, кремневая пила, стрелы, костяные и кремневые ножи, острога для охоты на рыб, наконечники стрел из камня, кости, бусы и т. д. Всего здесь найдено около 100 орудий и предметов обихода древних обитателей Забайкалья.

Об этой находке, представляющей научный интерес, сообщено в областной краеведческий музей.

Сейчас можно сказать, что в этой заметке было немало путаницы. Начать с того, что И. П. Шабалин вовсе не «обнаружил» пещеры. По той простой причине, что решительно все жители Шилкинского Завода от мала до велика знали о ней. Пещера эта являлась почти в самом поселке и не заметить ее мудрено. Другое дело, что в эту пещеру мало кто заглядывал. И не потому, что она труднодоступна, а по другой, довольно странной причине: среди окрестного населения ходили упорные слухи о том, что в пещере живут змеи и... покойники! Только местные козы часто забирались в пещеру в летний зной и во время ненастья.

Из заметки можно было сделать вывод, будто Шабалин производил в пещере крупные раскопки — «...на глубину до четырех метров».

На самом деле Шабалин не копал в пещере.

Любопытство, или, лучше всего, любознательность, привела его в Шилкинскую пещеру и заставила внимательней приглядеться и порыться палочкой в покрывавшем пол пещеры мягком грунте, давно уже разрыхленном и перемешанном козьими копытцами. Но еще не успев забраться в пещеру, перед самым входом в нее он обнаружил лежавший почти открыто великолепный шлифованный каменный топор и костяной вкладышевый нож.

И. П. Шабалин провозился в пещере полдня под выходной и весь выходной. И всего собрал около двухсот древних предметов.

Позже об этих находках было сообщено в Академию наук СССР А. П. Окладникову.

В сентябре того же 1952 года, после окончания раскопок в Ошурково, Алексей Павлович во главе большой группы сотрудников приехал в Сретенск. С нами был и пишущий эти строки.

На старенькой моторной лодке мы сплыли вниз по Шилке, попутно производя археологическую разведку берегов. Мощная река спокойно, но быстро несла нашу лодку. В прозрачной воде отражались поросшие густым лесом скалистые сопки. Местами берег почти вертикально обрывался к воде гладкой скальной кручей — казалось, огромные каменные столбы встали из воды.

Рис. 11. Шилкинская пещера.

В 80 километрах ниже Сретенска нам открылось большое старинное село Шилкинский Завод. В XVIII веке здесь действительно был завод, выплавлявший серебро из местных руд. Но теперь об этом напоминают тояько кучи шлаков да название села.

Мы проехали еще немного вдоль села. Здесь высокий левый берег был точно разрезан широким оврагом, по дну которого протекала полупересохшая речушка Чалбуча.

А на высоком скалистом мысу перед самым оврагом мы еще издали с реки увидели темное пятно. Это и была цель нашего путешествия — Шилкинская пещера (рис. 11).

С того времени прошло уже много лет. А я и до сих пор не могу забыть того странного чувства, которое испытал, когда вскарабкался по крутому склону и впервые заглянул в темный грот. Точно я стоял у входа в чужое жилье. Хозяина нет, он куда-то отлучился, но в любой момент может вернуться. Право, я бы, кажется, не очень удивился, если бы внезапно раздвинулись ветви кустов, окружающих пещеру, и из них вышел бы «он» — тот, кто тысячи лет тому назад жил в пещере и был в ней похоронен.

Я не оговорился. Как ни странно, но человек, пустивший слух о покойниках в пещере, был недалек от истины. В пещере действительно оказался покойник... точнее, человеческий костяк, еще точнее — разрозненные и разбросанные кости человеческого костяка. Позже И. П. Шабалин рассказывал нам, что когда он в первый раз зашел в пещеру, то прежде всего обратил внимание на лежащий почти у самого вхо-

да черт. Он точно глядел на вошедшего своими глазами — вемой свидетель минувшего.

Уже с самого начала археологам было ясно, что Шилкинская пещера является археологическим памятником исключительной ценности. И не только потому, что здесь было найдено много вещей. А еще и потому, что вместе с древними изделиями и костями древних животных на этой стоянке оказались останки самого «действующего лица» истории — человека. В археологической практике такие случаи большая редкость.

А теперь, когда Шилкинская пещера уже полностью раскопана и материалы, найденные в ней, тщательно изучены и описаны, можно с уверенностью сказать, что эта стоянка, бесспорно, является одной

из наиболее древних, богатых и ценных памятников первобытности на территории Забайкалья. Она правда, намного моложе Ошурковской, о которой мы раньше рассказывали. Та относилась к древнему каменному веку — палеолиту, а Шилкинская пещера — это стоянка неолита — новокаменного века, или даже начало бронзового века. На территории Забайкалья неолит начался не ранее пятого тысячелетия до нашей эры. Значит, Шилкинская пещера моложе Ошурковской стоянки самое малое на десять тысяч лет.

Десять тысяч лет в истории человечества срок немалый. И в жизни древних обитателей Забайкалья за это время произошло немало перемени-

Рис. 12. Каменный наконечник из Шилкинской пещеры.

Правда, люди все так же изготавливали свои орудия из камня, кости и дерева. Среди орудий, найденных в Шилкинской пещере, тоже нет ни одного металлического. Но насколько они разнообразнее и совершеннее по сравнению со старыми палеолитическими орудиями! Ко времени неолита люди открыли еще ряд совершенно новых способов обработки того же камня и изобрели множество новых видов орудий.

Посмотрите, например, на орудие, изображенное на рисунке 12. Это топор, вернее тесло. Грубые топовидные орудия были у людей еще в глубокой древности. Но этот топор совершенно не похож на них. Он сделан из твердого кремнистого сланца темного цвета. Обратите внимание на его гладкую поверхность, на точные и целесообразные формы этого орудия, на его острое дугообразное лезвие. Этот топор сделан способом шлифовки.

Древний мастер сперва старым методом оббивки изготовил из камня грубую заготовку орудия. Потом долго тер ее на песчанниковой плите, подсыпая твердый кварцевый песок. Это был нелегкий и долгий труд. Но зато шлифованным топором можно было работать намного производительней, чем старым, оббитым, в несколько раз скорее срубить дерево, выдолбить лодку, затесать кол для ловчего загона. Это был уже настоящий топор, без всяких кавычек.

Интереснейший опыт проделал в 1956—1957 годах советский ученый профессор С. А. Семенов. Он попросту проверил на практике, сколько времени нужно затратить на изготовление шлифованных орудий.

Еще до сих пор в некоторых научных книгах можно встретить утверждение, что шлифовка топора в древности могла длиться месяцами и даже чуть ли не годами.

С. А. Семенов подобрал группу студентов, подробно рассказал им, как изготавливались древние орудия труда, а затем предложил каждому изготовить по несколько таких орудий из разных пород камня. После ряда опытов оказалось, что на изготовление шлифованного топора из самого твердого камня, например кремня, требуется затратить не годы, не месяцы, а около 40 часов работы. А топор из более мягкого сланца, при условии неполной шлифовки (как сдела-

Рис. 13. Вещи из Шилкинской пещеры.

1 — каминные наконечники стрел; 2 — костяные наконечники стрел;
3 — божовидная пластина; 4 — проколки.

ны многие неолитические топоры), можно сделать всего за три-четыре часа.

Далее было установлено, что срубить каминным шлифованным топором сосну толщиной в 25 сантиметров можно за 15 минут. А выдолбить каминным теслом лодку из целого дерева (сосны) диаметром в 60 сантиметров, длиной 4 метра можно всего за 12 дней.

Выходит, эти шлифованные неолитические орудия были совсем не так уж плохи.

Еще одно великое открытие было сделано к этому времени.

На рисунке 13 изображена серия орудий. Узнае-

те? Это наконечники стрел. Ни в Ошурково, ни в какой-либо другой палеолитической стоянке мы наконечника стрелы не найдем. В древнекаменном веке лука еще не было. Он был изобретен позже.

Изобретение лука и стрел было действительно великим открытием. Можно с уверенностью сказать, что оно принесло людям куда больше пользы, чем изобретение огнестрельного оружия. Учтем, что ружье появилось, когда люди уже были знакомы и с земледелием и со скотоводством — основными способами добывания пищи. И ружье стало применяться главным образом для войны. А лук был изобретен еще в те времена, когда человек добывал себе пропитание именно охотой. С помощью лука охота стала намного добычливей, а жить людям легче.

Современному человеку трудно себе представить, какие великие преимущества перед старыми видами оружия были заключены в луке.

Во-первых, дальнобойность. И в прежние времена у людей были орудия «дальнего действия»: камень, который бросали рукой или пращой, метательный дротик или копье, бумеранг и т. д. Но все они ни в какое сравнение не могли идти с луком. Лук был намного дальше. Известно, что еще в XVIII и даже кое-где в XIX всках лук был в широком употреблении у некоторых племен Северной Америки, у эскимосов Аляски, у многих сибирских племен, в том числе и у эвенков. И вот что отметили исследователи, наблюдавшие действие этого оружия.

Стрела из крупного лука летит на расстояние до 300 метров и даже дальше. На расстоянии до 150 метров стрела может пробить насквозь лань или козу, а на близком расстоянии пронзить даже бизона или лося.

Во-вторых, меткость. Еще совсем недавно среди тех же эвенков некоторые для охоты на белку или птицу предпочитали ружью бесшумно действующий лук. И меткость при этом проявляли поразительную: влет попадали в самую мелкую птицу, а белку поражали только в глаз, чтобы не испортить шкурку. А иногда специально применяли костяную стрелу с тупым наконечником. Такая стрела не пронзит белку или птицу, а только оглушит и собьет с дерева.

В третьих, частота стрельбы. Это было очень существенное преимущество. В старые времена охотник мог захватить с собой два, ну три дротика. Теперь можно было вложить в колчан 20—30 стрел. И, быстро выпуская их одну за другой, убить сразу несколько животных, пока стая не разбежалась.

Ко всему этому нужно добавить, что, вероятно, вскоре же после изобретения простого лука люди стали применять лук-самострел. Такой лук, иногда из целого молодого дерева, «настораживали» на звериной тропе. Тонкая, невидимая издали нитка (жилка) — «насторожка» загоразживает тропу. Достаточно зверю задеть ее, и лук сам разогнется, с силой посылая стрелу. Стрела из такого лука убивала наповал оленя, лося и медведя.

Вот что значило появление лука.

Большая часть находок в Шилкинской пещере — принадлежности охотничьего снаряжения. Здесь были наконечники дротиков, костяные вкладышевые ножи и кинжалы и т. д. Но можно с уверенностью сказать, что главным орудием охоты был все же лук. Недаром в пещере оказалось более сорока наконечников стрел, каменных, отработанных отжимом, и костяных. И какое разнообразие форм и размеров! От самых маленьких, которыми, наверное, стреляли птицу, белку и другую мелочь, до крупных и массивных наконечников, которыми можно было пробить даже толстую шкуру лося. Вдобавок в пещере оказались и кости животных самых различных видов. Изучая эти кости, удалось установить, что они принадлежали лосю, кабану, косуле, маралу, кабарге, сурку, зайцу, белке, горностаю, хорьку, соболю, рыси, лисице, волку, разным птицам, рыбам, домашней собаке — всем тем животным, которые и сейчас водятся в лесном Забайкалье. Это значит, что в нашем краю в неолите климат и природные условия были почти такими же, как сейчас.

Судя по всему, можно с уверенностью сказать, что охота была главным занятием неолитических племен Забайкалья, доставлявшим им средства к жизни. Но наряду с этим важнейшую роль стала играть рыбная ловля.

В Шилкинской пещере археологи нашли множество рыбных костей разных видов рыб, в том числе карася и осетра, ленка, тайменя, карася, щуки, сома, чебака и других.

Мы уже знаем, что человек научился ловить рыбу еще в древнекаменном веке. Вспомните маленький костяной наконечник гарпуна на Ошурковской стоянке. Но в Шилкинской пещере оказался целый набор рыболовных орудий (рис. 14). Только наконечников гарпунов 16 штук. Все они сделаны из кости или рога, разных форм и размеров, односторонние и двусторонние. У многих в нижней части насада просверлено отверстие. Зачем оно? Оказывается, в это отверстие продевался тонкий длинный шнур, или, как его называют рыбаки, льня. Такой наконечник засаживался в древке не наглухо. Вот рыбак увидел большую рыбу, метнул в нее гарпун. Попал! Огромная щука ударила

Рис. 14 Орудия рыбной ловли из Шилкинской пещеры.
1, 2 — костяные наконечники гарпунов; 3, 4 — костяные крючки.
5 — каменное грузило.

хвостом, метнулась вглубь. Наконечник выскочил из
древка, но своими зубцами он плотно вцепился в
рыбу. А древко, связанное с ним линем, пляшет по
поверхности воды, точно поплавок, не давая ходу ры-
бе, утомляя ее. Рано или поздно быть рыбе пой-
манной.

А это что такое? Конечно, крючки. Один из них
вполне напоминает современные, хотя и вырезан
целиком из кости. Как положено рыболовным крюч-
кам, он даже имеет зазубринку-бородку. Зато второй
крючок выглядит для нас совсем необычно. Он со-
ставкой. Основная его часть — костяной несколько
изогнутый стерженек. В нем просверлено три отвер-
стия. В два верхних продевалась леска. В нижнее
вставлялось изогнутое тоже костяное острие, может
быть клычок кабаружки. Назерное, избалованный со-
временный рыболов с недоверием отнесся бы к этим
крючкам. Но в то время в рсках было изобилие
рыбы, и древние рыбаки умели ее ловить и костяны-
ми крючками.

Наши древние неолитические рыболовы, оказы-
вается, знали уже и сети. Позвольте, может спросить
читатель, но ведь сети не сохранились? К сожалению,
не сохранились. Но мы знаем, что жители Шилкин-
ской пещеры пользовались сетями. По двум при-
знакам.

Во-первых, в пещере нашли грузило. Оно было
сделано из крупной гальки (около 7 сантиметров дли-
ной) и имело на боках две выемки, чтобы с нее не
сползала нить. Такого типа грузила еще и сейчас
употребляются на сетях у некоторых примитивных
племен.

Во-вторых, на некоторых глиняных черепках ока-
зались отпечатки сетей и грубой ткани (об этом я
еще скажу позже).

Сети действительно были.

Итак, можно считать доказанным, что охота и
рыбная ловля были основными занятиями племен,
обитавших на берегах Шилки. Но теперь вспомните:
среди костей животных, найденных в пещере, были
и кости домашней собаки. Значит, к этому времени
люди уже стали приручать животных. Как доказали
археологи, собака была одомашнена еще намного

... может быть, в конце древнекаменного века. А в неолите были приручены и многие другие животные, например, северный олень, синица, коза. Но судя по всему, у ряда неолитических племен лесного Забайкалья и Приамурья имонно собака играла главную роль в качестве домашнего животного. Так было даже и совсем недавнем прошлом. Известно, что еще в XIX веке у гилжков, живших в Приамурье, собаки были основными домашними животными: на них перевозили кладь, с ними охотились, их употребляли в пищу, а из собачьих шкур шили одежду. Можно не сомневаться, что собак, кости которых нашли в Шилкинской пещере, постигла та же печальная участь: они были съедены.

Приручение и использование в разных целях собаки было началом скотоводства. Одновременно с этим появились в неолите и зачатки земледелия. Правда, это была еще самая ранняя стадия земледелия. В неолите еще не были известны соха или плуг. Люди еще не догадались использовать в качестве тягловой рабочей силы скот. Человек каменным топором вырубал кустарник, затем заостренной палкой и мотыгой разрыхлял клочок земли и разводил на нем небольшой огород. В Шилкинской пещере были найдены обломки небольшой костяной мотыги и костяной же лопаточки (рис. 15), которыми, может быть, пользовались древние огородники. Или лучше сказать — древние огородницы. Если в то время охота и рыболовство были основным занятием мужчин, то огородничество было обычно делом женщин. Так же, как изготовление тканей или глиняной посуды.

Рис. 15. Костяная мотыжка из Шилкинской пещеры

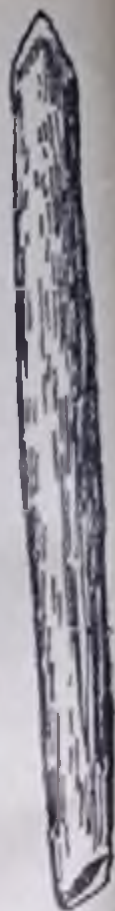

Рис. 16 Керамика из Шилкинской пещеры.
4) деревятый стержень — штамп для нанесения орнамента.

строчке о глиняной посуде и тканях, я, таким образом, назвал еще два важных открытия, которые человечество совершило в новокаменном веке: глиняная посуда и ткань.

На стоянках палеолита, сколько бы мы ни искали, остатков глиняной посуды не найти. Первый горшок на земле был вылеплен в неолитическое время. Мы не знаем, где именно. Но факт, что древние забайкальцы не отстали от своего времени. И у них в неолите появилась глиняная посуда.

Вот перед нами то, что у археологов называется «керамикой», а попросту говоря, черепки от глиняных горшков, найденные в Шилкинской пещере. Их несколько десятков. Как считают ученые, — от шести разных горшков. Они не очень хорошо выглядят, эти черепки. Древний гончар подмешал к глине песку — состав получился немного грубоватый и обжиг неважный, неравномерный. Сосуды были, конечно, вылеплены от руки, без применения гончарного круга (гончарный круг появился гораздо позже, в бронзовом веке) и, надо думать, были не очень правильной формы и имели круглое дно. Не удивляйтесь. Древние сосулы были сплошь и рядом круглодонными или остроногими. Но как же тогда сосуд стоял? В ямке.

а)

составляли шарики и помещали в углубления между
камнями. Не помню, что тогда люди еще не знали
по сути с ровной поверхностью, из печи с гладкой по-
дой. И эти углубления круглодонный или остроногий
горшок был, пожалуй, даже удобнее плоскодонного.
Присмотрев к глазу, что на поверхности черепки на-
мечены поодиночке гребки штрихи и ямки, состав-
ляют целый узор. Это — предмет, специально
написанный на сосуд для его украшения (рис. 16).

Как хорошо можно понять нашего первобытного
предка! Для современного человека глиняный гор-
шок — это нечто очень привычное, вполне обыденное.
Но для древнего это была необыкновенная вещь.
Замечательное, удивительно удобное изделие. Поду-
майте сами. Вот он вылеплен сосуд из сырой мягкой
глины, можно сказать из грязи, объект — и получи-
лось шепкое чудо, на котором точно отпечатывался
любый штрих, ямки, след пальца. И первобытный че-
ловек, как мог, старался украсить глиняное изделие.
Костяной или деревянной палочкой (такую палочку-
штамп тоже нашли в Шилкинской пещере) он любва-
но и с пренебрежимым терпением наносил на глазу ряды
штрихов, покрывая им часть или даже всю поверх-
ность горшка. Иногда узор был очень сложным и
разнообразным. В разных местах, у разных племен
в разные времена были разные узоры — обычно у
каждого племени свой. И вот почему археолог так
радуется, когда на стоянке керамику — гли-
няные сосуды или даже черепки от них. Ведь иногда
по качеству гончарного состава, по форме сосуда и
особенно по орнаменту на нем удается определить
много: какого племени люди здесь жили, с какими
другими племенами они были знакомы и к какому
времени относится стоянка. Некоторые черепки ока-
зались без орнамента, зато на наружной поверхности
их совершенно отчетливо были видны отпечатки сети
или грубой ткани. Археолог знает, в чем тут дело.
В то далекое время человек еще плохо умел подби-
рать подходящий состав гончарной массы. Сырые
горшки то и дело разваливались еще до обжига. И он
долго думал над тем, как избежать этого. Так, неко-
торые племена древней Якутии додумались подмешива-
вать в глину тонкую шерсть какого-нибудь пушного

зверька, — шерсть действительно придавала гончарной массе большую вязкость, а при обжиге она конечно, сгорала, но оставляла на глине легкий отпечаток, как бы тончайшие штрихи. А другие племена поступали еще по-другому, например, делали глиняную посуду в плетенках из травы или в специальных мешочках из ткани или, пока глина была сырая, покрывали ее тканью или обрывками сети, чтобы она не развалилась до времени. Древние забайкальцы, оказывается, применяли оба приема. На одном черепке из Шилкинской пещеры можно заметить следы подмешанной к глине шерсти.

Итак, у обитателей Шилкинской пещеры были уже сети и ткань. Люди уже научились ткать и вязать. Но из чего?

К сожалению, ни одного лоскутка древней ткани в Забайкалье не найдено. И вряд ли будет найдено. Они, по-видимому, истлели все. Но все же догадаться можно, из чего первоначально изготовлялись ткани. Наверное, первые ткани были из луба или волокон дикой крапивы, дикой конопли и т. д. Наверное — потому что некоторые отсталые племена даже в наше время делают ткани из волокон этих растений. Должны были додуматься до этого и древние. И пусть эти ткани были на первых порах очень грубы. Но дело было сделано — ткачество было открыто, и современные тончайшие шелка и батисты — прямые потомки грубого рядна, которым покрывались наши неолитические предки и которые отпечатались на неолитических горшках.

Но кто же они были, эти древние обитатели долины Шилки? Какого рода-племени? Как они выглядели? Теперь мы, пожалуй, можем ответить и на эти вопросы.

Вы помните, что в Шилкинской пещере нашли человеческий череп. Этот череп передали в руки антропологов. И они, тщательно измерив и изучив его, пришли к определенному выводу: тот, кому принадлежал этот череп, был монголоидом (т. е. человеком монгольской расы) и по всем признакам он больше всего походил на нынешних эвенков (тунгусов), народность, которая и сейчас обитает в ряде районов Восточной Сибири.

Однако ученые ни
этом не остановились.

В нашей стране рабо-
тает известный ученый
профессор М. М. Гераси-
мов. Он получил широ-
кую известность благода-
ря тому, что разработал
метод восстановления ли-
ца человека по костям че-
репа.

Вот у него в руках
череп. Он тщательно из-
меряет его во всех на-
правлениях. Он изучает
особенности строения че-
репных костей. Затем на основани точ-
ных выведенных им правил и расчетов он лепит, как
бы воссоздаивает лицо того человека, которому
принадлежит череп.

Много раз подвергался проверке метод профессо-
ра Герасимова. И он неизменно оправдывал себя.

Сотни черепов прошли через руки ученого. По че-
репам он вылепил целую галерею образов людей,
живших в самые различные времена. От первобытно-
го обезьяночеловека, существовавшего сотни тысяч
лет тому назад, — до наших современников.

Передан был Герасимову и череп, найденный в
Шилкинской пещере. И теперь мы знаем, как выгля-
дел первобытный забайкалец. Вот он изображен на
рисунке 17. Он, по-видимому, больше всего походил
на современного эвенка. Эвенки и сейчас живут в ря-
де районов лесного Забайкалья. Их, видимо, и сле-
дует считать коренными жителями края.

Археологи обнаружили почти повсеместно в лес-
ных районах Восточной Сибири стоянки, во всех сво-
их основных чертах сходные с той, которая была в
Шилкинской пещере: такие же орудия труда, такая
же керамика, такие же узоры на сосудах, такие же
украшения: нефритовые кольца, пластины и бусы из
раковин, ожерелья из кабаньих клыков и медвежьих
когтей. И наконец, судя по найденным в могильниках
человеческим костям, их населяли такого же облика

Рис. 17. Шилкинский человек.
(Реконструкция М. Герасимова.)

люди, похожие на нынешних эвенков. Они не составляли одного народа — это было множество родственных племен, родственных по происхождению, по языку и по культуре.

До революции один царский чиновник, ярый реакционер, так отозвался о сибирских «инородцах»: «Это люди, не способные не только творить культуру, но даже усвоить то, что придумали другие. Они живут точно в состоянии оцепенения или спячки, так, как жили их предки тысячи лет тому назад, и так же будут жить их потомки».

Это была великая ложь.

Теперь благодаря открытиям советских археологов мы точно знаем, что еще в глубокой древности, в каменном веке, племена Прибайкалья и Забайкалья сумели развить свою очень интересную и во многих отношениях замечательную культуру. Выше мы говорили о той великой роли, которую сыграл в древности лук. Но немногие знают, что, пожалуй, наиболее совершенный, может быть, даже лучший в мире лук был изобретен скорее всего именно в Восточной Сибири. Это был лук «усиленного» типа, состоявший из нескольких частей, обложенный костяными или роговыми обкладками, прочно обвитый сухожилиями. Лук «серовского» типа (по названию села Серово в Прибайкалье, где он был впервые найден археологами) имел в длину не менее полутора метров. Костяные пластины-обкладки придавали ему необычайную пробойную силу. Заметим, что древние племена Западной Европы, предки нынешних французов, немцев и скандинавов, такого лука не знали.

Племена Сибири научились изготавливать великолепные шлифованные орудия. Еще в четвертом тысячелетии до нашей эры они стали широко использовать нефрит, зеленый полудрагоценный камень замечательной красоты и прочности. Он встречается очень редко. В азиатской части СССР месторождения нефрита известны только в Саянах (особенно в верховьях рек Китоя, Иркута и Белой — притоков Ангары). Там нередко встречаются целые валуны из нефрита и еще в немногих местах. Нефрит по своим свойствам совсем не похож на кремь. Он не колется на пластины, и его нельзя обработать оббивкой или отжи-

мом. Зато он хорошо поддается распиловке и шлифовке, дает орудия исключительной прочности и украшения редкой красоты: топоры и ножи, кольца, браслеты, различные изделия. Эти изделия и сейчас поражают нас своей красотой и совершенствованием отделки.

II, как удалось доказать, эти племена не замыкались в своей скорлупе. Наоборот, еще в эпоху неолита существовали живые связи между населением Прибайкалья и Забайкалья, Приморья и Якутии, Монголии и Древнего Китая.

Эти древние племена обменивались с другими народами не только сырьем и готовыми изделиями, но и культурными достижениями. Недаром в далеком Приморье и в Китае иногда попадаются изделия из забайкальского желтовато-белого нефрита. А некоторые неолитические находки Забайкалья имеют прямое сходство с монгольскими или якутскими древностями.

Неолитические племена Сибири жили полнокровной жизнью и проявили ничуть не меньшую одаренность и ничуть не меньшие способности к культурному развитию, чем их современники—древние племена Европы, скажем, предки нынешних немцев или французов.

А теперь пришла нам пора попрощаться с древним обитателем Шилкинской пещеры. Мы можем ясно представить себе облик этого лесного охотника, невысокого и коренастого человека с широкоскулым смуглым лицом. Мы знаем многое о его жизни, мы знаем, как он выглядел, мы знаем даже, как он был одет.

В некоторых неолитических захоронениях сохранились остатки одежды погребенных. Одежда была сшита из кожи, немного напоминала фрак и была нарядно расшита узорами из бус и украшена перламутровыми пластинками и клыками животных. На голову эти люди надевали круглую шапочку, на которую тоже были нашиты бусы и кольца из нефрита—совершенно такие же были найдены и в Шилкинской пещере (рис. 18). Такой костюм тунгусы носили еще в XIX веке, и его тогда же зарисовал известный путешественник Георги.

Мы многое знаем о шилкинском человеке... и

Рис. 18. Украшения из Шилкинской пещеры.

1 — перламутровая пластинка, 2 — нефритовое кольцо, 3 — просверленные медвежий клыки, 4 — бусы.

только одного мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем — почему он был похоронен именно в пещере, там, где жили люди? Правда, ученые знают немало племен на земном шаре, которые как раз придерживались (а кое-где придерживаются и сейчас) странного, на наш взгляд, обычая: хоронить умерших в том самом жилище, в котором продолжают жить их родичи. Но у народов Сибири такого обычая как будто не было. Почему же все-таки костяк оказался в пещере?

Когда я думал над этим, мне пришла в голову одна догадка. Я подумал о том, какой ужас навели на древних заразные болезни. Еще сравнительно недавно, лет сто тому назад, случилось, что племена Сибири навещала страшная гостья — черная оспа и люди в безумном страхе покидали свои становища, оставляя все, бросали больных и покойников и уко-

вывали на сотни километров, запутывая следы, чтобы уйти от страшного духа болезни. Может быть, то же произошло и с жителями Шилкинской пещеры? Умер человек от болезни, и напуганные сородичи решили уйти отсюда. Но они все же не бросили тело на произвол судьбы. Они его заботливо похоронили. Мы это точно знаем. Откуда? Одним из погребальных обрядов, который строго соблюдался у древних племен Забайкалья, был обычай засыпать положенное в могилу тело умершего красной краской (обычно охрой), символизировавшей кровь — основу жизни. Пятна охры были обнаружены и в нижнем слое Шилкинской пещеры. Значит, покойника похоронили подобающим образом. Его, конечно, одели в лучшую одежду, от нее, к сожалению, сохранились только нефритовые кольца, которые были нашиты на шапочке, бусы и перламутровая пластинка из раковины, тоже служившая украшением. С ним положили в могилу все, что, по верованиям древних людей, могло понадобиться человеку в загробной жизни: лук со стрелами и копье, гарпуны и рыболовные крючки, костяные ножи, шлифованный топор и т. д. Именно этим и объясняется тот на первый взгляд странный факт, что в пещере оказались эти столь ценные для древних предметы и многие из них в совершенно целом и хорошем состоянии. Случайно забыть или потерять их в пещере люди не могли. Их специально положили вместе с покойником «его» родичи.

Так они «его» похоронили и навсегда ушли из пещеры, чтобы отвязаться от страшной болезни. И долгое время никто в пещере не жил. Проходили десятилетия, века. Дул ветер и заносил в пещеру пыль и песок, слой которого с течением времени перекрыл все следы пребывания в ней ее древних обитателей. А спустя много веков в пещере снова поселились люди. Но они не подозревали, что под ними захоронен человек.

В результате в одной и той же пещере оказалась стоянка вместе с захоронением. А еще позже кто-то (люди или, может быть, животные) перерыл слои в пещере и выбросил человеческие кости наверх.

Может быть, так можно объяснить загадку Шилкинской пещеры.

Бронзовый век Забайкалья

Культура плиточных могил

На сотни и сотни километров по долинам самых крупных рек Забайкалья: Селенги, Шилки, Онона, Аргуни и их притоков раскинулась бескрайняя забайкальская степь. Только тому, кто не видел ее в разные времена года, кто не жил здесь, она кажется унылой и однообразной. Забайкальская степь особенно хороша и красива, когда в конце июня она покрывается крупными яркими цветами желтых лилий, ярко-оранжевой сараны, фиолетовых ирисов. Но и позже, когда эти крупные цветы отходят и в высокой траве поднимают свои головки бесчисленные мелкие цветы и цветики: ярко-синие колокольчики, малиновые гвоздички, а над ними покачиваются десятки видов каких-то метелочек и колосков — точно дымка ходит над степью, — и тогда степь тоже полна какой-то удивительно милой и скромной красоты.

Местами степь переходит в пологие увалы сопки, кое-где из гладкого склона сопки, точно выдавленные изнутри какой-то могучей силой, выступают красноватые плитчатые скалы причудливых форм, выветрившиеся, местами распавшиеся на отдельные плиты. Высоко-высоко в синем небе парит коршун, там и сям медленно передвигаются по травянистым просторам стада овец, табуны лошадей или двугорбых верблюдов. А за ними столь же медленно следует всадник-чабан и вдруг покажется, точно ты перенес-

Рис. 19. Плиточная могила.

ся куда-то в глубокую древность, во времена Чингисхана, или еще глубже.

Каждому, кому приходилось проезжать по Забайкальским степям, знакома и такая картина. На склоне или у подножья сопки, а то и в ровной степи виднеется какое-то странное сооружение — точно четырехугольная оградка из плоских, поставленных на ребро плит торчит из земли. Такие оградки в разных местах Забайкалья называются по-разному: «двориками», или «маяками», или «чудскими могилами», или монгольскими могилами, а то и бурятскими (рис. 19).

Название «чудские», по-видимому, связано с довольно распространенной в прежние времена в Восточной Сибири легендой о древнем народе «чуди». Эта «чудь» будто бы в старину жила в Сибири, а позже, когда Сибирь перешла под власть «белого», то есть русского царя, «чудь», не желая ему подчиниться, по одной версии превратилась в березы, а по другой — сама себя захоронила в каменных ящиках. От них-то якобы и остались эти оградки-могилы.

Что же касается названий «монгольские» или «бурятские» применительно к этим могилам, то они тоже ошибочны. Это действительно могилы, но не монголов и не бурят. Они старше и тех и других на много веков. Это могилы людей бронзового века.

Археологи называют такие могилы «плиточными», и культуру, связанную с ними, называют «культурой плиточных могил».

Раскопать подобную могилу непросто. Внутри оградки она обычно заложена толстым слоем каменных плит, иногда весьма почтенных размеров (в некоторых случаях до полутора метров в длину, метр в ширину и до 20 сантиметров в толщину). Но вот плиты вытащены. Под ними пошла темная земля, и обычно уже на небольшой глубине (около одного метра, а в некоторых случаях глубже, до 1,8 метра) показываются кости. Человеческий костяк лежит словно в ящике, обложенном с четырех сторон каменными плитами, а при костяке различные предметы.

К сожалению, хотя до настоящего времени археологами раскопано несколько сот плиточных могил, очень редко удавалось встретить среди них нетронутые погребения. Обычно же археологи, докопавшись до костяка, убеждаются, к своему огорчению, что могила уже кем-то когда-то была раскопана и разграблена: от костяка осталось всего несколько косточек, разбросанных по всей могиле, и никаких вещей. А иногда могила оказывается и вовсе пустой. Труды были напрасны.

Кому же понадобилось раскапывать эти могилы? Что в них искали грабители?

В 50-х годах прошлого века по Сибири проезжал немецкий ученый Карл Риттер. Позже он написал книгу «Землеведение Азии». И вот в этой книге Риттер сообщает, что, проезжая по городам Сибири, он много раз наблюдал, как местные жители продают серебряные и золотые вещи, похищенные из древних могил. Была даже особая люди — «специалисты» по раскапыванию и ограблению древних погребений. В Сибири их называли «бугровщиками». Вот что значит, привлекало грабителей — серебро и золото. Многие могилы были ограблены еще в древности. А другие сравнительно недавно, в прошлом веке.

Но, оказывается, не только эти грабители раскапывали древние могилы. Известный врач и исследователь Забайкалья Н. В. Кириллов сообщает, что раскопками плиточных могил занимались иногда также бурятские ламы. Дело в том, что в ламской медицине одним из очень сильных и действенных лекарственных средств считались толченые человеческие кости. Но только древние, чем древнее, тем лучше. В поис-

ках таких костей ламы и забирались в плиточные могилы.

Конечно, грабителей интересовали в могилах главным образом драгоценные вещи. Какой-нибудь расколотый горшок или позеленевшая медная пряжка для них никакой ценности не имели. Вот почему в плиточных могилах, даже ограбленных, археологи иногда обнаруживают немало вещей интересных и важных в научном отношении. О чем же рассказывают находки из плиточных могил?

Прежде всего о том, что люди, погребенные в них, жили уже не в каменном веке, а в бронзовом. Они уже знали металл.

Первые металлурги за Байкалом

Неизвестно в точности, кто и когда первый на земле открыл способ выплавлять из медной руды красный ковкий металл. Вероятно, это было в древнем Двуречье, а может быть, в Египте,— там были найдены наиболее древние медные изделия. Они относятся к четвертому тысячелетию до нашей эры. В третьем тысячелетии египетские каменотесы высекали медными долотами каменные блоки для пирамид. В это же время медь появилась и у так называемых трипольских племен, живших в степях Украины, у народов Дальнего Востока, в Китае и Индии.

Но за Байкалом еще безраздельно господствовал камень.

Только в начале второго тысячелетия до нашей эры забайкальские племена освоили сложное искусство плавки меди, а затем научились сплавлять ее с оловом, чтобы получить звонкую бронзу, и стали лить и ковать изделия из металла. И тогда оказалось, что в Забайкалье как нельзя более благоприятные условия для развития бронзовой металлургии. Ведь и сейчас немного есть мест на земле, столь богатых медью и оловом, как нынешняя Читинская область.

И вот почти четыре тысячи лет тому назад за Байкалом впервые загудели кирки и каменные молоты древних горняков, появились первые медные и оловянные рудники. Позже, в XVIII веке н. э., русские «рудознатцы» по остаткам древних разработок

открыли вновь немало богатых месторождений (на-
пример, Куринзулайские медные руды, оловянные
около с Оловянная). В этих местах геологи и в наши
дни нередко находят древние полузасыпанные шур-
фы, окаменелые от времени деревянные стойки, ка-
менные кирки и клинья, каменные молоты и колотуш-
ки для разбивания руды, сложенные из камней дре-
вие плавильные печи и другие следы первобытной
металлургии.

Металл не сразу и не без труда одерживал победу
над камнем. Во втором тысячелетии до нашей эры
медные и бронзовые изделия в Забайкалье были еще
довольно редки. И это были обычно мелкие предметы:
шильца, иглы, браслеты из медной проволоки и т. п.
Но в начале первого тысячелетия до нашей эры из
бронзы уже изготовляли всевозможные орудия, мел-
кие и крупные, топоры и мечи, кинжалы и ножи, пу-
говицы и зеркала. Впрочем, камень и теперь не при-
знал себя побежденным. Повсеместно на стоянках и
в погребениях бронзового века наряду с медными и
бронзовыми предметами и даже гораздо чаще можно
встретить каменные топоры, молоты, скребки, након-
ечники стрел и т. д. Нетрудно понять, в чем тут
дело. Обычно археолог находит то, что древний чело-
век потерял или сломал и выбросил. А бронзовые
орудия всегда считались особо ценными, их жалели
и берегли, их реже теряли, а потеряв, всячески ста-
рались найти, и даже сломанное орудие не бросали, —
ведь оно могло пойти в переплавку. Однако в поgre-
бениях археолог может найти бронзовые предметы, в
притом высокого качества. Тут — другое дело. Покой-
ного нужно было снарядить на тот свет как следует.
И родичи, уложив умершего в могилу из каменных
плат, щедро клали в нее превосходные изделия из
меди и бронзы: дух покойного не должен был остать-
ся в обиде.

К сожалению, и бронзовые вещи в могилах тоже
не частая находка. Грабители могил наряду с сереб-
ром обычно прихватывали и ценные бронзовые вещи.
Что же собой представляют эти древнейшие ме-
таллические изделия Забайкалья?
Чаще всего это кинжалы, ножи и наконечники ко-
пий (рис. 29). Ясно почему. Ведь нож или наконечник

Рис. 20. Бронзовые изделия из Забайкалья.

1 — кельты и чекай. 2 — бронзовые ножи и кинжалы, 3 — наконечники стрел и копья. 4 — булавки и бронзовые пуговицы.

копья должен быть тонким и острым. Но каменный нож, если он тонок, легко сломается. Иное дело — металлический. Преимущества его очевидны. Этот согнется или спружинит, но сломать его не так просто. А затупившийся нож можно остро наточить. Надо полагать, что бронзовые ножи и кинжалы очень быстро вошли в моду. Должно быть, заметной мечтой каждого охотника и воина было — обзавестись таким оружием.

А вот топоры и молоты во многих местах земного

шара даже после открытия бронзы еще долгое время продолжали изготавливать из камня. Опять-таки негрудно разгадать, какой здесь был расчет. Топор — крупное орудие, на него куда как много должно было уйти дровиной бронзы. К тому же каменный шлифованный топор ведь неплохо справлялся с делом. А древнейший бронзовый топор сперва представлял собою только металлическую насадку, надевавшуюся на деревянную основу. Такие топоры археологи называют кельтами.

И наконечники стрел тоже сплошь и рядом продолжали применять костяные, а в некоторых местах и каменные. Дело в том, что, как показал опыт, каменные наконечники имеют пробойную силу не меньшую, чем бронзовые. Даже большую. А костяные тоже хорошо служат.

Зато иголки, шнляя, булавки, пуговицы, украшения и прочую мелочь стали сплошь делать из меди и бронзы.

Одного взгляда на бронзовые изделия, найденные в Забайкалье, достаточно, чтобы оценить искусство древних мастеров.

Превосходное качество бронзы золотисто-желтого или красноватого цвета, плавные изящные формы бронзовых изделий — все говорит о высоком мастерстве тех, кто эти изделия создал.

Но тут может возникнуть вопрос: а точно ли местные мастера создали эти превосходные вещи? Ведь могло быть и по-другому. Может быть, они были завезены откуда-нибудь? Может быть, древние забайкальцы выменяли их у другого народа на шкуры или меха? Ведь вот же в знаменитых скифских курганах попадались изумительной красоты вещи, вроде известного всякому школьнику соловехского гребня или чертомлыцкой вазы. Однако ученые уже давно доказали, что эти вещи сделаны не скифами, а греческими мастерами. Так, может быть, и забайкальская бронза — дело рук инопольных мастеров? Где доказательства обратного?

«Есть доказательства», — может ответить археолог такому скептику. В Читинском и Кяхтинском музеях хранятся редкие вещи: разъемные литейные формы для отливки клинжалов и наконечников копий. Эти

формы сделаны из мягкого камня, талькового сланца. Духовые формы из Читинского музея были найдены в Восточном Забайкалье около села Беклемишево, в верховьях Хилка. Кяхтинская форма — в Западном Забайкалье. Значит, бронзовые изделия, найденные в Забайкалье, изготавливались в большинстве случаев на месте здешними мастерами и не были завезены извне.

Кстати, обратите внимание на одну интересную деталь. У простых кинжалов навершие оформлено, как правило, в виде кружка с отверстием. Нетрудно догадаться, что в это отверстие продевался шнурок и нож или кинжал привязывался к поясу. Но когда мастер хотел придать кинжалу более парадный вид, он оформлял навершие в виде стилизованной головы животного, в подавляющем большинстве случаев — в виде головы барана. Отчего такое пристрастие к этому животному? Мы сейчас увидим, что оно не случайно.

Когда археологи считают кости...

Самые обычные находки в плиточных могилах — кости животных и обломки глиняной посуды (а то и целые горшки).

Я помню, в 1956 году мы раскапывали плиточные могилы около станции Оловянной. В раскопках принимал участие местный житель Петр Афанасьевич Абросимов.

С Петром Афанасьевичем я познакомился еще в 1954 году. Уже тогда ему было, кажется, за 60. Это был высокий, сухой, очень бодрый старик с тонкими чертами лица и пушистыми усами. В то время он работал сторожем на мясокомбинате.

Но его любимым делом, которому он служил бескорыстно и всей душой, была археология. Он знал наперечет все интересные в археологическом отношении места в окрестностях станции Оловянной, все плиточные могилы (их там великое множество) и регулярно обходил эти места, чтобы никто не «набаловал», как он выражался. Он собирал подъемный материал и не один раз привозил в Читинский музей очень ценные вещи. В том же 1954 году он привез в

Четыре великолепный толор и пож из белого нефрита, которые сейчас украшают экспозицию Читинского музея.

Не было для Петра Афанасьевича большего удовольствия, чем участвовать в раскопках. Причем работал он не только с энтузиазмом, но и со знанием дела. Он кое-что читал по археологии и мог часами с неослабевающим интересом выспрашивать о всяких археологических новостях и тонкостях.

Вот и теперь, несмотря на свой преклонный возраст, он с азартом помогал ворочать плиты, не отставая от молодежи. Как и следовало ожидать, могила была ограбленной. В ней уже кто-то побывал до нас. Из вещей мы нашли только небольшую голубую булону. Но костяк сохранился почти полностью. А на груди у скелета лежала большая кость — явно лопаточная кость какого-то животного.

Взглянув на кость как специалист «мясного дела», Петр Афанасьевич тут же определил ее: «Не иначе, как бычья» (научные исследования подтвердили его определение). А вдобавок Петр Афанасьевич сделал такое интересное заключение: «Выходит, харчинск ему положили на первое время. Как, мол, так у покойничка на том свете с охотой наладится, еще неизвестно. А тут свое мясо, с собой. Вишь, целое стегно положили...»

Именно так, наверно, и рассуждали люди бронзового века, когда клали в могилу часть животного или какую-нибудь другую пищу в горшке. С течением времени все, что могло сгнить, сгнило. Но кости и глиняные горшки сохранились, хотя горшки под давлением земли нередко превращались в черепки.

Когда сторонние зрители наблюдают, как археологи тщательно завертывают в бумагу и, перекладывая ватой или опилками, пакуют в ящики желтые полураскрошившиеся обломки костей и глиняные черепки, то у них действительно может появиться на лице недоуменная улыбка: «Какими пустяками занимаются люди!»

Но археологи знают: эти древние кости могут рассказать немало интересного.

Работы с ними много. Прежде всего ученые стремятся установить, чьи это кости. По известным при-

никак специалист может определить, не только какому животному принадлежала кость, но и был ли это домашний или дикий экземпляр. Вспомните: в Шилкинской пещере были найдены кости волка, лисицы, собаки. И вот, несмотря на то, что скелеты этих животных устроены очень схоже и что это были не целые скелеты, а отдельные кости или даже обломки костей, ученые в точности определили: это — кость лисицы, а это — волка. Это — собаки, а это — тоже собаки, но уже другой. С полной уверенностью они определили, что в пещере были кости от одиннадцати разных собак.

Таким образом были тщательно изучены кости животных, найденные в плиточных могилах. Изучены, рассортированы и подсчитаны. И оказалось, что сухие цифры способны рассказать об очень интересных вещах.

Прежде всего обнаружилось, что кости диких животных встречаются в плиточных могилах примерно в четыре раза реже, чем кости домашних животных.

Вспомните, что на палеолитической стоянке в Ошурково не было ни одной кости домашнего животного. В неолитической Шилкинской пещере попались кости домашней собаки, но еще решительно преобладали останки диких животных. В плиточных же могилах, наоборот, преимущественно находят кости домашних животных. Значит, в бронзовом веке в Забайкалье уже не охота или рыболовство, а скотоводство стало главным занятием, доставлявшим человеку средства к существованию. Это очень важный вывод, но не единственный.

Оказалось далее, что в плиточных могилах чаще всего встречаются кости лошади и овцы и гораздо реже — кости крупного рогатого скота (в три-четыре раза реже). Случайно ли это? Такой состав стад с преобладанием лошадей и овец характерен для народов кочевых или полукочевых.

Так был найден ключ к решению еще одной задачи, долго смущавшей археологов: почему погребений бронзового века в Забайкалье известны тысячи, а стоянок — две-три? Именно эти невзрачные и полустлевающие кости помогли найти ответ: видимо, потому, что люди, хоронившие своих покойников в пли-

то них могилах, вели в основном кочевой образ жизни. Археолог умеет определить место, где стояла древняя землянка, или полуземлянка, или дом, в котором жилут подолгу. Впадина и темное пятно указывают, где был пол, круглые, еще более темные пятна — места, где стояли столбы, поддерживавшие крышу. Там, где был очаг, почва перемешана с золой и темный пережженный слой уходит в глубину. Но временный шалаш или юрта кочевника почти не оставляют следов. Люди, все время кочующие с места на место, не оставляют после себя культурного слоя или этот слой настолько слаб, что его обнаружить невозможно.

Природная обстановка Забайкалья и Монголии в бронзовом веке уже была вполне похожа на современную. В богатых травой долинах рек Орхона и Толю, Селенги и Онона в условиях короткого лета и длительной малоснежной зимы скот можно было пасти круглый год на водножонном корме, время от времени меняя пастбище. В этих условиях именно конь и овца — наиболее подходящие для разведения животные.

И вот забайкальские степи еще в первом тысячелетии до нашей эры стали местом проживания множества кочевых или полукочевых племен, у которых основным занятием было скотоводство, а главное богатство — табуны коней да бесчисленные стада овец. Попробуем представить себе облик этого забайкальца, кочевника бронзового века.

Это всадник на низкорослом коне, живо напоминающем нам современную маленькую, но выносливую монгольскую лошадку. На своем верном коне следует он за своими стадами, на нем же отправляются вместе с другими воинами в набег. Войны и набеги стали теперь обычным явлением. Набеги устраивали, чтобы отбить чужой скот, воевали за обладание лучшими пастбищами, — в то тревожное время каждый член племени был воином, всегда наготове напасть или отбить нападение. Что удивительного, что в могилу ему клали любимого коня или сбрую и лучшее оружие? На одной надгробной плите, стоявшей около плиточной могилы, было высечено изображение полного набора оружия (см. рис. 25): лук, кин-

Рис. 21 Раковина «каури».

жал и мечи, боевой топор и боевой молот-чекан, грозное оружие, с одной стороны похожее на топор, а с другой на молот. Заметим, что лук у этих кочевников был уже не таким длинным, как у древних неолитических охотников. Он был короче, таким луком удобнее пользоваться при стрельбе с лошади.

А что означает высеченный на плите кружок над луком? Бронзовое зеркало. Воин должен следить за своей наружностью и на «том свете». В плиточных могилах не раз находили круглые бронзовые шлифованные зеркала.

Забайкальские кочевники не только воевали с соседями. Мы уже знаем, что у них было неплохо развито ремесло, например, обработка меди и бронзы. Но они умели также и торговать. Они вступали в обмен с соседними народами. Скот и кожи, шерсть и меха диких зверей и многое другое они выменивали на то, что было у других народов и чего не хватало им. В плиточных могилах нередко находят украшения: бусы из красного сердолика и голубой бирюзы. По мнению некоторых исследователей, сердоликовые бусы, просверленные, по-видимому, алмазным сверлом, происходят из далекой Индии. А месторождения бирюзы известны только в Средней Азии.

Еще более интересно, что в некоторых плиточных могилах были найдены особые раковины — «каури» (рис. 21). Эти небольшие, изящной формы раковины водятся только в Индийском океане, и они играли в равности совершенно особую роль — у многих пле-

мен и народов Азии они заменяли деньги. На ином
покупали, продавали, их копили. Когда при раскопках
как древних китайских городов археологи находили
«кладбища», то есть спрятанные сокровища, то в них
рядом с драгоценными предметами из золота и се-
ребра обычно оказывались и связки «каури» — так
они ценились.

Значит, находки раковин каури в плиточных мо-
гилах опять-таки свидетельствуют о развитии обме-
на и о дальних культурных и меновых связях. Толь-
ко не стоит представлять себе образ какого-нибудь
купца — индийского «гостя», — приезжающего со
своими товарами из Индии на берега Онона. Надо
думать, что товары из дальних стран переходили по
пути через десятки племен и сотни рук, пока не по-
падали за Байкал к богатому степняку.

Богатому? Да! Я не оговорился. В период бронзо-
вого века постепенно начинало исчезать первообытное
равенство между людьми. Начала выделяться немно-
гочисленная богатая племенная верхушка, вожди
племен, старейшины родов, главы больших семейств.
Эти люди стремились присвоить себе большую часть
скота и лучшие пастбища. Войны и торговля еще
больше обогащали их. И они, пользуясь своим влия-
нием и богатством, заставляли своих более бедных
сородичей и соплеменников работать на них.

Случайно ли, что плиточные могилы имеют самые
различные размеры? Что среди них есть совсем не-
большие (2×2 м) и есть огромные могилы — до
6 метров в длину и ширину, сооруженные из огром-
ных тяжелых плит? Мало того, около некоторых
крупных могил нередко стоят, точно своеобразные
надгробные памятники, так называемые «стороже-
вые» или «коленные» камни — монументальные плиты
с высеченными на них изображениями животных
(оленя, лося) или солнечного круга. Можно не со-
мневаться, что для рядового кочевника не стали бы
сооружать такой величественной гробницы, не стали
бы перетаскивать, иногда на далекое расстояние,
огромные плиты, не стали бы высекать изображение
священных животных на «коленном» камне. В этих
могилах, наверное, были погребены представители
степной знати, вожди и родовые старейшины, наибо-

дес знатные и богатые люди. И именно в этих погребениях, конечно, и находили золотые и серебряные вещи могильные грабители — бугровщики. Человек при жизни выделялся своим богатством, и когда он умер, часть этого богатства отправили с ним на тот свет.

Трагедия в Борзинской степи

В 1958 году археологи из экспедиции Сергея Владимировича Киселева раскопали две большие плиточные могилы недалеко от села Тюкавкино, Борзинского района. Это были очень большие могилы, примерно по шести метров в длину и ширину и около двух метров в глубину. Они были обложены такими крупными плитами, что вытаскивать их пришлось тросом с помощью автомашин. Могилы были, конечно, разграблены еще в древности. В них остались только кости животных (несколько бараньих черепов, кости лошади) и еще кое-какие предметы. Но не это было примечательным в захоронениях, а то, что в одной из могил оказались сразу два костяка. Это было парное захоронение. Один костяк был мужской, а второй, по-видимому, женский. Мужской сохранился полностью, от женского осталась только нижняя часть и кости правой руки. Остальное, очевидно, выбросили грабители. На костях рук женщины сохранились лежавшие рядами слипшиеся мелкие цилиндрические бусины — они, несомненно, были нашиты на рукаве, но истлела одежда, истлело тело, носившее ее, а земля прижала бусы и не дала им рассыпаться.

На рисунке 22 показано, как выглядели эти костяки после расчистки. Студентка Нелли Попова, расчищавшая эти костяки, наполовину в шутку, наполовину всерьез заметила:

— Вот бедная, и после смерти он на нее рычит.

На самом деле странное положение черепа мужчины объяснялось просто давлением сверху земли, которое развернуло череп лицевой частью назад, приплюснуло его и раздвинуло челюсти так, что действительно казалось, будто «он» кричит на «нее».

Но слово «бедная», пожалуй, здесь было вполне уместным.

Рис. 22. Расположение костяков в плиточной могиле.

Совместные захоронения мужчины и женщины были в древности явлением нередким. Они начинают встречаться еще с эпохи неолита. И вот, изучая эти захоронения, ученые обратили внимание на очень примечательный факт: во многих случаях женские скелеты носили следы насильственной смерти. У одних оказались проломленные черепа, видимо, от удара дубиной или каменным мологом сзади, у других были обнаружены в костях засевшие кремневые наконечники стрел. И тогда многое стало ясным.

Вспомним, что в глубокой древности женщины играли весьма важную роль в человеческих общинах. Наравне с мужчинами они участвовали в добывании

пищи. Правда, охота и рыболовство были преимущественно мужским занятием. Но женщина, занимаясь собирательством, а позже примитивным огородничеством, добывала, вероятно, не меньше пищи. Затем на ней лежали такие важные обязанности, как изготовление одежды и обуви, выделка глиняной посуды и ряд других занятий.

Дети и беспомощные старики находились также в основном на попечении женщины. В те времена люди вели счет родства только по женской линии. Женщина пользовалась почетом и уважением настолько, что после смерти матери-прародительницы люди вырезали из камня или слоновой кости ее изображение и оно становилось предметом религиозного поклонения. Такие статуэтки найдены археологами во многих местах обитания первобытных людей. Найдены они были также и в Восточной Сибири. Эти статуэтки — верные свидетели древнего матриархата — так называется в науке период, когда женщина главенствовала в первобытных общинах. Но позже положение женщины изменилось.

С усовершенствованием старых и изобретением новых орудий труда стали давать намного больше продуктов питания и охота и рыболовство. А затем возникли новые, еще более производительные хозяйственные отрасли — земледелие и скотоводство. И во всех этих отраслях главную роль играл уже мужчина. Он был главным охотник и рыбак, он шел за плугом и он пас табуны коней и стада овец. А женщина? Труд женщины стал лишь незначительным придатком к труду мужчины. И вместе с тем изменилось положение женщины в семье. Особенно резко — у пастушеских племен. Приручение скота, а позже уход за ним было делом мужчин, поэтому скот принадлежал ему, а также и те товары, которые он приобретал в обмен на скот. А жена его имела право лишь пользоваться ими.

В новых условиях мужчина стал играть главную роль не только в производстве, но и в семье, а женщина постепенно превратилась в существо зависимое и приниженное, в служанку своего мужа. Сначала она была во власти своего отца. Отдавая свою дочь кому-нибудь в жены, отец брал за нее калым — вы-

куп. По существу он продавал ее. Если человек был богат, он мог иметь не одну, а несколько жен. Что удивительного, что он считал их своей собственностью, почти такой же, как скот? А когда к нему приходила смерть, и он, и его родичи считали вполне правильным и справедливым, чтобы покойника ее провожала на тот свет по крайней мере одна из его жен. И тогда возник обычай: если умер мужчина, убивать его жену и класть рядом с ним. Правда, этот обычай был не везде распространен и, по-видимому не во всех случаях осуществлялся. Но что он в свое время был у прибайкальских и забайкальских племен, — можно не сомневаться.

А. П. Окладников так описывает одно парное погребение, раскопанное им около села Буреть (на Ангаре вблизи Иркутска).

«...Вся обстановка этого погребения, раскрытая в результате раскопок, выразительно рисует картину кровавой трагедии, происходившей на берегу Ангары около трех с половиной тысяч лет тому назад. Женский костяк, находившийся здесь рядом с мужским, сохранил бесспорные признаки насильственной смерти. В его тазовой кости засел кремневый наконечник стрелы. Стрела была пущена сзади с близкого расстояния, по-видимому, уже в поверженную на землю женщину, и с такой силой, что прошла насквозь мягкие части тела, пробила толстую кость и больше чем наполовину зашла в полость живота. Края раны на кости ровные, показывающие, что она не успела зажить. Женщина умерла вскоре после ранения».

Кто знает, может быть, похожая трагедия произошла когда-то и в Борзинской степи? И свидетельством ее является лишь эта огромная могила и в ней остатки двух скелетов.

Раб и господин!

Но во многих случаях археологи обнаруживают в могильной яме не мужской и женский костяки, а два скелета лежат разные вещи, нередко весьма ценные, а при другом почти нет вещей или лежит какой-нибудь совсем малоценный предмет.

Так, например, в одном из прибайкальских погребений было найдено два мужских костяка. Один из них принадлежал пожилому мужчине. Он был богато снаряжен на тот свет. При нем были оружие и украшения, в том числе вырезанная из рога фигура лошади, отлитые из бронзы изображения фантастической змеи и т. д. Это были, несомненно, останки какого-то знатного человека, может быть, вождя. А в ногах у него в скорченном положении лежал другой костяк. При нем не было никаких вещей. Руки у этого костяка были неестественно заведены за спину. Было ясно, что этого второго человека перед смертью связали по рукам и ногам и, убив, бросили к ногам умершего владыки. Это был, по-видимому, слуга или раб.

Да! В бронзовом веке в Забайкалье уже появились рабы. Ранее мы упоминали о богатой и знатной верхушке степных племен, о людях, прибравших к рукам стада и пастбища и другие богатства и еще больше богатевших благодаря обмену и войнам. А ведь войны давали военнопленных. И теперь пленных уже зачастую обращали в рабов. Мало того, нередко стремление захватить рабов было главной причиной войн. Но рабы попадали в собственность богачей. Они пасли их стада, возделывали землю, ловили рыбу, а рабыни-служанки прислуживали в доме или становились наложницами, то есть рабынями-женами господина. Надо думать, что и в парных захоронениях женские скелеты чаще принадлежали именно таким женам-рабыням, а не «настоящим» свободным женам.

Когда археолог смотрит на двойное захоронение в плиточной могиле, ему невольно приходит в голову сравнение с другими погребениями, далска на Западе. В то же самое время, когда в степях Забайкалья кочевали племена культуры плиточных могил, в Причерноморье жили другие степняки-кочевники — скифы. Вот как описывал древнегреческий историк Геродот погребение скифского вождя.

Когда умирал скифский царь, то в особом месте для него вырывали большую четырехугольную яму. Труп укладывали на большую колесницу и опускали

вместе с ней в могилу. Убивали его любимых слуг конюха, повара, виночерпия и других, а также самую красивую рабыню-наложницу и всех их укладывали в могилу. Наконец убивали любимых коней царя и опускали туда же, так же, как и самое ценное оружие, и дорогие сосуды, и драгоценные украшения. Над ямой устраивали крышу-перекрытие, а сверху насыпали огромный курган. Некоторые курганы достигали в высоту до 20 метров, а по окружности — более 300 метров. Курганы окапывали рвом и обкладывали у основания камнями.

Мы не знаем в Забайкалье могильных памятников, которые могли бы сравниться по своим размерам и богатству со скифскими курганами. У кочевников Забайкалья, видимо, имущественное и классовое расслоение не достигло таких размеров, как у скифов. Но можно не сомневаться, что некоторые парные захоронения Забайкалья — это уже первый «сигнал», первый признак наступления нового этапа в общественном развитии забайкальских племен. На смену первобытно-общинному строю в конце бронзового века выступает классовое общество, в котором выделяются первые два класса — рабов и рабовладельцев, угнетенных и угнетателей.

Знаки на скалах. Верх-Хилинская писаница

В начале марта 1959 года я получил письмо от известного охотника и любителя-краеведа, жителя села Верх-Хила Шилкинского района, Ивана Романовича Рязанцева. Помню, что еще только взяв в руки конверт и нащупав в нем твердый квадрат фотографии, я сразу заволновался. Наверное, в таком случае каждый археолог испытывает ощущение взволнованного ожидания: вдруг нашли что-то из ряда вон выходящее или, как выражались наши студенты-археологи, что-то «сверхъестественное»! Увы! Как часто надежды сменяются разочарованием.

Но то, что сообщал Иван Романович, было действительно очень интересным. Он писал, что давно уже слышал от стариков-охотников, будто где-то в тайге

Рис. 23.

есть колдовской, звериный камень, скала в виде зверя, на которой нарисованы разные животные. И вот недавно на охоте, преследуя кабана, он действительно вышел на эту скалу. И на ней на самом деле отчетливо были видны нанесенные красной краской фигуры оленя, кабана и других зверей. Иван Романович прислал даже фотографии. К сожалению, они получились не очень удачными. И все-таки с первого взгляда можно было различить на камне изображения человека и животных. Это несомненно была писаница — древний наскальный рисунок и, судя по всему, очень интересный.

Я не мог сразу выехать. Помешала работа, потом весенняя распутица. Но при первой возможности, 5 июня, я выехал на место, взяв с собой студента-географа Сережу Романова. Мы доехали поездом до станции Шилка, потом автобусом добрались до села Верх-Хила. А дальше пришлось уже добираться верхом и пешком. Наконец мы оказались на месте. Писаница находилась в пади, носившей странное название Оля, в распадке Попова, к северо-северо-западу от села Бутихи на расстоянии 15 километров от нее, в глухой, дремучей тайге.

Здесь, среди зарослей березы и лиственницы, возвышалась огромная одинокая скала около 10 метров

в высоту, сложенная из выветрившегося гранита. Скала действительно имела отдаленное сходство с высушенным из земли хребтом какого-то огромного первобытного зверя.

В нижней своей части, под навесом-козырьком, скала переходила в вертикальную плоскость. И на ней я увидел ряд выложенных краской (охрой) и вполне отчетливо выделявшихся на темно-сером фоне скалы изображений (рис. 23).

Точнее сказать — это была целая картина, сложная композиция. Одни за другим шли звери: северный олень, кабаны, лань. Им преграждает путь охотник, вооруженный луком.

Изображения довольно хорошо сохранились. Они отличались удивительной реальностью. Художнику удалось очень похоже передать и плотную фигуру оленя, и грузное упорство кабанов, и плавно-грациозный изгиб шеи лани.

Передо мной было замечательное произведение первобытного искусства. Я не мог наглядеться на него. Но надо приниматься за дело. Сперва мы наложили на всю писаницу листы прозрачной кальки и прорисовали ее. А затем начались фотографирование, зарисовки, измерения — одним словом, то, что обычно полагается делать с писаницами.

Теперь я хочу сделать небольшое отступление и рассказать немного о первобытном искусстве.

В разных местах земного шара известны тысячи рисунков первобытных людей, нанесенных краской или выбитых на камнях, или вырезанных на кости. Известны и древние скульптурные изображения: статуэтки людей или животных из кости или камня. Социни книги написаны о первобытном искусстве, и многое в нем для нас стало понятным.

Мы, например, теперь знаем, что, покрывая разными изображениями стены пещер или гладкую поверхность скал, первобытный человек в большинстве случаев делал это не только ради красоты. Можно не сомневаться, что любовь к красивому тоже была у древних людей, она возникла очень-очень рано, хотя понятия о красоте у них, конечно, были не похожи на наши. Так же, как современные люди, члены пер-

первобытных племен испытывали удовольствие, глядя на красивый рисунок, а древний художник, не в меньшей мере, чем современный, ощущал радость и гордость от сознания, что он создал нечто такое, чем все любят. Но почему многие древние рисунки были найдены в самых темных и удаленных от входа потаенных пещерных коридорах или на какой-нибудь скале в самой гуще леса — одним словом, в таких местах, где подчас и рисовать их было неудобно, и смотреть трудно, и мало кто мог увидеть произведения первобытного художника?

Красота красотой, но, оказывается, первобытное искусство в большинстве случаев было тесно связано с первобытной религией. Человек рисовал на камне не «просто так», а с определенной, «колдовской» целью.

Так, несомненно, обстояло дело и с Верх-Хилинской писаницей.

Колдовство у Звериной скалы

Кругом была тайга. Она расстилалась по сопкам, перебиралась через пади. Везде виднелись огромные сосны и кедры, все было перепутано буреломом, а из земли, точно змеи, торчали корневища и поросшие мохом пни. Местами могучие сосны сменялись низкорослым березняком. А там молодой кедровник сбегал в падь. И снова тайга на тысячи верст. Сквозь тайгу, извиваясь, текла небольшая речка. Она то разделялась на несколько протоков, то суживалась и шумела на быстрине, то снова широко разливалась, образуя отмели и перекаты. Бурлила речная вода, а в ней стрелой проносились быстрые хариусы и юркие голякы.

На крутом берегу реки расположилось становище таежных людей, охотников и рыболовов. Зимой они жили в другом месте, а с наступлением весны переместились сюда, на берег таежной реки. Здесь поставили свои легкие берестяные чумы и стали ловить рыбу и охотиться. Другие племена, у которых были олени, откочевали на склоны горного хребта, на горные пастбища, где было меньше гнуса и легче людям и скоту. Но охотник живет там, где больше добычи, — в тайге.

Много зверя в тайге. Ломая могучей грудью кустарник, гордо закинув на спину рога, проходит великан-лось. На полянах пасутся олени: рогатые самцы, пугливые важенки, молодые, точно бархатные оленята. За оленями охотятся и волк, и рысь, и росомаха, и большой бурый медведь, с виду такой неуклюжий, а на деле ловкий и быстрый. Незаметно подкрадывается он к оленям, бросается на самого крупного, могучим ударом лапы ломает ему хребет и утаскивает.

Но тот год был на редкость неудачным. С конца весны подул суховей. Солнце жгло невыносимо. И в тайге стали мелеть ручьи, и родники вовсе пересохли. Высохли мелкие озера. В коричневом сухом иле гнила дохлая рыба. Пожелтела трава.

По ночам тучами в невиданном количестве поднимался гуус. Тонко гудела мошкара. Люди спасались дымокурами. Но и дым плохо помогал.

И зверь стал уходить из этих мест.

Надвигался голод. Недавно охотники обошли еще раз ловушки и тайные места, где на звериных тропах были спрятаны настороженные луки-самострелы. Ничего не попало.

Вечером у костра было невесело. Люди глядели на пляшущее пламя, вздыхали, скупно обменивались словами. Стеной стояла черная тайга. Откуда-то доносился тоскливый волчий вой и еще какой-то стонущий звук. Люди пугливо вздрагивали и переглядывались:

— Худо, хозяин ходит! Сердится!

— «Хозяин», — так они называли лесного духа — владыку тайги и зверей.

Эти таежные охотники, ловкие и отважные люди, не боявшиеся схватиться врукопашную с медведем, больше всего боялись духов. Ночью этот страх удваивался. В темноте мохнатый пенек, уродливо изогнутое дерево, крик зверя — знакомое становилось незнакомым, пугающим. Этот страх мешал им спокойно жить, охотиться, ловить рыбу. Нужно было постоянно думать о духах. Сердить духов было очень опасно. Они могли разогнать зверей, распугать рыбу, увести в сторону выпущенную из лука стрелу, наслать болезнь. Приходилось упрашивать духов, при-

кать жертвы. Или шаманить — колдовать. Люди
рди, что если человек знает пужные колдовские
емы, то он может даже одержать перх над духа-
и заставить их подчиниться. Но это, конечно, было
но не каждому, а только немногим. Колдунам-ша-
анам.

Костер догорал. Перед тем как пойти к своему
уму, старейшина сказал: «Завтра пойдем к Звериной
кале. Шаманить надо...»

Они шли гуськом друг за другом по иссушенному
лесу. Деревья стояли почти мертвые. Не слыш-
ю было птичьих голосов. Только изредка с сухим
туком падала сосновая шишка. Шуршала осыпав-
шаяся желтая хвоя.

К полудню спустились в широкую падь. Здесь
воздух был посвежее, гуще и зеленее трава. В центре
пади стояла огромная скала. Совсем одинокая. Она
напоминала спину какого-то огромного зверя, напо-
ловину зарывшегося в землю.

Люди приблизились к скале. Один из них вышел
вперед. Это был коренастый старик с длинными спутан-
ными волосами, с диким и хитрым выражением
глаз. Шаман.

Он развязал заплечную котомку и вынул ее содер-
жимое: берестяной сосуд с медвежьим жиром, не-
сколько комков красной минеральной краски-охры,
плоскую каменную плитку с углублением посреди,
каменный пест. Некоторое время шаман, что-то бор-
моча про себя, усиленно растирал краску, смешивая
ее с жиром. Потом подошел поближе к скале и вни-
мательно оглядел ее.

С севера скала обрывалась почти вертикальной
гладкой плоскостью. Здесь шаман остановился. Об-
махнув палец в краску, он уверенным движением про-
вел по камню линию, другую, третью. Охотники мол-
ча с удивлением и страхом следили за ним. На скале
происходило чудо. Вот появился олень. Он нагнул
голову и выставил рога. За ним идет кабан. Ниже —
лани.

А перед зверями шаман изобразил охотника, слов-
но пересекающего им дорогу. В его руке лук, стрела
целит прямо в сердце оленя.

Когда изображение было готово, шаман остатками

криски выматал себе руки и лицо. Затем он вытащил из той же сумки странной формы шапку (вверху из нее торчали два оленьих рога), бубен и, наконец, ожерелье, сделанное из медвежьих и кабаньих клыков. Все это были принадлежности шаманского дела. Шаман надел на себя шапку и ожерелье и слегка ударил в бубен. Охотники сели полукругом, лицом к изображениям на скале.

Шаман, подпрыгивая, пошел по кругу. Теперь он непрерывно бил в бубен. Но вот он запел заклинания. Он обращался к духу — хозяину тайги, уговаривал его послать людям для промысла зверей. Он обращался и к самим зверям: лесным, полевым, водяным. Близким и далеким. Он призывал их идти сюда. Все чаще и гуще стучал бубен, все громче и испуганнее, все требовательнее звучал голос шамана.

«Лось! Ты могучий лось! Тебе велю — сюда иди. Ты, северный олень! Ты, младший брат лося, — тебе велю — иди сам и веди своих важенок. Идите, звери, к скале, а оттуда к реке... Идите... Идите...»
Временами шаман выкрикивал таинственные слова, никому непонятные заклинания. Прошло много времени. Вдруг шаман остановился, точно прислушиваясь, но тотчас же снова ударил в бубен, теперь уже в другом ритме. Таинственно понизил голос, он говорил: «Ага, они идут, идут, далеко идут... вот, я вижу, идет сохатый. Иди, иди, сохатый, иди, мы ждем тебя. Мы тебе ра-

Шаман изображал движения зверя. Вот он и могучий лось, раздвигая грудью кусты, вот протыкает голову, срывает ветку с дерева, снова идет.

Долго еще колдовал старый шаман. Наконец кончил. В изнеможении растянулся на земле, отмахиваясь. Теперь и охотники приблизились к скале. Одобрительно переговариваясь, они рассматривали изображения зверей.

Лишь к ночи охотники вернулись в становище. Завтра на рассвете они отправятся на охоту. Они должны убить зверя. Они верили, что теперь уже не вернуться без добычи. Не зря ведь колдовал шаман. Им казалось, что уже сейчас, повинувшись колдовству шамана, медленно бредут в ночи звери, все ближе подвигаясь к их ловушкам и самострелам. Завтра зазвенят стрелы и вопьются в тела животных — недаром шаман нацелил стрелу охотника на скале в самое сердце оленя.

Магические оградки и культ предков

Писаницы типа той, которую открыл Иван Романович Рязанцев, в Забайкалье известно очень мало. Зато похожие писаницы с изображением животных и охотничьих сцен в большом количестве есть в Прибайкалье и Якутии. Это писаницы таежных охотничьих племен неолита и бронзового века.

А у степных скотоводческих племен писаницы другого стиля. Нередко в тех же местах, где встречаются плиточные могилы, где-нибудь на гладких плоскостях скал, под навесом и козырьками, несколько предохраняющими их от отвесно падающих дождевых струй, можно увидеть выцветшие красные пятна охры. Неопытный человек не всегда может понять, что они изображают: точки, короткие палочки, очень схематически изображенные фигуры людей. Иногда несколько человечков, точно взявшихся за руки. Иногда изображены четырехугольные или округлой формы оградки и внутри те же точки, палочки (рис. 24). Часто встречаются изображения птиц и оленей и других животных: оленей, лошадей. Животные тоже изображены очень условно, не так, как на Верх-Хилинской писанице. Подчас лишь с трудом

можно угадать, кого хо-
тя и изобразить древний
художник.

Судя по толщине пя-
тен и линий, нетрудно со-
образить, что они нанесе-
ны попросту пальцем, об-
макнутым в краску.

Гораздо сложнее опре-
делить, что означали эти
рисунки, какой смысл
вкладывали в них те, кто
их нанес на скалы. Но во
многих случаях ученым
и это удалось сделать.
И опять-таки оказалось,
что эти рисунки связаны с религиозными представле-
ниями древних забайкальцев.

Жизнь древнего таежного охотника зависела в
основном от удачи или неудачи в охоте, от того, попа-
дется ли ему зверь и попадет ли он стрелой в зверя.
И понятно, что все его помыслы, и интересы, и рели-
гиозные воззрения тоже были тесно связаны с охотой.

Но для племен степного Забайкалья, как мы уже
видели, главную роль играло скотоводство. И общест-
венное устройство у них было другое, более разви-
тое, чем у лесных племен. Мы знаем, что у них уже
большое значение приобрели меновая торговля и ре-
месла и появились зачатки имущественного неравен-
ства и даже рабства. Наконец, у них выросла роль
вождей, племенной знати. И все эти изменения долж-
ны были так или иначе отразиться и в религиозных
представлениях, и в искусстве.

Сопоставляя рисунки на писаницах степного За-
байкалья с писаницами из других областей, а также
с этнографическими данными, ученые установили, что
человекообразные фигурки на писаницах представля-
ют на самом деле не людей, а духов предков. Духи
предков, в особенности вождей или шаманов, счита-
лись сверхъестественными покровителями племени
или рода, и, нанося на скалу ряды пятен и окружая
их замкнутой линией — оградкой, древний забайкалец
совершал своего рода колдовской обряд. Пятна

Рис. 24. Духи-хранители у маги-
ческой оградки. (Писаница брон-
зового века.)

людьми были изображать членом рода или семьи. Человек обводил их замкнутой линией — магической оградкой, конечно, произнося при этом соответствующее заклинание, и он верил, что это должно предохранить родных и близких ему людей от влияния злых духов. А в некоторых случаях пята в магических оградках, по-видимому, изображали скот. Ведь скот теперь стал основой благосостояния степняка. И очень важно было уберечь и сохранить домашних животных от всякой «порчи». И вот нередко рядом с этими оградками изображались ряды человекообразных фигурок. Духи — покровители данного рода — должны были помочь сохранить скот и людей. Кстати говоря, подобные изображения духов предков — покровителей родов были и у позднейших забайкальских племен — бурят и эвенков (так называемые «онгоны»).

Археология и миф

Особенно излюбленным и часто повторяющимся мотивом на писаницах является изображение оленя. Стилизованные фигуры оленей, обычно с роскошными, ветвистыми, закинутыми за спину рогами, встречаются также и на надгробных камнях, которые, очевидно, именно поэтому получили в народе название «олениных» камней (рис. 25).

Понять смысл этих изображений археологу помогли мифы. Широко открытыми глазами смотрел первобытный человек на окружающий его огромный мир. Пробудившееся сознание человека задавало вопрос за вопросом. Как все это возникло? Откуда все произошло? Как появился человек? Отчего день сменяется ночью? Тысячи и тысячи загадок и тайн окружали его со всех сторон. И так как действительных научных знаний у него еще было ничтожно мало, то первобытный человек пускал в ход воображение, фантазию, то, что всегда отличало человека, даже самого примитивного, от его животных предков. Он выдумывал объяснения всему непонятному. Так появились мифы, народные сказания о происхождении мира и людей, о богах и героях, о легендарных предках и их подвигах.

Изображения также имели
символический сокровенный смысл.
Наименно, и они также
представляли какое-то
сверхъестественное существо
или покровителя. Недаром
и фигуры птиц нередко изо-
бражаются рядом с оград-
ками. Между прочим, имен-
но эти древние изображения
птицы в полете, по всем
признакам орла, натолкнули
Алексея Павловича Окладникова на очень интерес-
ную мысль.

Рис. 26. Орел-предок.
(Писаница).

Хорошо известно, что орел до самого недавнего
прошлого играл особо важную роль в религиозных
мифах и преданиях бурят. В этих сказаниях орел
изображался как чудесный сверхъестественный пре-
док и покровитель бурятских племен. Изображение
орла было излюбленным мотивом в бурятских узорах,
вышивках (например, в узоре на шерстяных чулках).
Причем во всех случаях птица изображалась именно
в полете.

Случайно ли это совпадение? Вряд ли. Правиль-
нее будет, как думает А. П. Окладников, считать, что
оно указывает на определенное родство, пусть очень
далекое, между древними племенами культуры плиточ-
ных могил и позднейшими бурятами. В пользу
этого взгляда говорят и некоторые другие сообра-
жения.

Вы, вероятно, помните, что исследование черепа
из Шилкинской пещеры обнаружило и, по-видимому,
родственную связь неолитических таежных охотников
и рыболовов Забайкалья с современными эвенками.
А когда изучили большую серию черепов из плиточ-
ных могил, то оказалось, что в них все-таки больше
сходства с современными тюрками и в физическом
облике и в языке. Значит, вполне возможно, что бу-
рятская народность и возникла как результат сме-
шения этих древних племен культуры плиточных мо-
гил с позже пришедшими предками монголов.

Ранний железный век

Никто не знает, когда человек впервые познакомился с железом. Наверное, очень давно. Может быть, это произошло так. Огненная звезда прорезала горизонт, и глухой удар потряс землю. А наутро потрясенные люди на этом месте обнаружили странные тяжелые камни черно-синего цвета, остатки упавшего метеорита. Как известно, гости из космоса — метеориты — иногда состоят из чистого железа. Неудивительно, что, например, древние египтяне называли железо «небесным камнем» и что этот металл первоначально считался у них священным и ценился во много раз дороже золота и серебра. Еще в середине второго тысячелетия до нашей эры египетские фараоны носили на руке золотой браслет, в который был вделан в качестве величайшей драгоценности и святыни не большой продолговатый кусочек метеоритного железа.

Но уже в конце второго тысячелетия до нашей эры люди научились добывать железо из руды. И только тогда новый металл начал свое победное шествие по земному шару.

Почему же люди так поздно освоили железо? Ведь железные руды из земли встречаются во много раз чаще, чем медные и оловянные?

Причина простая: железная руда действительно встречается гораздо чаще, чем медная, но выплавить из нее металл было намного труднее, чем выплавить

железа из медной руды. Дело в том, что медь плавится при температуре 1084° , а железо при температуре 1535° . Получать такую температуру в примитивных глиняных горнах люди не умели. И все-таки они открыли способ добывать железо из железной руды.

Из камней, обмазанных глиной, складывали небольшую печь — сыродутный горн. В печь были вмазаны глиняные трубки, сопла. В горн, чередуя слой за слоем, закладывали древесный уголь и железную руду. Уголь разжигали, через трубки-сопла с помощью мехов вдували воздух. Как известно, железная руда представляет собою соединение железа с кислородом. И вот в сыродутном горне происходило следующее: кислород вдуваемого в горн воздуха соединялся с углеродом угля. Образовывался особый газ, окись углерода (угарный газ), обладающий свойством жадно присоединять к себе кислород, даже отнимая его у других соединений. Соприкасаясь с частицами железной руды, этот газ отнимал у руды кислород. В результате руда превращалась в чистое железо. Этот процесс происходит при температуре всего в 900° — такую температуру можно получить и в сыродутном горне. При этой температуре железо не доходило до жидкого состояния, а только до тестообразного. Частицы его как бы сползали вниз на дно горна и там сливались в губчатую массу. Ей давали немного остыть, затем вытаскивали из горна и тут же проковывали тяжелыми железными кувалдами. Таким образом, железо уплотнялось, из него выдавливались остатки жидких примесей — шлаки. Получалась «крица» — кусок плотного железа. Крицы поступали в кузнечам.

Сыродутный процесс был очень непроизводительным, почти половина железа попадала в шлак, и тем не менее именно с открытием сыродутного процесса человечество вступило в железный век.

Произошло это далеко не сразу — в разных местах в разное время. Раньше всего в Закавказье, Малой Азии и Передней Азии и в Египте, где люди стали добывать железо из руды и ковать из нее разные орудия и оружие уже в конце второго тысячелетия, в XIII—XII веках до н. э. В Западную Европу железо

пришло только в XI веке, в Восточную Европу — только в IX—VIII веках. А в древнем Китае железо стало применяться с VIII—VI века до н. э., а широкое распространение получило еще позже. И примерное распространение получило еще позже. И примерное в это же время железо распространилось в Восточной Сибири и Забайкалье.

К этому времени относятся найденные в ряде мест Прибайкалья остатки сыродутных горнов и железные шлаки. Горны иногда были совсем маленькие, вроде перевернутого вверх дном крупного глиняного горшка с круглым дном и с двумя отверстиями по бокам для дутья. В таком «горне», естественно, и железа получалось совсем мало, его хватало всего на несколько ножей или наконечников для стрел.

В Забайкалье к этому времени относятся более поздние плиточные могилы. В некоторых из них находят уже железные предметы: наконечники стрел, ножи, удила, железные пряжки и бляхи.

Повсеместно распространилось железо в Забайкалье в период, когда наш край вошел в состав великой Гуннской державы.

Гуны в Забайкалье.

«Бич божий» и «Молот вселенной»

Кто не слышал о гуннах, варварском народе, который полторы тысячи лет тому назад едва не разгромил гордый Рим и не стал владыкой полумира? Кто не знает имени Атиллы, грозного царя гуннов? Современники называли гуннов «бичом божьим», а сам Атилла гордо именовал себя «Молот вселенной».

Уже в первых веках нашей эры в Европу стали доходить смутные слухи о каком-то неведомом странном народе — гуннах, которые медленно, но неотвратимо приближаются из глубин Азии, сокрушая все на своем пути. Это были не пустые слухи. Гунны двигались огромной ордой, впереди скакали конные отряды, за ними в вибитках ехали жены и дети, везли имущество, гнали бесчисленные стада скота.

В середине IV века гунны уже перешли Уральские горы и вторглись в степи Причерноморья между Волгой и Доном. Они покорили жившие здесь племена аланов, сарматов, германский народ остготов, а

...некоторые древние славянские племена По-
... В Причерноморье гунны прожили около
... А затем пошли дальше, увлекая с собой
... завоеванных племен, оставляя позади кровь и
... Наконец гунны достигли Дуная и завое-
... на его среднем течении область Паннонию (со-
... Венгрия). Здесь стал центр их державы.
... Отсюда они совершали опустошительные набеги на
... Римской империи. Горели цветущие города
... и села, гунны вырубали сады и виноградники, вытап-
... тывали посевы, убивали или уводили в рабство людей,
... шадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Их страш-
... ный вождь Атилла с гордостью говорил: «Там, где
... ступит копыто моего коня, никогда больше не выраст-
... тет трава».

Имя гуннов паводило ужас на все окружающие
народы. И никто не знал в точности, откуда взялся
этот народ и какого он происхождения. Поэтому о
гуннах распространялись самые невероятные и целе-
пные слухи. Так, например, живший в V веке историк
Иордан с самым серьезным видом сообщал:

«...Гунны — народ, превосходящий всех своей же-
стокостью. По преданию древности я узнал следую-
щее об их происхождении. Филимер, король готов...
узнал, что среди его народа водятся какие-то ведьмы,
которых он называл на своем родном языке «алио-
румнами». По его приказанию эти ведьмы выгнаны и
осуждены блуждать в стенах далеко от лагеря готов.
Нечистые духи увидели ведьм, скитавшихся в пусты-
не, и вступили с ними в брак, и те породили этот
варварский народ — гуннов. Сначала они жили в
болотах, видом были малорослы, грязны и гнусны и
едва похожи на людей, и ни один звук их голоса не
напоминал человеческого языка. Племя аланов бе-
жало от них, приведенное в ужас одной их наруж-
ностью, ибо у гунна лицо было устрашающей черно-
ты и походило, если так можно выразиться, на безоб-
разный кусок мяса с двумя щелями вместо глаз».

Мы ясно чувствуем, что это описание наружности
гуннов полно преувеличений. Но в другом месте тот
же Иордан описывает гуннского царя Атиллу, и на
этот раз, по-видимому, более объективно: «Ростом
Атиллы был невелик, грудь широкая и большая голо-

ва, глаза узкие, редкая борода... Нос изогнутый и тело смуглого цвета». В этом портрете уже нетрудно узнать человека монгольской расы.

Древние авторы сообщают (тоже, может быть, преувеличивая), что гунская армия насчитывала чуть ли не 700 тысяч человек. Однако в нее входили не только гуны, но и представители многочисленных подвластных гунам племен и народов, германцы и сарматы, аланы и древние славяне и многие другие племена. Рим, готовясь отразить нашествие гунов, в свою очередь вынужден был призвать на помощь множество различных варварских народов.

В 451 году в Галлии (территория нынешней Франции) в местности, которая называлась Каталаунские поля, состоялось решающее сражение. Произошла, пишет Иордан, «битва повсеместная, свирепая, ужасная и отчаянная. Древность не повествует нам ни о таких подвигах, ни о такой резне, а тот, кто не был свидетелем этого удивительного зрелища, не встретит его в другой раз в своей жизни».

Если верить древним историкам, то в этом сражении погибло около 300 тысяч человек и ручьи, протекающие по долине, раздулись от потоков крови. Гуны фактически потерпели поражение. А через два года (в 453 году) Атилла умер. Его огромная разноплеменная держава распалась. Гуны частью погибли в войнах, частью рассеялись между другими народами, смешались с местным населением и растворились в нем.

Вот что произошло с гунами в Европе. Обо всех этих событиях древние западные историки записали в летописях и книгах, а народная память надолго сохранила воспоминание о них, так что и теперь еще жестоких завоевателей иногда называют «гунами». Но и сейчас мало кто знает, что одним из древнейших, первоначальных мест проживания гунов, откуда они двинулись в далекую Европу, были степи Монголии и Забайкалья.

Впрочем, ученые Запада узнали об этом сравнительно недавно, когда европейской науке стали доступны древние китайские летописи и исторические сочинения. Тогда выяснилось, что в китайских источниках уже задолго до начала нашей эры встречаются

соединения и другие племена гуннов (или в другом
древнем летописи — хунну или ханну). На основании
этих исторических данных и летописей истории хунно-
вского народа. На это происхождение мы знаем,
что название гунны первоначально носило малозна-
вестное племя, жившее в Восточной Монголии. По-
следствия это племя усилилось и подчинило себе
многие другие соседние племена, и те также усвоили
это имя.

Постоянные набеги гуннов на китайские владения
приносили им богатую добычу, и в том числе боль-
шое количество пленных, которых они обращали в
раб. Лучшая часть добычи, естественно, доставля-
лась вождям и гуннской знати. Частые войны еще
больше усиливали могущество и влияние гуннской
верхушки, а в особенности усилилась власть главных
вождей и военных предводителей гуннов — шаньюей.

Для защиты от гуннских набегов китайские пра-
вители еще в начале IV века до н. э. начали строи-
тельство огромной стены вдоль северных границ Ки-
тая (Великой китайской стены). Во второй половине
III века до н. э. императору Цинь Шихуанди (он
правил с 246 по 210 год до н. э.) удалось ценою боль-
ших усилий, используя раздоры между гуннскими
племенами, нанести им ряд поражений и потеснить
их к северу. Но, с другой стороны, натиск со стороны
Китая заставил и гуннские племена теснее сплотить-
ся, чтобы дать отпор врагу. В этом особенно была за-
интересована гуннская знать, мечтавшая о новых на-
бегах и о новой добыче.

И вот в конце III века до н. э. произошло объеди-
нение гуннских племен Центральной Азии под вер-
ховной властью шаньюя Моду.

Теперь гунны стали огромной силой. Они снова и
еще большим ожесточением стали нападать на сво-
их соседей. На юге они непрерывно (хотя и с пере-
менным успехом) воювали с Китаем. На западе им
удалось уже в конце III века до н. э. сильно потес-
нить могущественное племя юэчжи и продвинуться
в пределы Средней Азии. А на севере под властью
гуннов в это время оказались обширные степные об-
ласти Монголии и Забайкалья.

Обо всем этом ученые узнали впервые из китайских письменных источников. На основании этих данных еще около ста пятидесяти лет тому назад французский историк Клапорт составил даже карту гуинской державы. Ее северная граница в Забайкалье проходила приблизительно по линии, на которой расположены нынешние города Улан-Удэ, Чита, Нерчинск, Сретенск. Вся территория к югу от этой линии была под властью гуинов.

Перед археологами стояла задача найти вещественные следы гуинов в Забайкалье. Это, однако, удалось сделать далеко не сразу.

По следам древних гуинов

В 1892 году в город Кяхту, старинный торговый и культурный центр Забайкалья, прибыл новый окружной врач Ю. Д. Талько-Грицевич. Уже в ближайшее время местные жители открыли, что новый доктор — человек очень знающий и образованный, и притом интересуется не только медициной. Еще на родине, в далекой Польше, он полюбил занятие, которое как будто к медицине не имело никакого отношения — археологические раскопки. Он занимался также антропологией, удивительной наукой, родственной и медицине, и археологии.

С другой стороны, и приезжий скоро обнаружил, во-первых, что и в Кяхте, оказывается, есть немало любителей-археологов и краеведов, например, политический ссыльный И. И. Попов, учитель А. П. Мостиц и ряд других, и он быстро познакомился и подружился с ними. А во-вторых, он открыл, что интереснейших памятников старины в Забайкалье, пожалуй, не меньше, чем в его родной Польше. И Талько-Грицевич с первого же года своего пребывания в Кяхте начинает усердно заниматься раскопками. Он разыскивает и исследует десятки древних стоянок и погребений, без конца измеряет пожелтевшие от времени кости и черепа, составляет таблицы и схемы, пишет статьи. В последующие годы Талько-Грицевич стал фактическим руководителем Кяхтинского музея и Кяхтинского отделения географического об-

Большая часть погребений, раскопанных ученым, представляла собой обычного типа плиточные могилы. Вскоре он уже хорошо изучил все особенности этих погребений.

Весною 1896 года Талько-Гринцевич узнал от местных бурят о существовании большого древнего могильника на р. Судже, в десяти километрах к востоку от Кяхты, в местности под названием Ильмовая падь. При первой же возможности он посетил и осмотрел это место. И уже с первого взгляда ему стало ясно, что это вовсе не плиточные могилы, а нечто совершенно иное.

Это было огромное кладбище, растянувшееся почти на три километра. Ученый насчитал на нем больше 250 могил. На некоторых росли огромные старые деревья — верный признак, что эти погребения были очень древними.

В этом и следующем, 1897, году Талько-Гринцевич производил раскопки Суджинского кладбища. Он раскопал всего 33 могилы. Все они оказались, к его великому огорчению, разграбленными.

Целый ряд особенностей отличал захоронения Суджинского могильника от других, известных уже археологам Забайкалья. Например, на поверхности не было столь характерных для плиточных могил оградок из вкопанных на ребро плоских плит. Вместо этого над каждой могилой была невысокая земляная насыпь четырехугольной или круглой формы. Поверх насыпи находилась четырехугольная площадка, выложенная из камней. Самая середина могилы представляла собой неглубокую воронкообразную яму — несомненно, след грабительского раскопа. С южной стороны в могилу вел неширокий проход, выложенный камнями. Размеры могильных насыпей были очень различны. Большинство из них четырехугольной формы, имели 4—6 метров по стороне. Но некоторые были намного больше. Особенно выделялись этими размерами четыре кургана. Талько-Гринцевичу удалось раскопать только самый меньший из них. Насыпь у него имела 17 метров в длину, а в ширину 15 метров. Остальные три были еще больше.

Отличались могилы Ильмовой падь от плиточных и по внутреннему устройству. Под насыпью шел слой

земли, перемешанной с камнями, и чем глубже, тем камни были больше — огромные каменные глыбы вперемешку с землей засыпали внутренность могил. С глубины 1—2 метров начинали попадаться находки — кусочки угля, следы пепла, отдельные предметы. Еще ниже, на глубине от двух до четырех метров, находился невысокий сруб из лиственничных бревен, обычно в два-три венца. В длину сруб имел 2—2,5 метра, в ширину от 50 сантиметров до одного метра. В некоторых могилах сруб делился поперечными перегородками на две или три камеры: в большей находились человеческие кости, в меньших — кости животных. Дно сруба было сделано из толстых лиственничных досок, а сверху сруб перекрыт накатником из толстых бревен.

Состав сохранившихся в могиле вещей также привлек внимание археолога. Судя по ним, можно было сделать определенный вывод о том, что самым распространенным из металлов у тех, кто был похоронен в Ильмовой пади, было железо. Именно из него, а не из бронзы, изготавливались всевозможные предметы, оружие и орудия труда, украшения на срубе и даже гвозди (бревна срубов были скреплены железными гвоздями).

В могилах Ильмовой пади были найдены также различные предметы из меди и бронзы, золота и серебра, из кости и кожи, глиняные сосуды, остатки тканей. Наконец, в могилах были обнаружены кости животных, чаще всего домашних: быка, козы, барана, собаки. Многие предметы были явно привозного происхождения, например, полированные зеркала из белой бронзы или различные украшения с вырезанными изображениями драконов.

Антропологическое исследование скелетов из Суджинского кладбища показало, что погребенные были людьми невысокого роста, крепкого телосложения, с крупной головой. По всем признакам, это были люди монгольской расы.

Различия между погребенными в Ильмовой пади и другими могильниками было настолько велико, что Тельно-Гриневич уже не сомневался: он открыл захоронения какого-то другого народа, отличного от ямной культуры плиточных могил.

Кого же? Кто это мог быть?

Снова и снова Талько-Гринцевич перечитывает переводы древних китайских летописей, роется в пыльных книгах, выписывает новые из Петербурга и из-за границы. И постепенно к нему приходит догадка. Он, однако, впервые решает ее высказать печатно только в 1906 году в статье «Древнейшие аборигены Забайкалья»: «Не суть ли похороненные в срубах те из тюркских племен, которые в середине третьего века до Р. Х. сплотились в одно могущественное государство Хунну?».

Он пытается обосновать свою догадку. Он проверяет доводы «за» и «против».

Во-первых, ясно, что это не «плигочники».

Во-вторых, судя по тому, что в срубных могилах довольно много железа, ясно, что люди, погребенные в них, жили уже не в бронзовом веке, а в железном. Но раньше, чем монголы. Значит, где-то в конце первого тысячелетия до нашей эры или в начале первого тысячелетия нашей эры.

В-третьих, китайские летописцы утверждают, что в это время область к востоку от Байкала была под властью гуннов.

В-четвертых, в китайских летописях упоминается, что гунны хоронили своих покойников в деревянных гробах. Что ж, сруб можно посчитать, пожалуй, за гроб.

Все как будто подходило. И все-таки ученый понимал, что для решительного заявления «Это были гунны!» данных у него мало. Пока можно было утверждать: «Это могли быть гунны». Но это могли быть и не гунны, а какое-то другое племя, жившее в начале железного века.

После Суджинского могильника Талько-Гринцевич обнаружил еще несколько могильников точно такого же типа: Дэрэстуйский (на левом берегу Джида, приблизительно в двадцати километрах от ее устья), могильник у села Дурены на р. Чикое и др.

Догадки Талько-Гринцевича получили блестящее подтверждение, но не ранее чем через двадцать лет, когда были раскопаны знаменитые курганы Нонни-

Известного русского путешественника Петра Кузьмича Козлова многие называли «везучим», и сам он, наполовину в шутку, наполовину всерьез, иногда говорил о себе: «Верю в счастье! Счастье — мой самый верный союзник, никогда не изменявший мне в экспедициях». Но и он сам и все другие хорошо знали, что секрет его успеха меньше всего в «везении» или счастливых случайностях. П. К. Козлов владел всеми качествами, нужными ученому-путешественнику: основательными знаниями в самых различных отраслях науки и огромным трудолюбием, зорким глазом и большим опытом (он был учеником знаменитого исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского и вместе с ним совершил свои первые путешествия). Не хуже специалиста-ботаника Козлов знал тысячи видов растений и не хуже любого зоолога — повадки и особенности животных. Он мог собственноручно обработать любую шкуру, и сделать наилучшее чучело, и навьючить самого упрямого верблюда, и переправиться по узкому качающемуся мостику на головокружительной высоте через пропасть.

В 1906—1909 годах П. К. Козлов совершил свое знаменитое путешествие в Монголию и Китай. На этот раз славу ему принесла археология. В песках пустыни Гоби Козлов открыл развалины древнего города. Он назывался Хара-Хото — мертвый город. Когда-то город был столицей древнего тангутского царства Си Ся. Это был цветущий оазис среди пустыни. Через него проходила река, и тысячи арыков, отведенных от нее, питали влагой почву. Везде росли сады, аромат цветов наполнял воздух. В городе было много прекрасных дворцов и храмов и десятки тысяч жителей. Но в 1360 году китайское войско подступило к Хара-Хото. После долгой осады китайцы захватили тангутскую столицу. С варварской жестокостью расправились они с древним городом. Все его жители были перебиты или обращены в рабство. Город опустел. И чтобы он никогда больше не возродился, китайский полководец приказал отвести русло реки, проходившей через город. И тогда высохли арыки.

погибла вся растительность, и пустыня Гоби начала свое наступление на город. Пески занесли его до верхушек стен и проникли внутрь его. Только в отдельных местах из дыбуких холмов продолжали выступать перхушки буллийских храмов и развалины зданий. Прошли века, и люди забыли даже место, где находился город.

Вот этот-то город нашел и раскопал П. К. Козлов. Здесь были найдены бесценные для науки сокровища: статуи и лепные украшения, предметы быта и древняя библиотека, содержащая около двух тысяч рукописей, картины, гравюры и т. д.

Открытие Хара-Хото сделало имя П. К. Козлова известным всему миру. А он уже мечтал о новых экспедициях, дальше на восток и на юг, в Монголию, Тибет и Китай. Но ему не скоро удалось двинуться в путь. Началась первая мировая война, потом грянула Октябрьская революция. И в первые годы после ее победы молодой Советской республике было тоже не до экспедиций. Но уже в 1923 году Совет Народных Комиссаров по предложению Русского Географического общества и Академии наук утвердил план новой экспедиции в Монголию и отпустил на эти цели 100 тысяч золотых рублей. Для того времени сумма эта была немалая.

Теперь Козлов был далеко не молод. В 1923 году ему исполнилось 62 года. Но страсть к путешествиям у него не стала слабее. Своим друзьям он писал: «Таинственный голос дали будит мою душу и властно зовет ее к себе».

И вот мечта его сбылась. Он назначен начальником новой Монгольской экспедиции. «Я счастлив,— пишет он в своем дневнике,— мне кажется, что я сейчас помолодел на 2 десятка лет. Живу мечтами о предстоящих странствованиях».

25 июля 1923 года состав экспедиции выехал поездом из Ленинграда. Только 15 августа поезд прибыл в Улан-Удэ — наш железнодорожный транспорт в те годы работал еще и очень четко. В Улан-Удэ переселились на пароход и по Селенге доехали до пограничного города Кяхты. А дальше на повозках до Улан-Батора. Добрались туда только в начале октября.

Начинать в этом году экспедицию было бессмысленно. Надвигалась зима.

Всю зиму Козлов неустанно разъезжал по окрестным улусам, разговаривал с местными старожилыми, охотниками-следопытами, собирал различные сведения о древних памятниках. 4 марта П. К. Козлов записал в своем путевом дневнике:

«Сегодня хуторянин И. И. Ежо, которого мы не редко посещали в лесистой пади Бани-Булак., заинтересовавшись моим рассказом о раскопках в Хара-Хото, сообщил нам, что здесь по соседству в горах Ноин-Ула, близ Цзун-Модо, когда-то нашли под землей всякие золотые и нефритовые предметы. Здесь же на хребте Кентей в одном из заложенных шурфов были обнаружены деревянные постройки с шелковыми обоями на стенах, с коврами на полу. В одном из помещений нашли золотую вазу (которая позднее была монголами поднесена правителю Монголии Богдо-Гегену), несколько золотых пуговиц, нефритовые мундштуки и другие мелкие вещи. Здесь же лежали человеческие скелеты...

Какое-то чутье подсказывает мне, что необходимо тщательно проверить это бесхитрое сообщение И. И. Ежо и что Кентей, может быть, подарит нас сокровищами, не уступающими Хара-Хото».

20 марта 1923 года отряд археологов выехал из Улан-Батора. На автомашинах по тракту Кяхта — Улан-Батор добрались до селения Цзун-Модо. Здесь поднялись на перевал. С перевала открылась широкая даль. Во все стороны простирались горные отроги хребта Ноин-Ула, поросшие лесом, в котором могучие сосны и кедры наредка перемежались березой. Кое-где по падам змеились небольшие речушки.

Проводник указал на одну из падей:

— Суцзуктэ!

Среди редких деревьев, покрывавших подножье сопки, Козлов отчетливо увидел ряд невысоких холмистых холмов. Он жадно вглядывался. Чутье не обмануло его. Это были, несомненно, курганы. Несомненно, древние. Наверняка ограбленные. Даже отсюда было видно, что на вершине каждого кургана есть углубление — воронка и что в некоторых воронках

Рис. 27. Разрез Ноин-Улинского кургана

растут вековые сосны — свидетельства очень почтенного возраста этих погребений.

В этот день в дневнике Козлова появилась новая запись:

«Трудно предвидеть результаты предстоящих работ. Будем надеяться, что ограблены предметы, представляющие очевидную ценность, главным образом золото, а научные сокровища остались нетронутыми. Кроме того, могил много, по приблизительным подсчетам, более двухсот, в нескольких соседних друг другу падах: Суизуктэ, Гучжиртэ и Цзурунтэ. Я рассчитываю, что мне удастся найти хоть один неогранный курган. Так или иначе, но я твердо решил испытать счастье и начать раскопки».

Уже раскопки первого кургана показали Козлову, какую трудную задачу он взял на себя (рис 27).

Рыли курган шурфом, посредине погребения. В это раннее время года верхний слой почвы был мерзлым, чтобы оттаять его, пришлось жечь костры. На глубине 6 метров в земле стали попадаться кусочки древесного угля — следы погребального костра. На сельском метре была обнаружена первая находка — сложенные и заржавевшие железные удила. Только на глубине 10,5 метра лопаты рабочих ударились о дерево. Это было толстое, лежавшее наискосок бревно. Тут же чуть ниже обнаружилась крыша могильного погребения. Она состояла из нескольких рядов толстых бревен, перемежавшихся со слоями земли. Общая толщина крыши составляла около полутора метров.

Начиная с глубины 9 метров, со стен раскопа стала просачиваться вода. Временами отваливались глыбы земли. Во избежание обвалов Козлов приостановил раскопки и приказал поставить крепь в виде срубной стояла вода. Весь склеп был полон темной подземной воды. Пришлось привезти из соседнего селения пожарную машину и взяться за выкачку воды.

Только в начале мая удалось расчистить сверху крышу и удалить из склепа всю воду. Теперь было ясно, что склеп представлял собою целое подземное помещение, состоявшее из центральной погребальной камеры, от которой отходили два крыла-коридора на север и на юг.

12 мая один из помощников Козлова, протиснувшись через узкий полузаваленный упавшими бревнами лаз, сумел пробраться в центральную камеру. Здесь, стоя по шиколотку в воде, он зажег свечку, и Козлов впервые увидел внутренность погребального помещения. Все кругом было мрачно, мокро и покрыто липкой грязью. Сверху капала вода и время от времени с шорохом падали комки глины. Посредине камеры стоял огромный гроб из толстых лиственничных досок. Он был открыт. Побывавшие здесь грабители сняли крышку и приставили ее к стене помещения, вынули из гроба труп, обобрали все ценные вещи, а остальное, полуистлевшие остатки одежды, утварь и т. п. — разбросали в беспорядке по всей камере. Гроб стоял на поперечных подставках, под ним лежал большой шерстяной ковер с изображениями борющихся зверей.

П. К. Козлов раскопал в Ноин-Ула всего десять курганов. И, несмотря на то, что все они оказались разграбленными еще в древности, все же в погребальных камерах осталось немало вещей, главным образом, конечно, те, которые не представляли цели для грабителей, например, деревянные изделия из железа. Но в числе находок были также отменные предметы из золота, серебра и бронзы, не замеченные или почему-то не захваченные хищниками. Это были удивительные по красоте и искусству выполнения вещи: золотые и серебряные украшения,

румяные и войлочные ковры, драгоценные вышитые
сукна, лакированные деревянные изделия.

Но самое важное то, что в конце концов ученым удалось определить, кто и когда был похоронен в Ноин-Улинских курганах. Дело в том, что на одной лакированной чашечке оказалась надпись китайскими иероглифами, из которой следовало, что сосуд был сделан во II веке до н. э. Но в это время в степях Северной Монголии безраздельно господствовали гунны. Значит, только им и могли принадлежать эти величественные погребения. Конечно, не рядовым гуннам. Это были захоронения гуннской знати, вождей, тех, которые, по свидетельству письменных источников, назывались шаньюями.

Открытия Козлова в Ноин-Ула получили мировую известность. Специалисты считали, что по богатству и значению находок эти раскопки по праву можно отнести к числу самых важных археологических открытий XX века.

После раскопок в Ноин-Ула наконец-то открылась возможность сопоставления, датировки и определения забайкальских древностей. И сразу же обнаружилось явное совпадение между раскопанными Талько-Гришечевичем забайкальскими погребениями в срубках и Ноин-Улинскими могилами. Несомненное сходство было и во внешнем виде погребений (форма насыпи и каменной кладки), и во внутреннем устройстве (срубные камеры), и в ориентировке погребенного по странам света (головой на север, ногами на юг), и, наконец, в вещах, найденных при покойниках.

Становилось все более очевидным, что Талько-Гришечевич был прав в своих догадках и что в Забайкалье действительно имеются гуннские древности. Это открытие вызвало всеобщий интерес. В 1928—1929 годах Академия наук СССР направила археологическую экспедицию для исследования территории Юго-Западного Забайкалья.

Экспедицию возглавил археолог Г. П. Сосновский. В это время ее работы и впоследствии, когда после смерти Г. П. Сосновского руководителем раскопок стал А. П. Окладников, был раскопан и изучен целый ряд интереснейших памятников гуннской эпохи. Были произведены дополнительные раскопки могильника в

Нильмовой пади и Дэрэстуйского могильника, кото-
рым начал раскапывать еще Талько-Гринцевич. Был
раскопан также еще один небольшой могильник у
села Дурены, в 35 километрах к востоку от города
Кяхты.

Но, что еще важнее, были наконец обнаружены
следы гуннских поселений: одного — у того же села
Дурены, а другого — на левом берегу р. Селенги, не-
много ниже впадения в нее речки Нижней Иволги
(приблизительно 12—13 километров к юго-западу от
Улан-Удэ). Здесь было обнаружено большое горо-
дище — остатки сравнительно крупного гуннского по-
селения.

Хотя на первый взгляд материалы, добытые при
раскопках в Забайкалье, выглядят в большинстве
случаев менее эффектно, чем вещи из Нони-Ула, на-
учная ценность их, пожалуй, несколько не меньше.
Дело в том, что если роскошные вещи из курганов
Нони-Ула дают нам представление о богатстве и мо-
гуществе гуннской аристократии, то материалы из
рядовых погребений и гуннских стоянок Забайкалья
открывают наконец возможность хотя бы в общих
чертах восстановить картину жизни и быта, хозяй-
ственного и общественного устройства основной мас-
сы гуннского населения. Одни только письменные
источники такой возможности не давали.

Как археологи проверяют историков

Римский историк Аммиан Марцеллин, живший в
IV веке, следующим образом описал наружность,
быт и нравы гуннов:

«Наружность их весьма непривлекательна... все
они отличаются плотными и крепкими членами, тол-
стыми затылками и вообще столь чудовищным и
страшным видом, что их вполне можно принять за
двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо
вытесывают при постройке мостов. При столь не-
приятном человеческом облике они так дики, что не
употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а пи-
таются кореньями полевых трав и полусырым мясом
всякого скота, которые, положив между своими бед-
рами и лошадиной спиной, скоро согревают парением».

Они никогда не прикрываются никакими строениями... у них нельзя найти даже покрытого тростником палатки. Как бы приросшие на своих безобразных наезд лошаденках... они на них исполняют свои обычные дела, на них лежат и почуют, покупают и продают, едят и пьют и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружаются в глубокий сон с различными сновидениями... Они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все на своем пути... Никто из них не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят всю жизнь. Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии и не уважают других.

...Они вступают в битву клинобразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами...

Издали они сражаются метательными копьями, на концы которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную, очертя голову, рубятся мечами и набрасывают на врагов крепко святы арканы».

А вот такое изображение образа жизни гуннов мы находим в сочинении упомянутого уже раньше китайского историка II века н. э. Сы Ма-цзяня.

«...Обитая за северными пределами Китая, они переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия, но у каждого есть отдельный участок земли. Письма нет. Законы объясняются словесно... Во время приволья, по обыкновению, следуя за скотом, занимаются полевой охотой и в этом находят свое пропитание... Начиная с владельцев, все ли-

таются мясом домашнего скота, одеваются его кожами, прикрываются шерстяными и меховым одеянием».

Между этими двумя описаниями: римского историка и китайского — есть, конечно, некоторые расхождения, но гораздо больше общего. Оба автора в один голос настаивают на том, что гунны были необыкновенно диким и отсталым народом, что они были совершенно кочевниками, не знавшими ни в какой форме земледелия, ни оседлости, ни городов, ни жилищ.

Так ли это было в действительности?

Позднейшие историки справедливо увидели в этих описаниях явные преувеличения. «Не употребляли огня... питаются только сырым мясом и кореньями диких растений» и т. д. — все это выглядело мало правдоподобным. Трудно было понять, как подобные дикари, почти животные, могли одержать победу над сотнями племен и народов. Не получалось ли здесь того же, что и с описанием наружного облика гуннов у римских авторов? Ненависть и отвращение, которые внушали гунны своим более культурным соседям, могли побудить и римского историка и его китайского коллегу вольно или невольно отступить от истины, кое-что исказить, кое в чем сгустить краски. Но как проверить сообщения людей, писавших много веков тому назад? Как отделить в произведениях древнего историка истину от лжи, как восстановить историческую правду о гуннах?

Можно было бы, конечно, попытаться сопоставить показания различных авторов, устроить им так сказать «очную ставку», перекрестный допрос, выяснить, в чем они согласны между собой, а в чем расходятся и противоречат друг другу.

Но в этот путь далеко не всегда мог привести к истине.

Вот пример.

В одном древнем китайском историческом произведении обнаружили такое место: «В северных землях стужа наступает рано, и хотя неудобно сеять просо, но в земле гуннов сеяли». И там же приводится сообщение о том, что однажды в земле гуннов в результате очень холодной зимы был падеж скота, эпидемия среди людей и «хлеб на полях не созрел».

2

1

Рис. 28. Гуннские украшения.
1 — изображение лошади, 2 — головка яка.

Эти места явно противоречат утверждениям Аммиана Марцеллина и Сы Ма-цзяня о том, что гунны вообще не знали земледелия. Но в таком случае естественно вставал вопрос: «Кому верить?»

Казалось, из этого положения не было выхода. А он нашелся. Археологи сумели проверить дневник историков. При археологических раскопках гуннских могильников и стоянок Забайкалья кости домашних животных были, пожалуй, наиболее обычной находкой. Например, по данным Талько-Гринцевича, из 33 могил, раскопанных в Ильмовой пади, кости животных были обнаружены в 20. В том числе: от 19 быков, от 13 баранов, от 8 коз, от 3 собак. Кроме того, кости от диких оленей и от одного кулана (дикого ослы).

Интересно, что один из бычьих черепов оказался по своему строению близким к черепам помесей между домашним быком и яком. Есть и другие доказательства того, что гунны наряду с обычной местной породой быков разводили и яков и, кроме того, помеси между этими породами: изображения яков встречаются на некоторых изделиях из Ноин-Ула, а также в Забайкалье, например, на металлической пластинке, найденной в Дуренах (рис. 28).

Кости лошадей в могилах находили сравнительно редко, зато почти в каждом гуннском погребении попадались остатки конской сбруи. Кроме того, на различных предметах встречаются изображения лошадей. Значит, и лошади также имелись у гуннов, и в большом количестве.

Гораздо реже находили археологи в гунских погребениях и на стоянках Забайкалья кости диких животных оленя, кабана, дикой козы, горного барана, кулана, косули, зайцев и других. Иногда встречались рыбы кости.

Домашний скот в основном разводился, несомненно, ради мяса, шерсти и шкур. Есть, однако, данные, указывающие и на существование молочного хозяйства у гуннов. В одном древнем китайском сочинении упоминается, что сыр и молоко составляли важную часть питания гуннов. Археологи подтвердили это сообщение. На гунских стоянках нашли обломки глиняных сосудов, в днищах которых проделано по нескольку отверстий. Подобные сосуды применяются, по-видимому, при изготовлении творожного сыра (см. рис. 40).

Быки, яки, верблюды и лошади использовались также в качестве тягловой силы. Их запрягали в кибитки и повозки, в которых гунны перевозили свои семьи и утварь. Но лошадью все же преимущественно пользовались для верховой езды. Интересно, что части конской сбруи были обнаружены археологами не только в мужских, но и в женских и детских погребениях — свидетельство того, насколько обычным делом была верховая езда у гуннов.

Таким образом, скотоводство, по-видимому, действительно играло главную роль в хозяйстве гуннов, оттеснив на задний план охоту и рыбную ловлю. Тут древние авторы не отошли от истины. Археологический материал вполне подтверждает их сообщения.

А как же с земледелием у гуннов? Тут археологи, наоборот, значительно разошлись с Аммианом Маркеллом и Сы Ма-цинем. Оказалось, что сообщения древних историков о том, что гунны «не имели земледелия», никогда не касались сохи» и т. п. не соответствуют действительности, или, лучше сказать, являются неточными. Судя по археологическим данным, гунны все же занимались земледелием, хотя и в неразвитой форме и не повсеместно. Об этом свидетельствует целый ряд фактов.

Так, например, еще в 1929 году при раскопках могильника в Ильмовой долине Г. П. Сосновскому удалось найти в захоронении зерна проса. В дальнейшем

Рис. 29. Гвоздены сошники.

еще больше доказательств земледелия у гуннов было обнаружено при раскопках Нижне-Иволгинского городища. Здесь были найдены не только зерна проса, но также ряд земледельческих орудий: например, чугунный сошник (рис. 29), железный серп, а также зернотерки и ямы для хранения зерна.

Сошники, подобные найденному в городище, оказались также и среди случайных находок на песчаных выдувах в районе села Дурены.

Значит, гунны обрабатывали землю, и притом не только мотыгой, а пахали ее и сохой, в которую, наверное, впрягали быков или лошадей. Понятно, почему гунны сеяли преимущественно просо. Этот скороспелый злак требует для вызревания около 40 дней. Значит, он мог поспеть и в условиях короткого забайкальского лета.

Археологи доказали, что у гуннов достигли довольно значительного уровня и ремесла.

В Нижне-Иволгинском городище был раскопан сравнительно хорошо сохранившийся сыродутный горн для выплавки железа, обломки криц, шлаки и т. п. Частые находки чугунных сошников и обломков литейных форм тоже говорят о местном производстве изделий из железа. Но на том же Иволгинском городище были обнаружены и бронзовые шлаки, значит, здесь отливали и бронзовые предметы. В разных местах найдены изделия из бронзы: большие котлы, чаши, светильники и т. п. Можно предположить, что Иволгинское городище было одним из гуннских ремесленных центров в Забайкалье.

И в других местах были обнаружены следы довольно развитого ремесла. На гуннских стоянках и

могильниках постоянно встречаются глиняные сосуды (обычно в обломках) самых различных размеров и форм: большие — высотой больше метра, видимо, для хранения продуктов; горшки поменьше размером и закопченные — явно для варки пищи и, наконец, небольшие низкие глиняные сосуды, очевидно, заменявшие тарелки и чашки. Вся эта посуда в большинстве

Рис. 30. Сосуды гуннского времени.

1, 2, 3, 4 — глиняные, 5 — бронзовый котел, 6 — бронзовая чаша.

случаев превосходного качества, изготовлена на гончарном кругу, лощеная, украшенная своеобразным разнохарактерным орнаментом. (рис. 30).

Можно не сомневаться, что глиняные сосуды в большинстве своем изготовлены здесь, на месте, местными гончарами, и что гунны, вопреки Аммиану Марцеллину, готовили в них (а также в бронзовых котлах) пищу на огне.

Точно так же археологи обнаружили свидетельства местного ткачества. Простые шерстяные ткани.

рис. 31. Грифон, напавший на пленя (Вышивка на гуинском ковре.)

войлок, войлочные ковры (остатки их нашли в погребениях Зяблякалья) изготовлялись самими гуиннами на месте из шерсти овец и верблюдов. Это доказано находкой на гуинских стоянках и погребениях большого количества «пряслиц» — маленьких кружочков из обожженной глины, которые употреблялись при прялении. Пряслице надевалось снизу на веретено и играло роль маховичка: веретено с насаженным пряслицем дольше кружилось.

И из ковров часть была привозного происхождения, но многие попроще, а войлочные почти все были местного производства. В особенности войлочные ковры, покрытые нашитыми накладными изображениями — «дубликациями». Они украшены удивительными изображениями борющихся зверей. Лев, или тигр, или какое-нибудь фантастическое чудовище вроде «грифона» (полулеополурел) нападает на травоядное животное — лося, оленя, быка или козла. Изображения отличаются необычайной выразительностью и своеобразной дикой энергией (рис. 31). Этот «звериный стиль», как его называют ученые, был в древности распространен именно среди степных племен Европы и Азии.

Рис. 32. Гунны. Старинный рисунок.

На месте же производилась и окраска ковров и тканей в черный, красный и коричневый цвета.

Кстати, судя по описаниям и рисункам в древних летописях и остаткам одежды, найденным в курганах Ноин-Ула и других гуннских могилах, мы теперь можем представить себе, как гунны одевались. Они носили одежду из шкур, мехов или из грубой шерстяной ткани. Эта одежда состояла из кафтана и штанов, поверх которых надевался халат. Зимняя одежда была подшита мехом или подбивалась ватой (или шелковыми оческами). Халат подпоясывался широким поясом из материи или кожи. На голове малахай (рис. 32). Как одевались женщины, мы не знаем.

Более состоятельные, не удовлетворяясь местными домоткаными изделиями, облачались в одеяния из дорогих тканей иностранного производства: шерстяных, шелковых или хлопчатобумажных, нередко искусно

гладких и отороченных мехом соболя или другим ценным мехом.

Далее, опять таки вопреки древним историкам, археологи доказали, что гунам не была чужда и селость.

Я уже упоминал о том, что в Забайкалье найдены остатки гуннских поселений, например, стоянка на берегу Чикоя около села Дурены или Иволгинское городище. В результате раскопок мы можем представить себе, как выглядели гуннские жилища. Это были в большинстве случаев полуземлянки с земляным полом. Стены их были глинобитные. Но вдоль стен, укрепляя их, шли деревянные столбы, а наверху имела деревянная обвязка, на которую в свою очередь опиралась кровля из балоков и плах, покрытая сверху берестой и дерном.

Некоторые из жилищ на Иволгинском городище имели сложную систему отопления. Дым от очага, прежде чем выйти наружу, проходил через специально проложенные горизонтально, внизу у стен, дымоходы. Над дымоходом сооружались лежанки или нары, которые, таким образом, обогревались снизу. Впрочем, так, наверно, были устроены только жилища городского типа, и притом более состоятельных людей.

А большинство гуннов все же вело кочевой образ жизни. Они жили, наверно, в войлочных юртах, положив на те, которые и сейчас можно увидеть кое-где у бурят. Дома и юрты богачей, конечно, были убраны коврами, обиты дорогими тканями типа парчи или тюля — не случайно таким же образом были украшены и погребные жилища юнн-улинской знати — погребальные камеры в курганах.

По своему общественному устройству гунны тоже далеко ушли от первобытности. На рубеже нашей эры гунны переживали переход от родо-общинного строя к классовому рабовладельческому. У них, как мы знаем, уже выделилась богатая племенная знать — вожди-шаньюн. А с другой стороны, среди гуннов появилось немало и бедняков, людей, не имевших ни скота, ни имущества и вынужденных работать на своих богатых соплеменников. И были рабы.

О том, что у гуннов были рабы, есть много данных. Китайские источники постоянно упоминают о

том, что гунны во время набегов захватывали местных жителей в плен и обращали их в рабство, и в том, что в земле гуннов было немало иноземных и, в частности, китайских рабов, которые пасли скот гуннских богачей, возделывали землю и занимались ремеслом.

Есть, однако, сведения и о том, что нередко рабы и даже свободные бедняки сами перебегали из Китая к гуннам. В одном древнем китайском сочинении, рассказывающем о событиях конца первого века до нашей эры, читаем: «Невольники и невольницы у пограничных жителей все без исключения помышляют о бегстве. Они говорят, что у гуннов веселее жить, и, несмотря на бдительность караулов, иногда перебегают границу... и не только рабы, но и неблагодарящие, своевольствующие жители».

Дело, конечно, было не в веселой жизни у гуннов. Причина была другая. Она заключалась в том, что поскольку рабство у гуннов было развито слабее, чем в Китае, то и эксплуатация рабов у них была менее жестокой. Поэтому рабы и стремились убежать к гуннам.

Эксплуатация рабов и обедневших соплеменников еще более усиливала влияние и могущество гуннской знати. И чем больше эти люди богатели, тем больше росла в них страсть к богатству и роскоши. Они удовлетворяли эту свою страсть разными путями.

Во-первых, посредством торговли. Китайские источники упоминают о том, что в пограничной полосе были особые рынки, куда приезжали со своими товарами в числе других «северных варваров» также гунны. Гунны продавали китайцам скот и разные продукты скотоводства: шерсть, кожу, а покупали продукты земледелия: рис, вино, а также соль и, наконец, изделия китайских ремесленников: шелковые ткани, украшения и оружие, лакированные изделия и т. д.

Но, пожалуй, еще чаще эти дорогие вещи попадали гуннам в качестве дани или подарков.

Китайские императоры часто предпочитали не воевать с гуннами, а обойтись мирным путем. Они попросту боялись своих воинственных соседей и пытались «приручить» гуннскую знать. Например, на-

делали гуннских вождей почетными китайскими титулами и знаками отличия вроде парадной одежды, церемониальных зонтов, почетных печатей. Подобные предметы не раз находили при раскопках гуннских памятников.

Зачастую китайцам приходилось откупаться от воинственных кочевников данью — «дарами».

В китайских летописях то и дело упоминается о подобных «дарах». Так, например, одна летопись сохранила известие о том, что в 174 году до н. э. китайский император послал гуннскому шаньюю: «вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, оправленный золотом, исороговую пряжку к поясу, золотом оправленную, десять кусков вышитых шелковых тканей, тридцать кусков камки, и еще сорок кусков шелковых тканей темно-малинового и зеленого цвета».

Еще больше добра доставалось гуннам после набегов, которые они, как уже было сказано, то и дело совершали на соседние народы, а в особенности на Китай. Причем большая и лучшая часть добычи доставалась опять-таки вождям, знати. Но в то же время такие набеги, казалось, открывали перед любым рядовым воином возможность обогатиться.

И вот поскольку война у гуннов рассматривалась как важное и прибыльное дело, они, естественно, уделяли очень много внимания военному делу и воинским упражнениям.

Судя по письменным источникам, оружие гуннов состояло из лука, копья, меча и лат. Как и все кочевники, гунны были сильны своей конницей. Соответственно строилась и их военная тактика. Древний китайский историк характеризует ее следующим образом: «При удаче идут вперед, при неудаче отступают и бегство не поставляют себе в стыд... искусно заманивают неприятеля, чтобы обхватить его... Завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц, а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются».

Этой тактики, как известно, придерживались и другие кочевники. Вспомним хотя бы скифов, которые с помощью таких маневров фактически одержали

Рис. 33. Гуннские
наконечники стрел
1, 2, 3 — костяные,
4 — железная «свистунка».

ли верх над «непобедимыми» войсками персидского царя Дария.

Однако следует отметить, что гунны умели воевать не только летучим строем. Те же древние авторы свидетельствуют о том, что при нужде они умели строить мосты, наводить переправы,

укреплять свои поселения рвами и валами.

Раскопки в Забайкалье вполне подтверждают эти свидетельства древних историков. Они обнаружили все упомянутые в источниках виды оружия гуннов. Найдены были остатки луков, причем выяснилось, что боевой лук гуннов был также составным, с костяными накладками, придававшими ему особенную прочность и упругость. В длину он достигал полутора метров и обладал, по-видимому, большой пробойной силой. Стрелы употреблялись как с костяными наконечниками, так и с металлическими: железными, реже с бронзовыми. Железные и бронзовые стрелы гуннов были по большей части трехлопастные и с черенками, которые засаживались в древко. Нередко встречаются при раскопках гуннских памятников так называемые «свистунки» — наконечники с просверленными отверстиями, которые издавали в полете устрашающий свист (рис. 33). Об этих свистунках упоминают и древние историки. Лук вкладывался в особый футляр и носился слева, стрелы в колчане —

на спиной справа. Были найдены также остатки
железных мечей и копий

В общем, судя по археологическому материалу,
оружие у гуннов было достаточно высокого качества.

Итак, вот что получилось, когда археологи прове-
рили своими материалами сообщения древних исто-
риков о гуннах. Оказалось, что в действительности
гунны вовсе не были такими дикими и отсталыми,
какими их изобразили древние римские и китайские
авторы. Наоборот, в хозяйстве у них были хорошо
развиты различные отрасли, и не только скотоводст-
во, но и ремесла и торговля и отчасти земледелие.
Часть их жила оседло, у них были поселки.

Как видим, именно археология позволила в ряде
случаев выяснить историческую правду. Современные
археологи сумели не только проверить сообщения
письменных источников и внести ясность в их пока-
зания, но и открыть многое такое, что вообще было
неведомо древним авторам. Так, например, стала из-
вестной история гибели Иволгинского городища.

Конец Иволгинского городища

Выйдя из просторов Монголии, гунны двинулись
на север. В степях южного Забайкалья они натолк-
нулись на сильное сопротивление племен, хоронивших
своих покойников в плиточных могилах. Это были
такие же кочевники, как и сами гунны, и храбрые
воины. Немало сражений дали они гуннам, но в кон-
це концов потерпели поражение. Часть из них подчи-
нилась гуннам и, вероятно, вошла в состав их дер-
жавы, но часть не покорилась. «Плиточники» поса-
дили своих жен и детей в кибитки, погнали стада и
табуны лошадей далеко на запад в обход Байкала.
По ту сторону целого озера они нашли себе новую
родину.

А гунны все дальше продвигались на север и на-
конец пришли туда, где большая река Селенга спо-
койно несла свои воды. Здесь было много хороших
водопоев, а степь покрывала густая трава. Тут гунны
задержались.

По соседству начиналась тайга. И там тоже жили
люди — таежные племена лесных охотников. Они

стреляли из лука с беспощадной меткостью. В такие
эти люди были неуловимы. Они скрывались в густой
чаще и оттуда посылали смертоносные стрелы. До-
гнать их в лесу было невозможно.

Тогда вождь гуннов отдал приказ: на том месте,
где в Селенгу втекала небольшая речушка Иволга,
строить укрепленный поселок.

Так возникло Иволгинское поселение.

А вокруг поселка по приказу шаньюя была возве-
дена мощная система оборонительных сооружений.
четыре рва и четыре вала. Высота вала была более
двух метров, и такой же глубины были рвы. Ширина
всего этого оборонительного пояса достигала 35 мет-
ров. Он должен был служить защитой против стрел
и копий и против неожиданного нападения врагов.
Если бы мы даже этого более не знали об отноше-
ниях между завоевателями гуннами и местным на-
селением, то одного взгляда на полуразрушенные
остатки валов Иволгинского городища и полузасы-
панные рвы было бы вполне достаточно для вывода:
гунны жили среди врагов. Их окружала ненависть
местных племен. Они жили под вечным страхом вне-
запного нападения.

Но в то же время они и сами непрерывно напада-
ли на местные племена, и в конце концов им, по-ви-
димому, удалось подчинить себе часть из них и за-
ставить платить дань.

Поселок, остатки которого археологи назвали
Иволгинским городищем, очевидно, возник во II веке
до н. э., когда при шаньюе Модэ гунны распростра-
нили свою власть далеко на запад, юг и север. Это
было, кажется, самое северное из гуннских поселений
в Забайкалье.

В то время здесь кипела жизнь. По утрам десят-
ки дымов поднимались над домами жителей. Хлопал
бич пастуха — стадо уходило на пастбище. В кузни-
це и оружейной мастерской гудели меха, стучали мо-
лоты, шипели опускаемые в воду поковки: ножи, то-
поры и сошники. Особенно густая струя дыма тяну-
лась над высокой грубой гончарной мастерской.
Здесь пол извесом возвышалась целая гора готовой
посуды, а рядом гончары, среди которых были и
рабы-китайцы, лепили на гончарных кругах сосуды и

находили на них волнистые узоры. Дальше шли лавки, в которых торговались купцы и покупатели. По улицам двигались, скрипя огромными колесами, кибитки, из-за пологов которых виднелись смуглые лица женщин и детей, и проезжали верхом на своих конских, косматых, но удивительно выносливых жеребцах черные от загара гунны-кочевники. Они жадно заглядывались на выставленные в лавках железное и бронзовое оружие и украшения.

Два дома в поселке выделялись своими размерами. В одном жил местный правитель, а второй был домом суда и сбора податей. Сюда в определенные дни приходили старейшины лесных людей, принося дань: черные шкурки соболей и голубоватый мех белок и шкуры разных других зверей, а также золото и нефрит, которые они находили в горных таежных речках. Иногда дани было мало. Тогда гуннский вождь хрипло кричал на лесных людей и приказывал бить их палками по подошвам. Потом их уносили сорочищи. А в узких черных глазах лесовиков тлела глухая ненависть.

Беда нагрянула неожиданно.

Известно немало случаев в древности, когда ранее цветущие поселения постепенно оказывались покинутыми их жителями (например, оттого, что торговый путь, проходивший через город, изменил свое направление). Один за другим жители покидают свой родной город, где им стало трудно добыть пропитание, и переселяются в другие места. С течением времени весь город пустеет. Дома разрушаются, их заносит пылью и песком, и на развалинах вырастает трава. Когда археолог находит остатки такого города, то он, конечно, расценивает это как открытие интересное, но не слишком.

Но тот же археолог придет в особенное волнение, обнаружив признаки того, что найденное им древнее поселение было разрушено внезапно, опустело в результате неожиданного нападения врагов, пожара и т. п. Почему такое волнение? Потому что — одно дело, когда человек спокойно покидает свое жилище, забирая с собой все, что ему может пригодиться, внимательно оглядев все комнаты и кладовые, захватив все припрятанное, откопав все закопанное,

вытащив каждый гвоздик, — пригодится на новом месте. Уложив весь свой скарб на телеге, он не спешит уезжает. Естественно, что при раскопках такого поселения археологу достается немного «добычи».

Но совсем другое дело, если жителям пришлось бежать из своего города в то время, как в него рвались враги, кругом свистели стрелы, слышались крики раненых и умирающих и пылали подоженные дома. В таком случае люди бросают самое нужное, самое дорогое. Рушатся обгоревшие балки, обваливаются дома, но полуобуглившееся дерево имеет свойство гораздо лучше сохраняться в земле. А оплавленные и обгоревшие металлические предметы не возбуждают жадности грабителей, и никто не роется в этих развалинах, пока их не тронет лопата археолога. Вот почему такой археологический памятник может дать особенно ценный материал для науки.

Именно так получилось с Иволгинским городищем. Условия находок и обилие их — все свидетельствовало о том, что люди, жившие в нем, подверглись внезапному нападению и погибли или вынуждены были в панике бежать, бросая свое имущество, и в том числе самые ценные вещи (например, на городище были найдены брошенные бронзовые чаши). При раскопках повсеместно были обнаружены обгорелые деревянные части зданий, остатки обгоревших циновок, оплавленные кирпичи и другие следы пожара, который, по-видимому, и положил конец укрепленному городку гуннов на далекой северной окраине их державы.

Эта прочитанная археологами история одного из гуннских поселений в Забайкалье позволила ученым сделать ряд важнейших выводов.

Гуннская держава в Центральной Азии просуществовала недолго. Как уже было сказано, наивысшего могущества она достигла при ее основателях шаньюе Модэ и его преемнике Лю Шане (174—161 годы до н. э.). Но уже при виаке Модэ, шаньюе Гань Чене, положение стало меняться. Усилившийся Китай нанес ряд поражений гуннам и оттеснил их на запад. После этого гуннский союз просуществовал примерно до середины I века до н. э., ведя непрерывную борьбу с Китаем. Но в то же время и другие поко-

ленные гуннами народы и племена повсеместно восставали против завоевателей. Не малую роль в этом освободительном движении против гуннов сыграли и племена Забайкалья.

К этому времени, очевидно, и относится гибель Иволгинского городка. Он подвергся нападению местных племен, и ему не помогли валы и рвы. Он был захвачен врагами и сгорел от пожара.

Во второй половине I века нашей эры гунны потерпели ряд сильных поражений от соседних народов. В результате гуннский союз распался. Южные гунны подчинились китайскому императору. А северные — основная масса гуннов, теснимая врагами, — огромной ордой ринулись на запад. Покоряя одни народы, вступая в союз с другими, уничтожая третьих, гунны постепенно прошли всю Среднюю Азию и, как уже было раньше сказано, к началу четвертого века нашей эры появились в Восточной Европе.

А какова была дальнейшая судьба гуннов в Забайкалье? Вероятно, после того как пал их главный укрепленный пункт, город на реке Иволге, большая часть забайкальских гуннов была увлечена на запад и покинула Забайкалье. Только этим, пожалуй, и можно объяснить тот факт, что поселение на Иволге так и не было восстановлено позже. А некоторая часть гуннов, наверное, осталась, но полностью смешалась с местным населением, настолько, что даже утратила свой погребальный обряд. Погребений гуннского типа со срубам, которые бы относились ко времени после II века нашей эры, археологи не знают.

Монгольские древности

Сяньбийский могильник
у станции Оловянной. Шивэи и
Мохэ. «Укрепрайон» на р. Черной

Лето 1958 года было в Забайкалье удивительно дождливым. Сильные дожди, почти не переставая, шли по неделе. Мелкие степные речушки переполнились водой и разлились на целые километры, а в падах текли бурные потоки.

В конце августа я получил со станции Оловянной письмо от Петра Афанасьевича Лбросимова. Он писал, что недавно прошедшие дожди сильно размыли стены оврага в пади Социл. Кос-где стены совсем обвалились и в одном месте показались человеческие кости, видимо, из древнего захоронения. Пока что он их замаскировал ветками и травой, чтобы ребятишки не растащили. Письмо заканчивалось настоящим приглашением приехать как можно скорее.

Я немедленно сообщил об этом письме А. П. Окладникову. 3 сентября он приехал в Читу, а 4-го в пять часов утра мы уже выходили из вагона на станции Оловянной и в предрассветной мгле, сопровождаемые яростным лаем бесчисленных оловянных собак, пробирались к маленькому домику, в котором жил Петр Афанасьевич.

В тот же день через пару часов мы были в пади Социл.

То, что мы увидели, было для нас совершенно неожиданным. Это вовсе не были плиточные могилы. Ничего похожего. Здесь не было и следов характер-

ных четырехугольных оградок из вертикально вкопанных плоских плит. Вместо этого на поверхности выступали округленные, поросшие травой холмики. Всего их в этом месте было восемь, из них только два наполовину успела размыть вода.

Когда приехали остальные члены экспедиции, начались раскопки.

После того как был снят с могил тонкий слой дерна, покрывавший сверху захоронения, сразу же под ним обнаружилась кладка из каменных лежащих плашмя плит. Кладка имела форму почти правильного круга диаметром метра четыре. Она шла до глубины около полуметра. Под плитами была могильная яма. А в ней — человеческий костяк, лежавший на спине с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 34).

Из восьми могил только две оказались неграбленными, во всех остальных уже побывали древние грабители.

Все же предметы, найденные в этих могилах, представляли значительный интерес. Это были костяные и железные наконечники стрел, железные ножи очень древнего

Рис. 34. Сяньбийское захоронение. (Ст. Оловянная.)

Рис. 35. Сосуд из Сяньбийского могильника на ст. Оловянной.

украшенные нарезными валиками, иногда с опускающимися вниз концами, и узорами в виде изогнутых линий. Все дело было в том, что такая керамика совершенно не характерна для Забайкалья. Она не похожа ни на керамику из плиточных могил, ни на сосуды из гуннских погребений. Зато она удивительно напоминает керамику, которая была в то время у некоторых племен Приамурья и Приморья.

Следует сказать, что еще раньше, в 1950 году, А. П. Окладников раскопал в Восточном Забайкалье несколько захоронений такого же типа, что и у станции Оловянной: в местности Бурхотуй (в 10 километрах от села Будулан), на Ононе и на р. Шилке, недалеко от впадения в нее речки Урдюган.

Кто же был захоронен в этих погребениях?

Обратимся к письменным источникам, хотя сведения их, относящиеся к этому периоду, очень скупы и отрывочны.

Древняя китайская летопись сообщает, что когда гуннский шаньюй Модэ особенно усилился, то он начал нападения на племена, жившие к востоку от гуннов. Китайцы называли эти племена дунху, что значит «восточные варвары». Модэ одержал полную победу. Дунху были разгромлены, часть их подчинилась гуннам и стала платить дань. Но множество дунху бежало в пределы Забайкалья и здесь стало кочевать по долинам рек Онона и Аргуни. Очень интересное свидетельство. Дело в том, что современные ученые счи-

тают дунху предками позднейших монголов. Значит, можно считать, что в конце первого тысячелетия до нашей эры в Забайкалье появились древнейшие монгольские племена.

А спустя почти три столетия после этого в Забайкалье вторглась новая волна монгольских племен. Это были потомки древних дунху, но теперь они уже носили другое имя — сяньби.

В конце I века н. э. сяньби настолько окрепли, что сами напали на гуинов. И победа оказалась на их стороне. Множество гуинов погибло в сражении. Пал на поле боя и сам гуинский шаньюй. А из оставшихся в живых гуинов около ста тысяч семейств, как сообщает летопись, «приняли имя сяньби», то есть, очевидно, вошли в состав сяньбийского племенного союза. Это еще больше усилило могущество сяньби.

Во II веке сяньбийскому хану Тяньшихаю удалось объединить все сяньбийские племена. В это время сяньби стали грозой для соседних народов. По свидетельству древней летописи, Тяньшихай нападал на всех соседей, грабил Китай и «завладел всеми землями, бывшими под властью гуинов».

Это значит, что в состав державы Тяньшихая вошло и Южное Забайкалье.

Есть сведения, что в степях по Онону проживало сяньбийское племя, которое китайские летописцы называли «поколением Тоба» и «косошлемцами», потому что у них был обычай заплетать косы на голове.

А в конце IV — начале V веков тоба настолько усилились, что подчинили себе другие сяньбийские племена, а затем захватили территорию северного Китая и образовали свое государство, которое просуществовало около двухсот лет и в период наибольшего могущества держало под своей властью огромную территорию от гор Хингана на востоке до оз. Балхаш на западе. А северные границы этого государства проходили, по-видимому, опять-таки где-то по южным районам Забайкалья.

Значит, по всем этим данным выходит, что сяньбийцы в первых веках н. э. действительно должны были обитать где-то в районе нынешней станции Оловянной. Раскопками Оловянинского могильника это и было подтверждено.

И в то же время погребения у Оловянной и Будудана — это древнейшие археологические свидетельства появления в Забайкалье предков современных монголов. И теперь к скудным сведениям письменных источников об этих племенах могут быть добавлены драгоценные вещественные памятники, добытые археологами: остатки вооружения, утварь, украшения, могилы и, наконец, антропологический материал — костные останки древних людей.

Как сложились отношения между пришлыми монгольскими племенами и местными — культуры плиточных могил? Вероятно, были военные столкновения, были и мирные связи. Частично монголы, наверное, смешались с коренными жителями. Были взаимные влияния и заимствования в области культуры, религии. Как известно, самые поздние плиточные могилы Забайкалья относятся ко II веку до н. э. Не исключено, что именно под влиянием пришлых племен (дунху-монголов и гуннов) у «плиточников» и изменился погребальный ритуал.

Во всяком случае, к середине первого тысячелетия среди племен, живших к востоку от Байкала, монгольский элемент начинает играть преобладающую роль. В китайских письменных источниках эти племена фигурируют уже под новым общим названием — шивэй.

Примерно к тому же времени относится ряд городищ, обнаруженных на Шилке ниже Сретенска.

Одно из самых замечательных расположено недалеко от Усть-Кары, на р. Черной. Здесь на обширной и плодородной равнине возвышается огромный утес. Местное население называет его «Чудейским». В некоторых местах на нем еще сохранились остатки древних писаниц. На самом верху утеса А. П. Окладниковым было обнаружено большое древнее городище. Оно ограждено двумя рядами и валами. А внутри городища оказались остатки нескольких десятков больших и малых землянок. Раскопки этих землянок показали, что жители занимались земледелием и скотоводством. Здесь были также обнаружены железные шлаки и другие следы железоплавильного и других ремесел. Городища подобного типа были открыты

около села Верхние Куларки, на горе Витчиха, около села Луженки и в других местах.

Ряд признаков указывает на то, что эти городища составляли какие-то другие племена, отличные от шивээ-рамкиа Шилкинских городищ украшена своеобразным орнаментом в виде квадратов, расположенных в шахматном порядке. Эти узоры характерны для племен, живших к востоку от Забайкалья, в Приамурье, но почти не попадаются западнее Шилки.

Кто же населял эти городища?

А. П. Окладников считает, что это были те племена, которые в китайских источниках именуется мохэ — чернореченцы. Они сперва жили в Приморье и на Амуре и их, по-видимому, следует отнести к тунгусоманьчжурской общности. А в первых веках нашей эры какое-то из мохесских племен, видимо, начало продвигаться вверх по Амуру и дошло до Шилки. Оно, вероятно, натолкнулось на сильное сопротивление со стороны местных племен. Вот почему ему пришлось оградить свои поселения рвами и валами с тылом наверху, чтобы не стать жертвой нападения со стороны врагов. Именно так и объясняется появление на берегах Шилки этого, по выражению А. П. Окладникова, своеобразного укрепленного района на р. Черной.

* * *

В последующие века, во второй половине первого тысячелетия, на просторах Центральной Азии, в Монголии, Южной Сибири, Забайкалье происходили бурные события: складывались крупные государства, которые в короткий срок завоевали огромные территории и покорили сотни племен и народов, но, недолго просуществовав, так же быстро распались. Таким было, например, возникшее в VI веке государство тюрков, центр которого находился в северной Монголии на реке Орхоне. В VIII веке это государство пало и на его развалинах возникло другое государственное объединение — Уйгурское ханство (уйгуры были также народами тюркского происхождения). В IX веке против уйгуров выступили киргизы (жившие до этого в долине Енисея и у Саянских гор). Одержав

победу, они также подчинили своей власти Монголию и часть Западного Забайкалья. Приблизительно в это же время на Дальнем Востоке усилился народ кидани. Кидани захватили Северный Китай и образовали государство Ляо («Железное»). По данным китайских источников, кидани подчинили себе и шивейские племена, жившие в Забайкалье. Еще позже, в XII веке, другой народ, живший первоначально в Приморье, чжурчженн, уничтожил государство киданей и в свою очередь образовал огромную державу Цзинь, в состав которой также входила значительная часть Китая, а на севере — южные районы Забайкалья.

Таким образом, все эти бурные события и перевороты в какой-то мере затрагивали Забайкалье. Но, к сожалению, в письменных источниках, относящихся к этому времени, о Забайкалье почти ничего не упоминается. Не могут ли и здесь помочь археологи?

В южных районах Забайкалья, особенно западного, имеется немало памятников и тюркского, и уйгурского, и более позднего времени. Встречаются нередко так называемые «керексуры» — невысокие курганчики, сложенные из камней и окруженные внизу круглой или четырехугольной оградкой из вертикально вкопанных плит. В керексурах находят обломки глиняной посуды и чугунных котлов, железные пожи, мечи, латы и т. д. Подобные же захоронения встречаются и в других районах Сибири, где жили уйгуры. Это уйгурские захоронения. Кое-где в Забайкалье известны остатки уйгурских поселений и крепостей — городища, окруженные валами и рвами, например Коктуйское городище в Быркинском районе, Читинской области.

Но, к сожалению, все эти памятники очень мало изучены. Вот почему мы недостаточно знаем о том, что происходило в нашем крае в это смутное время.

Да-да и монголы

На рубеже первого и второго тысячелетий Забайкалье по-прежнему было заселено сотнями различных племен разного происхождения: тунгусского, тюркского, монгольского. Некоторые из них занимались охо-

той, большинство — скотоводством, кое-где существовало и земледелие. И это были, конечно, в большинстве потомки прежних насельников края, тех же «плиточников», гуинов, шивеев, мохесцев и т. д. Но беда в том, что с течением времени, как вы уже знаете, древние племена то и дело меняли свои названия. Бывало, например, что какое-нибудь могущественное племя побеждало своих соседей, в таком случае нередко побежденные принимали племенное имя победителей. Или несколько племен, заключив союз между собой, объединялись и опять-таки принимали общее имя самого сильного или храброго племени. А источники далеко не всегда сообщают о таких переменах названий и ученым бывает подчас очень нелегко определить, какое племя от какого произошло.

Так обстоит дело и с племенами, жившими в Забайкалье в начале тысячелетия. Китайские источники этого времени приводят название многих племен, и они совсем не похожи на прежние названия.

Так, например, в исторических произведениях китайцев упоминаются многочисленные племена, кочевавшие по долинам рек Онона и Керулена и носившие общее племенное имя да-да, или в другом произношении та-тань. В тюркских надписях это название писалось «татар». Однако, судя по всему, китайцы называли именем та-тань не только настоящих татар, но и многие другие племена, населяющие территорию Восточного Забайкалья. Эти племена позже стали называться монгольскими, но в начале первого тысячелетия каждое из них было известно под своим собственным именем, например, найманы, тайчжуты и т. д.

В одном китайском историческом сочинении имеется интересное указание на то, что да-да были потомками древних мохэ. Но, с другой стороны, имеются и другие указания, что среди шивейских племен одно носило название монгву, что, конечно, очень напоминает слово монголы.

Источники сообщают, что среди раннемонгольских племен некоторые жили охотой, но большая часть занималась кочевым скотоводством. Разводили они главным образом лошадей и баранов, потому что скот у них пасся круглый год на подножном корме,

я этим животным менее страшен зимний гололед, ибо лошадям удается копытами разбить лед, чтобы достать траву под ним, а овцы следуют за лошадьми. Любимой пищей монголов было конское мясо, а любимым напитком — кобылье молоко и кумыс. Впрочем, кое-где эти племена сеяли просо, из которого варили кашу.

Но основные их потребности удовлетворяли стада скота. Они делали себе одежду из мехов, причем зимою носили

по две одежды, одну мехом внутрь, другую — наружу. Из шкур же выделывались бурдюки, в которых хранились кумыс и вода. Из шерсти и волоса готовили войлок, веревки и арканы; из костей — наконечники стрел и копий, а из бараньих рогов чаши для питья. Они жили в юртах, покрытых войлоком. А когда перекочевывали всем племенем, то строили нечто вроде юрты на телеге, запряженной волами или верблюдами, и перевозили в них жен и детей и все имущество. У знатных и богатых эти передвижные юрты были так велики, что в них приходилось запрягать более двух десятков волов. Их вооружение составляли лук и палица и очень острая выгнутая сабля. Китайские источники сообщают, что эти племена были весьма воинственными: «Война для них самое обычное дело, ибо они рождаются и вырастают на седле и на лошади». Их маленькие некрасивые лошаденки были очень хороши в бегу и легко переносили усталость и плохую погоду. Монголы предпочитали сражаться издали, осыпая неприятеля кучами стрел, но не избегали и рукопашной, причем рубились саблями и старались стащить врага с седла арканом.

В XIII веке жизнь монголов наблюдал побывавший там богатый венецианский купец, знаменитый

Марко Поло. Вот что он писал об их военной тактике:

«Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруя с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья да глиняный горшок варить мясо... А случится надобность, так скачут... дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня, да и пьет кровь...

В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врагов не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьи коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у него перестреляны, да и людей изрядно побито. Татары, как увидят, что они перебили вражьи коней, и людей много, поворачивают назад и бьют храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и покоряли многие народы».

В XI—XII веках среди этих племен уже выделилась богатая и знатная верхушка. А с другой стороны, немало было и бедняков, не имевших ни скота, ни имущества и находившихся на положении батраков или рабов у богатых. Знатные богачи называли себя нойонами, т. е. господами, в отличие от рядовых степняков хара-чу, то есть «черной кости».

Нойоны имели при себе дружины нукеров и с их помощью постепенно ставили хара-чу в зависимость от себя. Они превращались в феодалов.

Отдельные племена бесконечно воевали между собой из-за пастбищ, из-за скота, нападали одно на другое, захватывая скот и людей. Это их, конечно, сильно ослабило. Но достаточно им было объединиться, как они стали грозной силой, страшной опасностью для окружающих народов. Кровью и развалинами покрыли они почти всю Азию и Восточную Европу.

Повелитель полумира

В 1155 году в Восточном Забайкалье, на берегу р. Онона в урочище Делюн-Болдок родился будущий повелитель полумира Темучин, который позже стал известным под именем Чингис-хана (это место и сейчас сохранило свое название и находится неподалеку от районного центра села Цасучей Ононского района).

Отец Темучина Несугэй-богатур был вождем нескольких незначительных родов из племени тайчутов. Мать его звалась Улуу-Эке.

Несугэй-богатур умер, когда Темучину было только 13 лет. Детство будущего завоевателя было полно тревог и опасностей. Воспользовавшись смертью Несугэя и малолетством его сына, отошла часть подданных. А с другой стороны, на них стали нападать соседние более могущественные роды. Уже в раннем возрасте Темучину приходилось не раз скрываться от врагов и самому участвовать в набегах и сражениях, подвергаясь смертельной опасности. И уже тогда проявились такие черты его характера, как безграничная отвага в сочетании с хитрой осторожностью, дальновидность, коварство и холодная свирепость. Однажды ему благодаря внезапности нападения удалось одержать победу над своими злейшими врагами тайчжутами. Бой произошел в степи около маленькой речки Бальджуны, впадающей в р. Ингоду. По берегам реки росли деревья, и после боя Темучин приказал срубить деревья, развести костры и захваченных пленных заживо сварить в 80 больших котлах.

Постепенно Темучин одолел всех своих врагов, и влияние его необычайно возросло.

Рис. 36. Чингис-хан. (Старинный портрет.)

В 1206 году на высоком берегу Онона по приказанию Темучина собрался курултай, то есть съезд всех племенных вождей и воинов. Собравшаяся феодальная знать признала Темучина своим повелителем, верховным ханом и присвоила ему имя Чингис-хана, что означает «Великий хан». После этого Чингис-хан приказал всем своим подданным называться общим именем монголы, по-видимому, по имени древнего шивейского племени монгу, жившего ранее в этих местах и отличавшегося своей силой и храбростью.

А затем по приказу Чингис-хана монгольские орды устремились на окружающие народы, сея везде смерть и разрушения. Уже в последующие полстолетия были завоеваны Приморье и Китай, Средняя Азия и Восточная Европа.

Но, по-видимому, где бы ни находился Чингис-хан и его преемники, они считали своей древней родиной, своим коренным родовым уделом именно Восточное Забайкалье, степи Онона и Керулена, воспетые в монгольских песнях и легендах. Эти места доставались в удел ближайшим родичам Чингис-хана. Неудивительно, что в период расцвета Монгольской державы чингисханидов в Забайкалье, так же как в Монголии и в других местах, возникли дворцы и города, в которых жили монгольские феодалы и работали многочисленные ремесленники и которые были центрами торговли. Одним из таких дворцов был дворец на берегу маленькой речки Барон-Кондуй, притока Урлюнгуя (в нынешнем Борзинском районе Читинской области), остатки которого были раскопаны археологами совсем недавно.

Кондуйский дворец

В 1704 году в Голландии в городе Амстердаме вышла книга с длинным по тогдашней моде названием: «Трехлетнее путешествие в Китай, совершенное московским послом Эвертом Исбрантом Идесом». Книга эта вызвала настолько всеобщий интерес, что уже в ближайшие годы была переведена на несколько европейских языков: немецкий, английский и французский и переиздана в ряде стран.

Интерес этот был понятен.

Исбрант Идес по пути в Китай пересек с запада на восток всю Московию, Урал и Сибирь. А в то время средний европеец и о западной-то части Московского государства знал ничтожно мало. Сибирь же для него вообще была страной тайн и чудес. Еще в середине XVI века в Германии вышла книга Себастьяна Мюнстера «Космография», в которой самым серьезным образом утверждалось, что в Сибири обитают «некие чудовища Восточной Азии», люди с песьими головами, с лицом на груди, с одним глазом,

Рис. 37. «Дивьи» люди. (Старинный рисунок.)

с двумя головами. В книге приводились и изображения этих чудовищ (рис. 37).

Пожалуй, единственное, что европейцы знали твердо и точно, — это то, что именно из Сибири вывозят чудесные шкурки соболей и горностаев — украшение королевских мантий.

Эверта Исбранта Идеса постигла удивительная судьба. В 1676 году семнадцатилетним юношей попал он по торговым делам в Московию. А через несколько лет Идес уже числился среди самых известных иностранных купцов Российского государства и был вхож в дома самых знатных московитов. И когда в 1692 году русское правительство решило направить в Китай посольство по торговым делам, голландец подал челобитную на имя государей Ивана Алексееви-

ча и Петра Алексеевича: он предлагал свою кандидатуру для поездки в Китай. Идес имел, конечно, в виду не только и не столько интересы Московии. Прежде всего он был купец. В челобитной он откровенно писал, что хочет «побыть в том государстве для продажи своих и покупки тамошних товаров». Государь дал согласие.

Три года, с 1692 по 1695, длилось путешествие, и изю для в день Идес вел путевой дневник. Он записывал туда все, что ему казалось важным и интересным, что он видел или узнавал от местных жителей: о том, например, что зимой при переезде по льду через Байкал верблюдам надевают на ноги нечто вроде сапог с железными шипами, и о том, что быки в Бурятии без рогов, а цена коня там 4—5 рублей, но не деньгами, а товарами: медными котлами да красным сукном и т. д.

Но этот голландский купец интересовался не только товарами и ценами. Его занимало и многое другое. Он собирал сведения о природе и даже об истории тех мест, где проезжал, он записывал данные о горячих источниках и о руинах древних поселений и других памятниках старины. И между прочим, Идес сообщает о том, что по дороге из Нерчинска в Маньчжурию он на сравнительно коротком расстоянии встретил развалины трех больших городов, оставленных их жителями. В этих городах еще сохранились остатки стен и башен и великолепных зданий с каменными статуями. «Они так хороши,— записал он,— что вряд ли и в Европе можно найти лучшие». Может быть, одним из этих покинутых городов был Кондуйский.

Есть данные, что еще спустя сто лет после поездки Идеса на этом месте были видны развалины стен, остатки колонн, каменные изваяния драконов.

В 1828 году в Кондуге побывал забайкальский поэт Бальдауф. Древние руины произвели на него сильное и незабываемое впечатление. Позже в одном из своих стихотворений он писал о Кондуге:

Здесь в сумраке степей в уединении,
Где след минувшего давно успел застыть,
Сильней кипит порыв воображенья,
Здесь тихим шепотом преданье говорит.

Для Кондуйского городища начались черные дни. Живший в соседнем казачьем селе Кондуй урядник Николай Эпов в приступе благочестия решил построить в селе церковь. А чтобы это богоугодное дело все же обошлось дешевле — использовать для строительства кирпичи и камень — использовать для Эпов запросил разрешения на это из Нерчинска. Нерчинское начальство с готовностью благословило эту варварскую затею. Началось безжалостное уничтожение ценного исторического памятника. Десятками возов вывозились кирпич, каменные гранитные плиты и изваяния. Достаточно сказать, что стены Кондуйской церкви толщиной почти в метр сложены на три четверти из «чудского» кирпича (то есть натаканного из городища). И кроме того, в эти стены замазано около семи десятков каменных изваяний оттуда же. Эти вмурованные в церковь скульптуры видны и сейчас.

Каменные статуи, плиты и кирпич с городища вывозили местные жители для своих нужд.

Из этого камня сложено немало печей и фундаментов домов в Кондуде и других окрестных селах. У некоторых домов перед крыльцом и сейчас можно видеть положенные для вытирания ног большие обтесанные каменные плиты — оттуда же. И наконец, когда стал строиться Цугольский ламаистский монастырь, дацан, кирпич и камень стали из городища возить и туда.

После этого разгрома от кондуйских развалин осталось очень мало: просто несколько невысоких холмов, поросших степной травой.

Центральный, самый большой из них, крестообразной формы, имел более ста метров в длину и около шестидесяти в ширину. Другие холмы были намного меньше.

В течение последних ста лет немало ученых интересовалось Кондуйским городком, однако серьезному исследованию этот памятник старины не подвергался вплоть до самого недавнего времени.

Правда, в 1901 году изучением кондуйских развалин занимался читинский археолог из ссыльных А. К. Кузнецов, но возможности его были слишком ограничены: двое-трое рабочих и очень мало денег.

Он смог только прорыть в двух местах небольшие траншеи. Поэтому, хотя А. К. Кузнецов сделал немало тонких наблюдений и интересных выводов, но не меньше сделал и ошибок. И основной его вывод тоже был ошибочным. Он считал, что под большим холмом скрываются развалины древнего буддийского храма. И ошибся. Оказалось, что это был не храм, а дворец.

В 1957 году к раскопкам Кондуйского городка приступила Монгольская экспедиция Академии наук СССР под руководством члена-корреспондента Академии наук С. В. Киселева.

Раскопки в Кондуге продолжались два сезона, в 1957 и 1958 годах. Это была крупная, превосходно организованная экспедиция. В работе ее, кроме московских археологов, принимали участие и читинцы — Читинский краеведческий музей и Читинский педагогический институт. Около сорока студентов пединститута работали на раскопках.

В конце 1958 года в журнале «Советская археология» была опубликована статья С. В. Киселева «Древние города Забайкалья». В ней изложены некоторые результаты раскопок.

Теперь мы многое знаем о дворце. Мы знаем, когда он был выстроен, и когда погиб, и как он выглядел.

Дворец на берегу р. Кондуя был возведен, по видимому в середине XIII века. Он принадлежал какому-то крупному монгольскому феодалу. Известно, что дворец великого хана Угэдея в Каракоруме был выстроен в тридцатых годах XIII века. С. В. Киселев считает, что более сложная и изысканная планировка Кондуйского дворца свидетельствует о том, что он был выстроен позже, может быть, в третьей четверти XIII века. «Если от каракорумского дворца, — пишет С. В. Киселев, — веет суровостью военной империи, то дворец в Кондуге говорит об изнеженной жизни монгольских феодалов в более позднюю эпоху Юань».

Кондуйский дворец возвышался на искусственном возвышении двухметровой насыпи из земли и щебня. Эта платформа шла двумя уступами, образуя тер-

Рис. 38. Каменное изваяние головы дракона из Кондуйского городка.

расы, облицованные серым кирпичом. Дворец имел в длину около ста метров и в ширину около шестидесяти. В возведении его, несомненно, принимали участие китайские мастера, вероятно, из военнопленных рабов, ведь в то время Китай был под властью монголов.

Ряды колонн поддерживали перекрытия потолка. Колонны стояли на гранитных основаниях, но сами они были деревянные, толщиной около метра, обитые материей и поверх нее покрытые ярко-алым лаком. Среди мусора у основания колонн были найдены кусочки отпавшего лака. Стены внутри были покрыты розовой штукатуркой и богато расписаны.

Кровля дворца, наверное, была парусного типа с приподнятыми углами в несколько ярусов. Она была покрыта глазурованной черепицей ярко-зеленого и золотисто-желтого цвета. Края кровли представляли нарядный, блестящий яркими красками фестон из чередовавшихся отливов и дисков. Множество лепных и тоже покрытых глазурью украшений: фантастические птицы, звери и драконы покрывали крышу, стены и колонны дворца.

Наконец, вокруг дворца шла деревянная резная баллюстрада. Нижний брус баллюстрады опирался на высеченные из гранита изваяния драконьих голов (рис. 38). Таких изваяний было найдено при раскопках 28. Два из них находятся в Читинском музее.

А еще более шестидесяти, как уже было сказано, вмуровано в стены Кондуйской церкви. Поблизости от дворца проходил канал, следы которого сохранились и сейчас, и, наверно, был высажен сад или роща из декоративных деревьев.

Можно себе представить, как поражал воображение путника — какого-нибудь кочевника-монгола — вид этого прекрасного здания с его переливающейся яркими красками крышей, вырисовывающейся на фоне голубого забайкальского неба, с его алыми колоннами и устрашающими изваяниями драконов.

При каких обстоятельствах погиб дворец? Об этом мы можем только догадываться. Вот что пишет по этому поводу С. В. Киселев:

«Нужно думать, что гибель Кондуйского дворца произошла в те смутные для монгольского государства годы XIV века, когда народноосвободительное движение против юаньской (монгольской) династии в Китае, перекликаясь с аналогичной борьбой в Средней Азии и на Руси, привело к падению империи чингисидов. Тогда пылали не только дворцы и города на окраинах Монголии, но был разрушен и Каракорум и знаменитый дворец Угедая».

Город Исунке-хана

Итак, Кондуйский городок дает нам представление о роскошных дворцах крупных монгольских феодалов. Но есть на территории Читинской области другой памятник монгольского времени, не менее ценный. Это так называемое Хирхириинское городище. Хирхириинское городище — это уже остатки не дворца, а небольшого города. В 1959 году экспедиция под руководством С. В. Киселева начала раскопки городища, и они еще далеко не закончены.

Судя по найденной на городище керамике, город на реке Хирхире существовал в то же самое время, что и Кондуйский дворец, а может быть, и раньше. Когда археологи сделали в одном месте разрез вала на городище, то под насыпкой были обнаружены следы более древнего помещения с полом, выложенным каменными плитками, и с остатками печи. Отсюда

можно сделать важный вывод о том, что монголы, по-видимому, выстроили свой город на месте, где еще до них было какое-то поселение, может быть, уйгуров или киданей.

В центре монгольского города была крепость, итадель, от которой сохранились остатки стен, окружавших ее валов и ров. А внутри итадели находилось дворцовое здание и несколько более мелких строений. Здесь, наверное, была резиденция правителя и помещался воинский отряд. А за пределами итадели к востоку и западу от нее сохранились следы нескольких крупных усадеб, тоже укрепленных, окруженных стенами (от стен сохранились небольшие валы). В этих, по выражению С. В. Киселева, «маленьких замках» жили феодалы более мелкого ранга. Наверное, они, как и европейские феодалы того времени, нечуждо враждовали между собой, старались неожиданно напасть друг на друга,— оттого-то их усадьбы и были окружены такими толстыми стенами.

По окраинам города располагались дома бедноты. От них сохранились только мелкие холмики. Кое-где между остатками строений виднеются четырехугольные участки, огороженные низкими валами. Здесь, можно думать, были сады и огороды жителей.

Город на Хирхире был, по-видимому, не только укрепленным постом и резиденцией правителя, но и ремесленным и торговым центром.

Интересный материал дали раскопки одного небольшого холмика на северо-восточной окраине городища. Под ним были обнаружены остатки строения почти квадратной формы (8×8 м). У него были глинобитные стены и земляной пол. Внутри дома на полу большое темное очажное пятно, много золы и угля, железные шлаки и железная крица.

Здесь, несомненно, была кузнечная мастерская. И она, вероятно, была не единственной в городе.

К сожалению, пока раскопана только небольшая часть городища. Можно надеяться, что дальнейшие раскопки его дадут еще немало интересного.

А неподалеку от Хирхириинского городища, примерно в 2 километрах к северу от него, археологи обнаружили древний могильник. Судя по ряду призна-

ков, этот могильник относится к тому же времени, что и Хирхиринское городище. Это, очевидно, было городское кладбище. Некоторые захоронения были довольно крупных размеров и имели вид курганов. Большинство представляло собой небольшие могилки.

Самый крупный курган был раскопан. Под насыпью обнаружены четыре погребения. К счастью, одно из них оказалось совершенно неграбленным.

Там оказался небольшой прямоугольной формы гроб. Он сделан из лиственничных досок, окован железными полосами и довольно хорошо сохранился. На крышке гроба лежало богато убранное седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной кинжал со стрелами. Гроб внутри обит желтой шелковой тканью. В нем покоились останки ребенка — мальчика лет шести. На покойнике — сравнительно хорошо сохранившаяся одежда, тоже из желтого шелка: рубаха, штаны и поверх еще юбочка, крытая шелком шубейка, на голове шапочка, на ногах мягкие сапожки. При нем лежал пояс, украшенный серебряными бляхами, к которому прикреплен кошелечек с кресалом и трупом.

Этот мальчик, очевидно, был из знатной семьи. Он, может быть, был современником Чингис-хана и собственными глазами видел «владыку вселенной».

Интересно, что некоторые предметы, лежавшие при мальчике, связаны с буддистско-ламаистской религией. Можно думать даже, что покойный был сам с детства посвящен в духовный сан ламы. Ламского покроя были, например, юбочка и шубейка, надетые на ребенка. А на правой стороне груди у него лежала бронзовая чаша такого типа, какой употребляется при ламаистских богослужениях.

Это очень интересное открытие.

Ламаизм стал религией основной массы монголов только в XVII веке. Но, оказывается, среди некоторой части монгольской знати эта религия получила распространение намного раньше. Из источников известно, что даже некоторые родичи Чингис-хана исповедовали ламаизм и занимали высокие ламские посты. Эти успехи ламаизма у монгольской знати имели свои причины.

До ламаизма у монголов был шаманизм, примитивная религия, уходящая своими корнями в первобытно-общинный строй. Но когда среди монголов усилилось имущественное и социальное разделение (особенно в результате завоеваний), то шаманизм перестал удовлетворять знатную и богатую монгольскую верхушку. Она нуждалась в другой религии, которая более соответствовала бы условиям классового эксплуататорского общества, которая призывала бы простой народ к смирению и терпению, обещая за это награду после смерти, а непослушным угрожала страшными карами со стороны могущественных и грозных богов. Ламаизм в этом смысле был для них наиболее приемлемым.

Кому принадлежали Хирхириинский город и Кондуйский дворец? Конечно, они за время своего существования сменили нескольких владельцев, но одного из них мы, пожалуй, можем назвать.

В Ленинградском Эрмитаже хранится большая каменная плита с высеченной на ней надписью на монгольском языке. Эта плита до 1830 года стояла на Хирхириинском городище. Позже она была вывезена оттуда и отправлена в Петербург. Известный бурятский ученый Доржи Банзаров перевел надпись на плите на русский язык. Вот этот перевод:

«Когда Чингис-хан после нападения на народ сартагуль возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в Бига-Чучигас, то Исунке получил в удел 335 воинов хошготорских».

Кто такой Исунке, мы знаем — это был родной племянник Чингис-хана. Неслучайно он поставил именно здесь эту плиту с хвалебной надписью. Видимо, Исунке-хану и достались в свое время в удел прекрасные урлюнгуйские степи. А если так, то ему, наверно, и принадлежал также и Хирхириинский город, а может быть, и Кондуйский дворец.

* * *

Изучение монгольских древностей Забайкалья имеет очень важное значение.

Мы знаем, что земледельческие народы Европы и Азии в свое время прошли через стадию феодализма, крепостного строя. То был период, когда над ними

крестьянскими деревнями поднялись грозные замки феодалов, то было время закovaných и железных латы рыцарей и вымирающих от голода крепостных крестьян. Но тогда же постепенно начали развиваться ремесла и торговля и наряду с феодальными поместьями стали возникать города, населенные купцами и ремесленниками и прочим вольным городским людом. Эти города сперва тоже были в зависимости от феодалов, подчинялись им и платили подати. Но с течением времени города окрепли, разбогатели и в конце концов сыграли важнейшую роль в борьбе против феодалов и в свержении самого феодального строя. Так было в странах земледельческой оседлой жизни.

А у кочевых народов?

И у кочевых народов, и в том числе у монголов, тоже был феодализм. Он, конечно, имел свои особенности. А вот в чем они состояли, эти особенности,— об этом до сих пор известно было очень мало. Дело в том, что письменных источников по вопросу, например, о монгольском феодализме очень мало, да и те недостаточно изучены. В результате утвердилось мнение, что это был какой-то совсем особенный, сто-процентно кочевой феодализм, без всяких элементов оседлости и городов.

А теперь в результате последних раскопок в Забайкалье и Монгольской Народной Республике становится все более ясным, что на самом деле это не так. Общие закономерности, характерные для развитого феодализма, проявились и здесь. Конечно, в Монголии и вообще в Центральной Азии кочевое хозяйство всегда преобладало. Но в период феодализма здесь, оказывается, тоже в ряде мест возникли центры оседлости: дворцы и усадьбы крупных феодалов, поселения с торгово-ремесленным населением, вроде того, который был раскопан на Хирхире.

Ясно, что это очень важный вывод, и не только для истории Забайкалья, но и для понимания исторического прошлого других народов Центральной Азии и Дальнего Востока.

Как «чуть-чуть» не нашли могилу Чингис-хана

Нередко получаю я письма от местных археологов-любителей. А некоторые из этих людей сами приходят и рассказывают, кто что нашел или что слышал о какой-нибудь интересной находке. И я обычно внимательно отношусь к таким сообщениям. В большинстве случаев эти люди зря не скажут. Однако бывают и исключения.

Совершенно непонятный для меня случай произошел летом 1961 года. Приходит ко мне некий гражданин К. и сразу заявляет, что он ни мало ни много нашел могилу Чингис-хана. Признаться, только услышав это, я сразу потерял интерес и к нему и к его рассказу. Потому что это было совершенно невероятно.

Легенд о Чингис-хане по Забайкалью ходит множество. Это можно понять — как-никак здесь была его родина. А особенно распространены легенды о смерти и погребении завоевателя. По крайней мере в двух десятках мест Читинской области и Бурятии показывают пункты, где будто бы находится могила Чингис-хана: обычно это какое-нибудь глухое ущелье, или пещера, или одинокая роща посреди степи. В легендах часто фигурируют караваны с золотом, которые будто бы были зарыты вместе с гробом и т. п. И это тоже не удивительно.

Дело в том, что смерть и погребение Чингис-хана действительно окутаны тайной и место его погребения до сих пор в точности неизвестно.

Я не могу удержаться от того, чтобы не привести (в сокращенном виде) рассказ о смерти Чингис-хана из книги историка Д'Оссона «История монголов».

В 1226 году Чингис-хан напал на государство тангутов Си Ся у северо-восточных границ Китая. Попутно ряд городов Северного Китая был предан огню и мечу. Жители их бежали и укрывались в городе и пещерах, но спаслись очень немногие, не более одного или двух из ста. Поля были усеяны человеческими костями. Затем монголы вторглись в Си Ся, разбили тангутские войска и осадили столицу Тангутского го-

посвяателя. Впоследствии несколько потомков Чингис-хана были также похоронены в этом лесу. Охрана леса была вверена тысяче воинов из племени урянхит, освобожденного по этой причине от военной службы. Но в конце концов охрана была снята. И с тех пор никто уже не знает, где находится могила Чингис-хана.

Таков рассказ о смерти Чингис-хана. Хотя в точности неизвестно место его погребения, все же нет сомнений, что он должен находиться где-то у истоков рек Онона и Керулена, то есть на территории Монгольской Народной Республики, но никак не в Читинской области и не в Бурятии.

Вот почему я не поверил гражданину К. Однако он, не смущаясь моим довольно откровенно выраженным недоверием, продолжал рассказывать, будто осенью прошлого года, охотясь на уток, он нашел в одном месте два обрывка толстой цепи, которые уходили под углом в землю. А так как он, К., еще в детстве слышал предание, что Чингис-хан был похоронен в золотой лодке, зарытой в землю на железных цепях, то он считает, что эти-то цепи он и нашел. А где-то под землей на этих цепях должна быть и золотая лодка.

Я, конечно, понимал, что золотая лодка — это очередная небылица, отзвук древней легенды. В рассказе К. меня смущало другое — что это могли быть за цепи?

После разговора я больше его не видел. Но позже я узнал, что этим дело отнюдь не кончилось.

К., оказывается, написал письмо в Академию наук, и одному из археологов, приехавших на раскопки в Читинскую область, было поручено проверить это сообщение. Как мне позже рассказывал этот археолог, они на автомашине проехали вместе с К. за 300 километров на юго-восток от Читы. Там К. водил археолога целый день по топям и болотам, измучился сам, измучил своего спутника и... никаких цепей не нашел. К. в отчаянии повторял, что запутался, забыл место, но он обязательно найдет эти цепи...

Так я до сих пор и не знаю, что подумать обо всей этой странной истории. Конечно, может быть, это была

попросту мистификация, обман со стороны К., но может быть, он действительно нашел какую-нибудь древность, нашел, но не сумел ни понять своей находки, ни поступить с ней, как следовало, не сумел даже заметить должным образом ее местонахождение. Такое, к сожалению, бывает с археологами-любителями нередко.

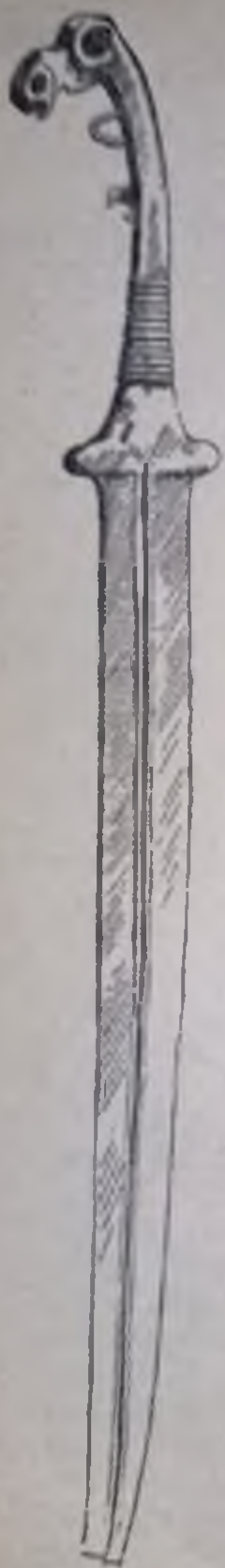
Тем, кто любит археологию

Я уже рассказал о том, как благодаря рабочему оловянинского мясокомбината Петру Афанасьевичу Лбросимову был открыт сяньбийский могильник у станции Оловянной и как охотник Иван Романович Рязанцев первый нашел и сообщил о чудесной Верх-Хилинской писанице. Каждому понятно, что эти люди сделали нужное и хорошее дело. Они внесли свой вклад в изучение истории родного края.

А вот примеры другого рода.

В 1938 году ребяташки из деревни Кузьмино, на Шилке, километрах в 70 ниже Сретенска, нашли в песчаном выдуве бронзовый старинный меч. Известно, что с ним было в течение следующих десяти лет. Может быть, мальчишки размахивали им во время игры в казаки-разбойники, а может быть, хозяйки щепу кололи. Но только в 1948 году этот меч был сдан в Сретенский музей.

Меч оказался редкостным, можно сказать единственным в своем роде. Из прекрасной темно-золотистой бронзы, плавных и благородных очертаний, с наверхшием, выполненным в виде стилизованной бараньей головы, несомненно, очсь древний (рис. 39). Этот великолепный меч, несомненно, должен был принадлежать не рядовому воину, а какому-нибудь знатному и богатому человску, может быть вождю. И невольно возникло предположение, что там, где нашли этот меч, вероятно, находится целое погребение.

И вот в 1952 году я поехал в Кузьмино. Я опросил там почти всех жителей, чтобы выяснить, где был найден этот меч? Говорят — в песчаном выдуве. Но где, в каком выдуве, этого никто не смог показать. После находки прошло десять лет. Люди, которые нашли меч, давно уехали из деревни. А другие не знали или забыли место находки. Я обошел окрестности Кузьмино и выдувов нашел множество. Собрал на этих выдувах большое количество древней керамики и каменных орудий — явные следы того, что здесь когда-то была большая неолитическая стоянка. Но того, что искал, — следов погребения бронзового века — не нашел.

После этого я еще раз в 1954 году побывал в Кузьмино и с тем же результатом. Уехал, не узнав ничего нового и с обидным чувством, что, может быть, большое открытие пропало для науки из-за равнодушия и невежества тех, кто нашел этот чудесный меч (он и сейчас хранится в Сретенском музее) и не сообщил сразу же о своей находке.

Это не единственный случай.

Совсем недавно студент-заочник исторического отделения Читинского пединститута тов М., сам из Ново-Цурухайтуя, рассказал мне, что дети его соседа нашли где-то разрушенное погребение и в нем были человеческие кости и большой каменный, по-видимому, нефритовый нож. Спрашиваю у М.: «Где же этот нож?» — «Да соседка им пол скребла, а потом он куда-то потерялся».

Я едва не выругался. Я попросил М. постараться разыскать нож, объяснил

Рис. 39. Сретенский бронзовый меч.

ему, какая это ценная вещь для науки. Но немного спустя М. уже из дому написал мне, что у него ничего не вышло, нож куда-то затерялся.

И вот почему и обращаюсь к вам, читатели этой книги. Пожалуйста, не делайте так, как сделали кузьминские ребята или та хозяйка из Цурухайтуя, которая ножом каменного века скребла свой пол. И не поступайте так, как поступил М., спокойно наблюдавший, как его соседка скребла грязь нефритовым ножом, место которому в музее. Это очень плохо — проявлять такое безразличие и равнодушие к истории своего родного края и к его историческим памятникам.

* * *

Один мой знакомый, по профессии учитель, как-то сказал мне: «Я всегда любил археологию, всегда с интересом читаю всякие заметки в газетах и журналах об археологических раскопках и находках. Но порой все-таки очень хочется и самому что-то сделать, найти какую-нибудь древность, покопать, описать. Это давняя моя мечта. А вот как ее осуществить — не знаю».

И вот мне хочется подобного рода любителям кое-что посоветовать.

Прежде всего учтите, что раскапывать археологические памятники разрешается только археологам-специалистам, и только по особым «открытым листкам», которые выдаются Академией наук СССР или Академиями наук Союзных республик. Если вы не имеете специальной подготовки, не вздумайте раскапывать какой бы то ни было памятник старины, — это категорически запрещается законом, и за это полагается строгое наказание. Понятно почему. Ведь раскопанные стоянка или могильник навсегда уничтожены для науки. А неспециалист, если даже перекопает весь памятник и переберет руками всю землю до последней горсточки, мало что увидит и еще меньше поймет.

Но то, что я сказал, вовсе не означает, что человеку, интересующемуся археологией, но не имеющему специального образования, вообще нельзя заниматься этой наукой. Напротив. Многие интереснейшие архео-

логические открытия в Забайкалье, как вам уже известно, были сделаны именно с помощью неспециалистов, местных краеведов-любителей.

Что же может сделать такой любитель археологии? Прежде всего помочь в отыскании древних памятников.

Часто люди с недоумением спрашивают: «Откуда все-таки археологи знают, где надо копать? Если курган или развалины какого-нибудь древнего здания, тогда еще понятно, их видно на поверхности. Но как открывают такие памятники, которые полностью скрыты под землей?»

Конечно, ни один археолог не может, пройдя по какому-нибудь ровному месту, с уверенностью сказать: «Здесь, под моими ногами, есть древняя стоянка!» Он может обнаружить древний памятник, залегающий под землей только в том случае, если этот памятник как-то сам себя обнаружит. А это бывает по-разному.

Допустим, на каком-нибудь месте существовало древнее поселение. Позже оно было заброшено, занесено песком, пылью, поросло травой, короче говоря, оказалось более или менее глубоко под землей. А еще позже, спустя, может быть, несколько сот или тысяч лет, весенние воды или дождевые потоки как раз на этом месте промыли овраг и он, как ножом, прорезал стоянку. И впоследствии склоны этого оврага тоже поросли травой, но там, где склон особенно крутой, иногда происходят обвалы — получается естественное обнажение древних почвенных слоев. И вот если пройти по такому оврагу и внимательно осмотреть его стены, то можно увидеть, как под верхним слоем дерна один за другим идут разные почвенные слои, различающиеся между собой по составу и цвету. И на каком-то уровне, может быть, удастся увидеть своеобразную темноватую полосу, из которой то там, то сям выглядывают кусочки угля, косточки, кремневые отщепы, а то и обломок каменного орудия и т. п. Это может быть культурный слой, остаток древней стоянки. А иногда древние изделия могут оказаться на дне оврага — они выпали из культурного слоя, и вода их смыла вниз. В таком случае надо

вернуться по склону выше и попытаться проследить, откуда они выпали.

Поэтому первое правило археолога — всегда при удобном случае осмотреть всякие естественные и искусственные обнажения почвы: склоны оврагов, обрывы на берегах рек, там, где ведутся земледельческие работы, — стенки котлованов, траншей, канав. Не мешает пройтись по паханому полю или огороду, пока на нем не прошли всходы, — иногда плуг или лопата выворачивают из нижнего слоя почвы какую-нибудь древнюю вещь: черепок глиняной посуды с древним орнаментом, наконечник стрелы или древнюю монету. А такая находка в свою очередь может нанести на след древнего, скрытого под землей поселения или захоронения.

Стоит осмотреть также песчаные дюны на берегах рек или озер и вообще всякие песчаные выдувы. Ветер, развеивая их, уносит с собой мелкие песчинки, но более крупные и тяжелые частицы, а также каменные орудия или обломки керамики, если они там были, остаются на поверхности. Так удалось мне в 1952 году обнаружить остатки древней стоянки на берегу Шилки, у деревни Кузьмино. Осматривая выдувы на берегу реки, я собрал прямо с поверхности великое множество каменных отщепов, скребочков, пожевидных пластинок, черепков глиняной посуды и т. д. А через два года я снова попал в эти места, снова обошел выдувы и вторично собрал отсеянный ветром богатый «урожай» находок.

В некоторых местах Забайкалья еще в недавнем прошлом местные жители проявляли к такого рода местам особый интерес. Как известно, раньше кремль широко применялся для высекания огня «кресалами», а также для кремневых ружей. А на стоянках каменного века обычно можно найти много кремневых отщепов и обломков. И вот, опрашивая местных старожил о том, где они раньше брали кремль для высекания огня, когда в деревне было трудно со спичками, иногда удается установить местонахождение древней стоянки.

Первобытные люди охотно селились в пещерах или под скалистыми навесами. Причем для этой цели предпочтительно выбирались неглубокая и сухая пе-

щера или грот, недалеко от реки или родника. Шилкинская пещера, например, была всего с комнату средних размеров и удовлетворяла всем этим условиям. Такую пещеру всегда стоит обследовать. С фонарем в руках внимательно осмотреть пол пещеры — не окажется ли там древних костей или изделий из камня, посмотреть, нет ли на стенах рисунков и т. д. Ищите также древние рисунки на скалах. Как они выглядят, я уже описал в очерке «Знаки на камнях». Помимо «писаниц», нарисованных краской, встречаются и изображения, выбитые на камне. Древние изображения чаще встречаются там, где скала образует гладкую вертикальную поверхность, прикрытую свеху хотя бы нешироким навесом.

Легче, чем стоянки каменного века, обнаруживаются более поздние «городища», то есть такие древние поселения, которые были в свое время ограждены одним или несколькими валами и рвами, причем над валом еще обычно возвышался тын из заостренных кольев или стена. От тына обычно с поверхности не обнаруживается никаких следов — дерево сгнило. Но остатки рвов, валов и стен, конечно, сильно размытые и оплывшие, иногда прослеживаются вполне отчетливо. А внутри, на территории городища, иногда можно обнаружить неглубокие ямы, следы землянок или домов или даже остатки каменных фундаментов домов и стен.

Что касается древних захоронений, то наиболее ранние из тех, которые обнаружены за Байкалом, относятся к неолиту. Родичи покойного, уложив его в могильную яму, обычно закладывали ее доверху камнями, плитами, валунами, а сверху засыпали землей. Иногда вследствие позднейшего размывания почвы на поверхности выступают острые углы верхнего слоя камней могильного заполнения. Поэтому всегда стоит приглядеться к такого рода скоплениям камней, в особенности если таких скоплений несколько, если они расположены по нескольку в ряд, цепочками. Это может быть неолитический могильник. К сожалению, иногда неопытный глаз может принять за древнее захоронение простой выход скалы.

О том, как выглядят более поздние захоронения: плиточные могилы бронзового века, гуинские, сян-

бийские, монгольские, а также «олениные» камни и другие виды памятников Забайкалья, я упоминал уже в разных местах этой книги.

Естественно, что если вы всерьез заинтересовались археологией и сами решили пуститься в археологический «поиск», то удобней и целесообразней будет осушествить это прежде всего в той местности, где вы сами живете, — в своем районе, области. В таком случае вам надо начать с ознакомления со специальной литературой по археологии края. Проконсультируйтесь также в местном краеведческом музее и внимательно ознакомьтесь с имеющимися там материалами. Постарайтесь такими путями узнать, какие памятники уже известны на территории края, района, какие из них уже раскопаны и изучены, какие — нет, как выглядят эти памятники и т. д. После этого вы лучше будете себе представлять, что и где вы должны искать.

Произведите опрос местных жителей. Потолкуйте со старожилками: учителями, охотниками, чабанами, шоферами, трактористами, не встречались ли им где-нибудь древние развалины, или могилы, или отдельно стоящие плиты с изображениями и т. д., не приходилось ли им находить какие-нибудь старинные предметы: кремневые или бронзовые стрелки, кинжалы или странного вида древнюю глиняную посуду с узорами, не слышали ли они о находках подобных вещей. Попутно следует узнать, как местные жители понимают, как истолковывают тот или иной древний памятник, нет ли каких-нибудь легенд или преданий, связанных с ним. Иногда таким образом можно сделать очень интересное открытие. Например, легенда о том, что в такой-то пещере видели привидение «покойника», может попросту означать, что в ней есть (или было когда-то) древнее захоронение. А если вас будут упорно уверять, будто в каком-нибудь урочище старики раньше находили «громовые стрелы», — определенно стоит туда сходить: «громовыми стрелами» раньше в народе называли древние кремневые наконечники.

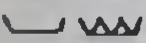
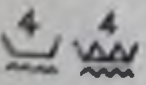

Заведите себе особую тетрадь и все полученные такими путями сведения записывайте в нее. Особенно тщательно и подробно записывайте данные о место-

нахождении памятника, как к нему просхать и пройти, кто еще знает об этом памятнике и мог бы к нему привести. Обязательно запишите фамилию, имя, отчество человека, который дал вам сведения, и те, которые, по его мнению, могут сообщить дополнительные данные или показать местонахождение памятника.

На основании всех этих полученных из разных источников сведений можно составить картотеку археологических памятников данного района или местности, на каждый памятник — особую карточку. Это очень удобная форма записей. Карточки можно сгруппировать по отдельным местностям, или по видам памятников (стоянки, писаницы и т. п.), или по периодам (палеолит, неолит, бронзовый век и т. д.). Таким образом, вы в любой момент сможете найти то, что вам нужно.

Одновременно с этим следует приступить к составлению археологической карты изучаемой местности (если такой не существует). Перечертите соответствующий участок крупномасштабной географической карты района и на основании имеющихся у вас сведений нанесите на нее условные знаки, соответствующие археологическим памятникам.

Условные знаки можно применять хотя бы такие:

- — пещера, в которой обнаружены культурные остатки или древние рисунки
- — древняя стоянка
- — селище (древнее поселение, не огороженное рвами и валами)
- — древнее городище с остатками валов, рвов и т. д.
- — отдельное захоронение, плиточная могила
- — плиточный могильник. Цифра указывает количество могил
- — курган
- — писаницы
- — кости древних животных
- — места случайных находок других древних предметов.

При карте должно быть дано объяснение знаков. У каждого условного знака на карте поставьте цифру-номер и составьте дополнительно к карте список памятников, обозначенных на карте.

Имея картотеку и археологическую карту, вам будет легче составить свой маршрут, когда вы решите самостоятельно начать поиски.

Следует иметь в виду, что полученные путем опроса предварительные данные, безусловно, нуждаются в проверке и уточнении. Но всегда имеет смысл посетить и те памятники, которые уже описаны в литературе, осмотреть их, проверить правильность описания, заметить, в каком состоянии они находятся, не грозит ли памятнику опасность дальнейшего разрушения, подобрать подъемный материал и т. д.

Дополнительные данные, которые вы получите в результате разведок, должны быть также внесены в карточки и отмечены на карте.

Вы должны иметь в виду, что занятие археологией требует наличия определенных знаний и навыков. Надо, например, уметь прилично фотографировать, рисовать и чертить. Археолог-любитель должен суметь сфотографировать и зарисовать вид могилы или древний нож, гарпун и т. д., сделать элементарную топографическую съемку и начертить схематический план памятника. Если вас привлекают занятия археологией, постарайтесь такие навыки приобрести.

Вот примерный список снаряжения, который вы должны подготовить, собираясь на археологическую разведку:

1. Географическая карта района достаточно крупного масштаба (желательно 1—2 км в 1 см).

2. Компас, уровень, рулетка.

3. Небольшая лопатка (типа саперной), нож и кисть для зачистки обнажений и т. п.

4. Планшет для съемки планов. Тетрадь — полевой дневник для записей и зарисовок. Карандаши (черный и красный) нехимические. Резинка для стирания. Масштабная линейка. Небольшой запас миллиметровой бумаги и кальки.

5. Фотоаппарат с запасом пленки.

6. Плотный картонный или фанерный ящик для

находок. Запас оберточной бумаги, ваты и шпагата для упаковки находок.

Теперь допустим, что вы во время археологической разведки обнаружили неизвестный или не описанный до сих пор памятник, например какое-то городище. Как вам следует действовать в таком случае?

1. Обойдите и осмотрите со всех сторон городище. Сделайте несколько фототографических снимков или зарисовок (общий вид, отдельные части, детали — более крупным планом). Сфотографируйте местность вокруг памятника (несколько снимков в разных направлениях), стоя на наиболее высоком пункте городища и поворачиваясь в разные стороны таким образом, чтобы снимки могли дать представление о месте расположения памятника.

2. Если сумеете, сделайте топографическую съемку памятника и нанесите на планшете план. Если нет такой возможности, все же следует, сделав с помощью рулетки и компаса достаточное количество промеров, начертить схематический план городища. На плане должны быть обозначены границы городища, расположение и направление рвов и валов, ям — следов землянок и столбов и т. д. Условными знаками и цифрами обозначьте на плане места находок подъемного материала.

3. Составьте словесное описание памятника. В нем должны содержаться примерно следующие сведения:

а) название памятника. Если памятник до сих пор не имел особого названия, дайте его сами. Обычно название археологическому памятнику дается по ближайшему населенному пункту или реке, ручью, горе и т. д.,

б) местонахождение памятника и его расположение. Укажите область, район, сельсовет, название колхоза или совхоза, на территории которого расположен памятник, расстояние до ближайшего населенного пункта, до железной или шоссейной дороги, до реки или ручья. Находится ли памятник на равнине или на склоне горы, на берегу озера или реки, или в овраге и т. д. Важно, чтобы, руководствуясь вашими планом и описанием, можно было без труда найти памятник на местности,

в) вид памятника, его общие размеры и ориентировка по странам света, размеры и расположение вала, ров, землянок и т. д.,

г) степень сохранности памятника. Укажите, в какой мере памятник разрушен, и причины разрушения: естественные (выветривание, размыв рекой или дождевыми водами) или деятельность людей (распашка, рытье котлованов или канав и т. п.). Не грозит ли памятнику дальнейшее разрушение в ближайшее время, если да, то по каким причинам? Не требуется ли предпринять какие-нибудь срочные меры, чтобы сохранить памятник?

д) находки подъемного материала, что в каком месте найдено.

Вот как, например, описал С. В. Киселев одно из городищ Восточного Забайкалья.

«Коктуйское городище (по названию протекающего поблизости ручья Коктуй) находится в Читинской области, Быркинском районе, на территории сельсовета, на землях колхоза.

Городище расположено на правом берегу ручья Коктуй, справа от дороги, идущей от рудника Абагайтуй к станциям Мацневская и Забайкальск, приблизительно в 2 километрах на северо-восток от развилки дорог к этим двум станциям.

Городище имеет форму почти правильного круга, диаметром около 95 метров. Вокруг него сохранился вал (высота 1,5 м, ширина 8 м) и ров (ширина 9 м, глубина 1 м). Очевидно, вал представляет собой остатки оборонительной стены города.

В четырех местах вал несколько расширяется и возвышается, — здесь, видимо, стояли четыре башни.

С восточной стороны имеется перерыв в валу — очевидно, след главных ворот. В этом месте имеется перерыв и у рва, как раз против проема ворот.

Вал имеет еще три других проема на юго-западной и северо-западной сторонах. Однако ров там не прерывается. По-видимому, в этих местах в стене были прорезаны калитки, через которые можно было выйти на неширокий уступ между стеной и рвом.

В центральной части городища также имеется вал, с четырех сторон ограждающий участок почти квадратной формы (35×35 м). Углы вала ориенти-

рованы по странам света, высота его до 2 метров, ширина — до 10 метров, по-видимому, остатки стен цитадели. Перед этим валом можно заметить следы рва, сильно заплывшие. По углам внутреннего вала также видны небольшие возвышения — остатки башен. Посредине юго-восточной стороны внутреннего вала имеется проем шириной около 9 метров, которому соответствует перерыв рва. Это, очевидно, следы ворот цитадели. От этих перерывов в валу и рву до ворот во внешнем валу идет узкое возвышение — по-видимому, остаток дороги, которая вела из цитадели за пределы города.

На территории городища в разных его местах были найдены мелкие обломки кирпичей и черепицы, обломки серой глиняной посуды с орнаментом в виде мелких, коротких параллельных штрихов, видимо, нанесенных роликовым штампом. У некоторых обломков сохранились остатки венчиков, треугольных в сечении».

Как видите, это не простое описание. Автор его не только приводит данные о валах, рвах и т. д. Он одновременно как бы мысленно воссоздаст облик древнего города таким, как он выглядел до разрушения, с его стенами и башнями, цитаделью, воротами и дорожками. Понятно, что дать такое описание может только специалист, человек, знающий, как были распланированы древние города, изучивший ряд аналогичных памятников. Несведущий человек мог бы вообще не обратить внимания на незначительные возвышения по углам валов и во всяком случае не догадался бы, что это остатки башен, а перерывы в валу — следы ворот.

Но если вы не сумеете самостоятельно понять обнаруженный памятник, тем более важно описать его как можно точнее, как можно тщательнее, чтобы по вашему описанию специалист мог правильно оценить значение находки.

Осматривая памятник, нужно одновременно искать и собирать подъемный материал, отмечая в то же время в тетради и на плане, в каком месте памятника обнаружен тот или иной предмет. Находки следует упаковать в бумажные пакеты, ящики или коробки. Хрупкие и ломкие предметы необходимо предва-

рительно обернуть в вату. Если находок много и они собраны с различных участков памятника, лучше заворачивать вещи, собранные в разных местах, в особые пакеты. При этом в тетради составляется краткая опись содержимого каждого пакета. И такая же опись на особом листочке (этикетке) вкладывается в соответствующий пакет. Пакеты перевязываются шпагатом. И на каждом пакете также делается надпись. И в описи, и на этикетке, и на пакете указывается название памятника, в какой части памятника сделана находка, содержимое и номер пакета, дата находки, подпись.

Все надписи рекомендуется делать не химическим карандашом и не чернилами (которые могут расплыться от воды), а простым карандашом.

* * *

Бывают разные любители древностей.

Известный забайкальский краевед А. К. Кузнецов, о котором я уже раньше упоминал, был человеком, который не только сам страстно увлекался археологией, но умел и других зажигать. Наслушавшись его рассказов, заинтересовался древностью и богатейший забайкальский купец Голдобин, владелец множества лавок и кабаков в разных местах края. Купеческая натура широка. Голдобин распорядился повсеместно оповестить, что каждому, кто принесет и сдаст в его лавку древнее изделие, будет тут же выдано соответствующее количество водки. И вот множество «жаждущих» бросились рыться на старинных городищах и раскапывать древние могилы. В результате у Голдобина скопилось немало интересных предметов старины (большая часть их впоследствии перешла в Читинский краеведческий музей), но где, в каких условиях эти вещи были найдены — этого никто не знает и не узнает.

Я сам знаю одного человека, агронома по специальности, который с гордостью раскрыл передо мною большой старый чемодан, чтобы показать свою, как он выразился, «археологическую коллекцию». Чего там только не было: несколько каменных орудий и старинная сабля, древняя китайская монета и украшение от шаманского передника. В его коллекции

было несколько действительно интересных предметов, но ни об одном из них владелец его толком не знал, где, когда, и каких условиях он был найден, что он собой представляет. Конечно, в таком «собираательстве» смысла мало, и к археологии это имеет отношение не намного больше, чем, скажем, коллекционирование старых зонтиков.

Я уверен, что каждому настоящему любителю археологии хотелось бы, чтобы собранные им сведения и древние предметы не осели мертвым капиталом в ящиках его стола или в каком-нибудь старом чемодане, а чтобы они послужили хотя бы небольшим вкладом в науку о родном крае. Поэтому возьмите себе за правило о всех своих изысканиях и находках обязательно сообщать в соответствующие научные учреждения. Постарайтесь установить постоянные связи с местным или областным краеведческим музеем, где вы сможете получить и консультации по всем интересующим нас вопросам, связанным с археологией и историей края. Туда же следует отсылать и копии своих полевых дневников, карт, планов, карточек, а также найденные вещи. Впрочем, по договоренности с музеем, вместо вещей могут быть отправлены их зарисовки или фотографии, а сами предметы использованы для организации экспозиции в школе, или в клубе, или в другом подходящем месте, где интересующиеся могли бы их увидеть.

Вы можете также написать о своих поисках и находках в местную или областную газету. Такие заметки, появившиеся в местной печати, обычно берутся на учет и соответствующими центральными научными учреждениями. Проведите беседу в школе или выступите с лекцией в клубе о древностях края, используя для иллюстрации также и свои материалы. Конечно, к этому нужно тщательно подготовиться, почитать специальную литературу, проконсультироваться со сведущими людьми. Ведь если вы просто покажете какое-нибудь древнее каменное изделие и скажете: «Вот посмотрите, какую штукуну я нашел!», — это вряд ли удовлетворит ваших слушателей. Они обязательно заинтересуются: А что это такое? А для чего это служило? К какому времени это относится? Какого народа-племени эти вещи? и т. д.

Но именно готовясь отвечать на такие вопросы, читая специальную литературу, советуясь и переписываясь со специалистом, вы постепенно будете вникать в дело и незаметно втягиваться в настоящую науку.

А если вы, читатель, работаете учителем истории или географии, то археология должна для вас представлять особый интерес. Насколько интереснее и живее пройдет у вас, скажем, урок по истории о первобытнообщинном строе, если вы расскажете ученикам об открытиях археологов и о памятниках старины на территории родного края и попутно о своих находках, нарисуете перед ними яркую картину жизни древних людей не вообще и не где-нибудь в определенном месте, а здесь, в тех самых местах, где живете сейчас вы и ваши ученики.

Не менее важно то, что к занятиям археологией можно привлечь и самих школьников. Организуйте из наиболее интересующихся ребят кружок. Посоветуйте им для начала прочитать несколько книг по археологии, научно-популярных и художественных. Пусть ученики, подготовившись с вашей помощью, выступят на кружке с короткими сообщениями на какие-нибудь археологические темы, и в том числе по археологии края, пусть примут посильное участие в организации археологического уголка, сделают рисунки, начертят археологическую карту, изготовят муляжи и т. п. А когда настанет лето, возьмите с собой несколько кружковцев на археологическую разведку. Обычно ребята с великим энтузиазмом встречают такое предложение. И все это не только пополнит их знания, но и будет воспитывать в них чувство любви и привязанности к родному краю и родной земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Что такое археология	5
Белое пятно на археологической карте	8
ГЛАВА I. Каменный век Забайкалья	13
Около миллиона лет тому назад...	13
Во времена Великого оледенения	20
Мастера каменных орудий	23
Ошурково — стоянка древнекаменного века в Забайкалье	31
Сквозь туман тысячелетий	37
«Мастерская каменного века» на Титовской сопке	43
Загадка Шилкинской пещеры	45
ГЛАВА II. Бронзовый век Забайкалья	64
Культура плиточных могил	64
Первые металлурги за Байкалом	67
Когда археологи считают кости...	71
Трагедия в Борзинской степи	77
Раб и господин?	80
Знаки на скалах. Верх-Хилинская писаница	82
Колдовство у звериной скалы	85
Магические оградки и культ предков	90
Археология и миф	92
ГЛАВА III. Ранний железный век	96
Гунны в Забайкалье. «Бич божий» и «Молот вселенной»	98
По следам древних гуннов	102
Курганы гуннских шаньюев	106
Как археологи проверяют историков	112
Конец Иволгинского городища	125
ГЛАВА IV. Монгольские древности	130
Сяньбийский могильник у станции Оловянной. Шивзи и Мохэ. «Укрепрайон» на р. Черной	130
Да-да и монголы	136
Повелитель полумира	141
Кондуйский дворец	142
Город Исунке-хана	148
Как «чуть-чуть» не нашли могилу Чингис-хана	153
ГЛАВА V. Тем, кто любит археологию	157

Рижский Михаил Иосифович

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Рассказы археолога о древнем Забайкалье

Редактор *А. С. Лысенко*

Оформление художника *Л. А. Грузова*

Художественный редактор *А. И. Амосов*

Технический редактор *А. В. Пономарева*

Корректор *Л. В. Глаголева*

Сдано в набор 27 марта 1965 г.

Подписано в печать 9 июля 1966 г.

Печ. л. 9,81 Уч.-изд. л. 8,68

Бумага 84x108¹/₃₂. Тираж 10 000

Заказ № К-231. НЕ 03136 Цена 26 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство,
г. Иркутск, ул. Горького 36

Типография № 1 Иркутского областного
управления по печати, г. Иркутск,
ул. Карла Маркса, М 11

